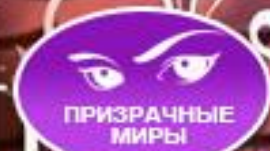

Наталья Мазуркевич

ВЕДЬМЫ
ЖИВУТ НА КРЫШАХ

WWW.FEISOVET.RU

Annotation

Что такое любовь? Для кого-то это настоящее испытание, требующее недюжинной силы воли, а для меня – сделка.

Сделка между моей жабой, логикой и здравым смыслом, отступившими перед обаянием Мартина Клейна, человека прекрасного во всех отношениях, кроме личных, и кровожадностью его юриста, готового пустить меня по миру в случае нарушения нашего контракта. Увы, брачного, с рабочим я бы так не встряла.

- [Ведьмы живут на крыше](#)
  - [ПРОЛОГ](#)
  - [ГЛАВА 1. Чердак и новые знакомства](#)
  - [ГЛАВА 2. Священный долг ведьмы](#)
  - [ГЛАВА 3. Подруги лучше нет на свете](#)
  - [ГЛАВА 4. Все ведьмы делают это](#)
  - [ГЛАВА 5. Понять, принять, прощать?](#)
  - [ГЛАВА 6. Вечер в городе](#)
  - [ГЛАВА 7. В гостях у ведьмы](#)
  - [ГЛАВА 8. Ведьмы VS Локон](#)
  - [ГЛАВА 9. Предложение](#)
  - [ГЛАВА 10. Цена согласия](#)
  - [ГЛАВА 11. Договор](#)
  - [ГЛАВА 12. Привет от тетушки](#)
  - [ГЛАВА 13. Вести с полей, морей и прочих местностей](#)
  - [ГЛАВА 14. Еще о городских жителях](#)
  - [ГЛАВА 15. Моя дорогая невеста](#)
  - [ГЛАВА 16. Откровения](#)
  - [ГЛАВА 17. Извинения](#)
  - [ГЛАВА 18. О жилье, супружеских долгах и способах их покрытия](#)
  - [ГЛАВА 19. О свадьбе и чужом опыте](#)
  - [ГЛАВА 20. Лучшая ведьма года](#)
  - [ГЛАВА 21. Новые обстоятельства](#)
  - [ГЛАВА 22. О новом статусе и устройстве на работу.](#)

- [ГЛАВА 23. О ведьмах настоящих и людях хуже ведьм](#)
  - [ГЛАВА 24. Леди Шарлотта](#)
  - [ГЛАВА 25. О цене родственных чувств](#)
  - [ГЛАВА 26. Старые новые знакомые](#)
  - [ГЛАВА 27. Хорошо забытое старое](#)
  - [ЭПИЛОГ](#)
-

Ведьмы живут на крыше
Наталья Мазуркевич

ПРОЛОГ

– И знать ничего не хочу! – Господин мэ́р, хотя обратись к нему так кто-то, мог бы нарваться на волну негодования со стороны лорда Эдингтона, гневно сверкнул глазами, бросил в гостя кипой документов и, видимо, забыв, что трость необходима ему для ходьбы, а не для гостей, замахнулся ею. - И думать забудьте об этом! Чтобы какой-то прощельга попирал вековые традиции!.. Вон из моего города! Еще раз вас здесь увижу...

Договорить Густав Эдингтон не успел. Легко отворилась смазанная неделю назад дверь, и на пороге, прижимая к себе вышитый стразами ридикюль, остановилась высокая дородная женщина в платье из ярко-алого шелка с вышивкой золотом. Ее шляпку, как величайшую ценность, а может и напротив, держал на вытянутых руках секретарь. Перчатки леди снимать не стала, видимо, решив не уделять своему визиту много времени.

Цокот каблучков заставил гостя отступить, пропуская леди к замершему в моменте гнева мэру, чье лицо начало стремительно добреть, чем ближе к нему подбиралась сторонница выходивших из моды турнюров.

– Дорогой. - Голос посетительницы был столь сладок, что Мартин ощутил, как тонет в его меду. - Целитель запретил тебе волноваться. - Леди легко вклинилась между столом мужа и окном и привычным движением надавила на плечи благоверному, заставляя того рухнуть в кресло. Перехватила трость и, убедившись, что та цела, попеняла гостю: – А вы, молодой человек, могли бы и уважить седины и вести себя прилично.

– Приношу свои искренние извинения, леди... – Мартин замер в поклоне, снизу вверх глядя на даму. Крупные черты лица, фамильный загнутый, как у ястреба, нос и такие же цепкие, оценивающие глаза. До замужества леди определенно носила одну из трех самых уважаемых фамилий, обладатели двух из которых приходились родственниками королю, а одна и вовсе принадлежала монарху лично. - Я сожалею, что моя скромная персона принесла столько волнений вашему супругу, и если бы я мог загладить свою вину...

Леди, словно ожидавшая этого предложения, расплылась в улыбке, обнажая маленькие, как у хорька зубки.

– Разумеется, господин...

– Клейн, - подсказал Мартин, лобызая протянутую ему руку в перчатке. Новенькой, по запаху – только-только из мастерской.

– Что ж, - леди нахмурила выщипанные в тонкие дужки брови, - вы сможете заслужить мое прощение, если явитесь к нам на прием. Где вы остановились? Я пришлю приглашение.

– В «Лунном свете», - охотно поделился Мартин, просчитывавший открывавшиеся перед ним перспективы.

– Вы женаты?

– Увы, нет. - Мужчина притворно опечалился.

– Это ненадолго, - пообещала ему леди, расплываясь на сей раз не в вежливой, а в какой-то предвкушающей улыбке. – Наш город обязательно подарит вам настоящее сокровище. Я вам обещаю.

– Я верю вам леди. – Мартину пришлось приложить недюжинные усилия, чтобы остаться безмятежным. Слишком уж красноречивым и даже сочувственным стало лицо мэра, готового ранее сломать свою трость о его хребет.

– Вот и прекрасно. Приглашение доставят к обеду. - В обещании леди отчего-то слышалась неприкрытая угроза. – Можете идти.

И Мартину ничего не оставалось, кроме как с поклоном удалиться. Спиной вперед, чтобы не терять супругу мэра из виду, как ранее поступил более осведомленный секретарь.

– Бегите, - шепотом посоветовал секретарь, когда Мартин прикрыл дверь в кабинет и в задумчивости замер в приемной. – Леди Кондида ещё никого не упускала.

– Охотно верю, – протянул мужчина, нахмурился, что-то подсчитывая, и обратился к тщедушному юнцу: – А мне показалось, или леди принадлежит к одной из трех династий?

– Не показалось, – устало протянул секретарь, не повышая голоса, и так же тихо, без скрипа и звона, откупорил бутылочку из темного стекла, после чего залпом отпил. - Леди Кондида Эдингтон, в девичестве Гарнгстон. Хозяйка всего и вся в этом городе. Но вы не надейтесь на многое, - усмехнулся секретарь. – Чтобы леди заступилась за вас перед супругом, вы должны пожертвовать всем.

– А подробнее? - заинтересовался Мартин. Секретарь поднялся и сочувственно похлопал посетителя по плечу, отчего Клейн в полной мере ощутил запах спирта, исходивший от решившего успокоиться служащего. Тот икнул и выдал:

– Женитесь. И чем быстрее – тем лучше. Иначе жену вам найдут, – горько закончил секретарь. Вспомнил о чем-то, побледнел и перестал икать.

ГЛАВА 1. Чердак и новые знакомства

– Свободен только чердак на улице Текстильщиков. Но вряд ли он вам...

– Беру! – воскликнула я прежде, чем госпожа Теравер успела договорить. Женщина на мгновение замерла, обдумывая мою поспешную реакцию, а после загадочно улыбнулась и радостно закивала.

– Отлично, в таком случае, оформляем. Чердак, расположенный на улице Текстильщиков в шестом доме, переходит в безраздельное пользование госпожи Ларин Загресси сроком на шесть месяцев. Оплата за весь период проживания вносится авансом. Все верно?

Я молча кивнула и выложила на стол требуемую сумму – сто двадцать золотых. Совсем небольшую, учитывая стоимость аренды всей другой свободной для съема недвижимости. Про цены в гостиницах я и вовсе предпочитала не вспоминать.

– Распишитесь здесь и здесь. - Мне шустро подсунули бланк договора. Увы, я подобной быстротой не отличалась и начала его читать. Только убедившись, что все верно, поставила на обоих экземплярах подпись и окончательно рассталась с деньгами. - Вот и чудесно. Можете заселяться прямо сейчас. С этого момента и до самого сбора урожая эта квартира ваша.

– Моя... – глухо повторила я, оглядывая чердак.

На самом деле он был не так уж плох. Отмыть слегка, подкрасить кое-где, вытряхнуть вытряхиваемое и можно жить. Ни клопов, ни мышей, ни даже призрака здесь не было, а потому я все же рискнула поинтересоваться:

– А почему вы думали, что я откажусь от этой квартиры? И неужели ее никто не снял за те четыре месяца, что она выставлена на продажу?

– Понимаете. – Госпожа Теравер слегка смутилась. – Чердак – это почти крыша.

– И? - Я недоуменно вздернула брови. Чердак – и чердак. Крыша – и крыша. В столице селились хоть бы где, лишь бы не за городской стеной.

– Так ведь ведьмы живут на крыше! – многозначительно выпалила собеседница. И тут же добавила: – Но вы не думайте, я совсем не осуждаю вашу работу. Напротив, новая ведьма в городе – это прекрасно! Вот увидите: вам у нас понравится!

И госпожа Теравер поспешила скрыться за дверь.

Мне оставалось только пожать плечами, удивляясь народной выдумке. Ведьма – на крыше? А почему тогда не в избушке на кладбище? Хотя оно, конечно, летать с крыши сподручнее, но так на полеты отдельную лицензию получать нужно, согласовывать время вылета, ждать, когда тебе воздушный коридор выделят, чтобы не врезаться случайно в чьего-нибудь вестника... Уж проще из дома выйти и на своих двоих дойти или экипаж вызвать. В столице, насколько мне было известно, все только так и делали.

Ибо с тех пор, как на престол взошел Георг Тринадцатый, ведьмам стало жить совсем худо. Первым своим указом его величество освободил от налогов сроком до трех лет всех зарегистрированных ремесленников, упростил систему получения королевских кредитов для предпринимателей и в целом налоговую систему. И начался настоящий ведьминский ад.

Если раньше к ведьме шли и за спиртом, и за консультацией, и за зельем «зело полезным», то ныне... Все пути для нечестной торговли им пресекли. Разве что привороты остались незаконными, но здесь дипломированные маги клиентов отбирали. Они-то привораживали с гарантией, пусть и называли процедуру не банальным (и наказуемым) приворотом, а усилением привлекательности указанного в договоре лица, то есть заказчика, который и принимал на себя все последствия такого «усиления».

Потому, оставшись без основных путей заработка, начали ведьмы переезжать на чердаки, где арендная плата меньше была. А после и вовсе исчезли из столицы. Переехали на дальние рубежи, куда ещё не пришли плоды налоговой реформы его величества. Видно, в такой уголок я и умудрилась попасть. Ну ничего, справимся и с этим! Главное выждать, встретить свое совершеннолетие и можно будет вернуться, не опасаясь тетушкиного вмешательства.

Я глубоко вздохнула и незамедлительно расчихалась. И поделом. Вместо того, чтобы предаваться воспоминаниям, следовало о доме

побеспокоиться и привести его в надлежащий вид. Мне здесь, в конце концов, ещё жить. А солнце через несколько часов уже сядет!

***

До темноты я успела сделать не так много: выбила шторы и стерла сантиметровой пылью. По-хорошему, следовало и пол вымыть, но сил творить хоть какой-то порядок уже не было. Перекусив наскоро последним куском купленного утром на станции пирога, я, не раздеваясь, отправилась спать. Все же грешно было бы пачкать чистую одежду о старую кровать.

Сон не шел: то над ухом зудели несуществующие по заверениям хозяйки дома и единственного агента по недвижимости в городе комары, то в дверь колотили. А после она распахнулась во всю ширь, пробив в стене неплохую дыру. И привидится же такое?!

Я зевнула и перевернулась на другой бок. Сонный мозг отказывался верить в происходящее.

– Эй, вставай! – Меня ухватили за плечо и дернули, заставляя принять сидячее положение. Я моргнула. Один раз. Второй. Но видение дамы в строгом фиолетовом платье не ушло. Как и ощущение ее цепких пальцев на моем плече. – Нет, ну куда это годится! – Поздняя гостья наконец отпустила мое многострадальное плечо, взметнув руками и чуть не сломав мне нос от полноты своих чувств. С трудом успев уклониться, я вновь рухнула на пыльное одеяло, поверх которого и лежала. Но даму это не расстроило. Она цокала каблучками по стершимся доскам пола, заглянула в неразобранный сундук, зонтиком постучала по хлипкому столу, отчего у меня перед глазами просвистел счет за ремонт, и громко посетовала: – Никуда не годится! – После обернулась ко мне и сообщила с интонациями, обиженной в лучших чувствах: – В мое время юная ведьма сама шла представляться старшим коллегам. А тут мало того, что к ней пришли, так она ещё и спать изволит! – Дама чинно плюхнулась на единственный стул, отчего его ножки многозначительно задрожали, и ее указующий перст вперился прямо в меня. – Никакого уважения!

Странное «уважение», которое от меня требовали неизвестные посетители в моем же доме, вторгшись и лишая меня всякой надежды на сон, было вероятно опасным диким зверем. И по мановению руки и чьему-то приказу поймать его мне не удалось. Из-за чего, наверное, я и не смогла смолчать.

– Простите, леди, – начала было я, протирая глаза, и хотела уже выразить свое глубочайшее неодобрение поведения незнакомки, когда та с профессиональной сноровкой кивнула и, по-королевски широко улыбнувшись, заявила:

– Извинения приняты. - После чего поднялась со стула и, проведя ладонью по помявшейся юбке, распорядилась: – Поднимайся. У нас ещё так много дел, а ночь уже началась. Следует представить тебя девочкам. Подумать только, три года тишины и хоть какая-то отрада. - Женщина вновь всплеснула руками, и я, несмотря на то что была достаточно далеко от нее, быстро наклонилась, спасаясь от ушиба. - А я, дура старая, так настаивала! – Справедливости ради стоило отметить, что назвать ее старой мог бы лишь слепой. Скорее – взрослой и опытной, хотя голос у ночной посетительницы был по-девичьи звонким, а уж энергии в ней... Она коснулась тыльной стороной ладони лба, повздыхала и, заскучав, вновь бросилась ко мне. - Одевайся же ты! Сколько можно ждать? Леди Эдингтон успеет заскучать, а это ни к чему хорошему не приведет. Ты никогда не знаешь, что выдумает Кондида, заскучав, - понизив голос, сообщила мне леди.

И, не ожидая больше от меня расторопности, незнакомка лично подскочила к моему сундуку, распахнула крышку и поворошила зонтиком внутри.

– Не годится... Слишком старое... модное, не хватало еще, чтоб Сати обиделась... Вот, это годится! – Ручка зонтика подцепила ярко-розовое платье, которое я старалась лишней раз не тревожить, но выбросить не могла. На семейных ужинах тетушка предпочитала видеть свой подарок на мне, а мне не хотелось лишней раз ее расстраивать. Это было бы слишком опрометчиво с моей стороны. - Одевайся.

Женщина взглянула на руку, сверилась с миниатюрными часиками, камни на которых слепили сильнее, чем зажженный под потолком осветительный шар.

Я мысленно отметила, что нужно будет его к магу отнести, пусть зарядит. Но не раньше, чем найду работу хоть какую-нибудь работу. Признаться, я была согласна почти на любую, лишь бы там не спрашивали документы и не требовали нарушать закон.

Неохотно сползла с кровати и протянула руку за нарядом. По хорошему следовало высунуться в окно и позвать стражу, но интуиция подсказывала, что стража здесь не поможет. Разве что к ним приставили целителей, но и в этом случае – сумасшедшие за свои деяния ответственности не несут, а мало ли зачем ко мне посреди ночи забралась незнакомка с часами ценой во весь дом.

– Простите мне мое любопытство, но, госпожа, кто вы? - все же не смогла удержаться от проявления любопытства я. Ухоженная блондинка в фиолетовом шелковом платье и зонтиком наперевес могла быть кем угодно. Разве что не привидением – ее руки, трясшие меня за плечи, я чувствовала прекрасно.

– Я, милое дитя, – на глаза незнакомки навернулись невидимые слезы, кои она тут же поспешила смахнуть, - вторая их старших ведьм этого города, леди Марла Ольен. И я уже и не надеялась, что нас посетит молодое поколение, да ещё и с серьезными намерениями. Все пролетают, как птички, никто не задерживается. Но вы, я вижу, серьезная юная ведьма. Госпожа Теравер мне все рассказала. Умница, красавица, губки не кривила, как увидела чердак – сразу и сняла. И не на какие-то дни – на полгода! Сняла и тут же заселяться стала, порядок наводит, как и положено хорошей хозяйке, - похвалила меня дама и тут же поторопила: – Быстрее, мы опаздываем. Девочки не будут нас так долго ждать. Не Мали, она вне себя от тортиков мадам Бельер, а я в честь праздника заказала целых три. Их должны были уже доставить.

Словно в ответ на подобное коварство заурчал желудок, намекая, что пора бы, действительно, поторопиться. Облачение по моде не заняло много времени, и уже через полчаса моя скромная персона, нарядная, как на шестилетие, стояла на пороге Зала Собраний при городской мэрии и созерцала размах творящегося безобразия.

Ни в одном другом городе – я просто была уверена в этом – не собирают весь бомонд ради знакомства с новоприбывшей. Здесь же, казалось, присутствовал весь высший свет. Точнее – женская его половина. Мы шли мимо столиков, а моя спутница вкрадчиво сообщала:

– Валин – жена господина Ржее, преуспевающего купца, поставляющего в наш город лучшие ткани. Некоторых нет даже в столице, – похвасталась моя «наставница», кивая на хорошенькую, если бы не огромный нос, темноволосую леди лет тридцати.

– Марилид – жена лорда Нашера, кузена мэра, ежегодно организует прием для самых выдающихся женщин города. Разумеется, ты, дорогуша, приглашена.

Высокая и очень худая леди, для которой, казалось, и корсет будет велик – так она блюла фигуру, отсалютовала нам чашечкой, не забывая про оттопыренный мизинец, и вернулась к прерванной беседе. Ее собеседница, невысокая пышка в ярко-салатовом, смерила леди неодобрительным взглядом и поднялась.

Стол вздрогнул, посуда зазвенела, но опытная леди Марилид подхватил и чашку, и чайник за миг до столотрясения.

– Дилара, – представила мне ее леди Марла, стоически вынося крепкие объятия девушки и своим мужеством показывая мне пример. А ведь, если бы не она, я бы позорно отшатнулась: восседая за столом, Дилара выглядела миниатюрнее. Килограммов на пятьдесят. – Жена первого советника мэра. Он возглавляет службу по контролю за ввозом и вывозом товаров. Думаю, на первое время устроим тебя туда, – решила для себя вторая ведьма города, лавируя между столиками. – Выйдешь замуж, пойдешь на повышение. Скажем, возглавишь клуб садоводов. Давно пора убрать эту выскочку Дарго, но все кандидатов не было. Не мне же на себе ещё и это тянуть, а кому доверить...

От складывающихся перспектив у меня лицо вытянулось, и, кажется, это заметили.

– Какие-то вопросы, дорогая? – вкрадчиво уточнили у меня, подводя к центральному столику и кивая на один из двух свободных стульев. Два других уже были заняты. Один – пожилой леди в красном атласном платье и шляпкой в тон. Другой – совсем молоденькой темноволосой девушкой, все внимание которой было направлено на возвышавшийся над закусками торт. Она не могла отвести от него взгляда, ерзая на стуле и сжимая длинные пальцы с аккуратными ноготками в кулачки. Прямо картинка для открытки.

– Леди, ну прошу вас, ну ещё кусочек, – молила несчастная, глядя своими огромными голубыми глазами на равнодушную к ее потугам даму.

– Присаживайся, – позволили мне. И под недовольным взглядом любительницы тортиков, я присела на краешек стула. Поступок мой был вызван вовсе не велением этикета. Просто все внутри было напряжено и готово бежать по первому зову, потому не следовало

лишать себя лишних секунд форы. Но, кажется, мое поведение трактовали иначе, ибо уголки губ пожилой леди чуть приподнялись, и взгляд, которым она меня наградила, смягчился.

– Я леди Кондида Эдингтон, жена лорда Эдингтона, мэра этого города, - представилась дама и, не отвлекаясь от меня, стукнула веером по протянувшимся было в сторону тортика пальцам. – Мали, рано, - грозно одернула старшая ведьма города, если верить словам леди Марлы. - Мы ещё не познакомились с гостьей. Дорогая, представься, пожалуйста. – Голос леди Кондиды стал вкрадчивым и мелодичным.

– Ларин Загресси, - тихо ответила я, но, казалось, мне слышала каждая. Под взглядами дюжины ведьм мне стало не по себе.

– Не тушуйся, милая. – Леди подалась ко мне и цепко ухватила мои холодные пальцы. Так, что встать и убежать возможности больше не было. - Здесь все свои, - сказала жена мэра, то ли желая успокоить, то ли объясняя всю тщетность моего гипотетического побега из лап высшего общества. Я слабо улыбнулась леди и откинулась на спинку стула, смиряясь с неизбежным. Леди Марла поощрительно улыбнулась, в то время как старшая из ведьм наконец выпустила меня из своих когтей и поднялась. Моя «наставница» постучала ложечкой по хрустальному бокалу, привлекая и так сосредоточенное на нас внимание и прося тишины.

– Девочки, - начала леди Кондида. – Любимые сестры, давно уже мы с вами не собирались по такому прекрасному поводу. Сегодня наши ряды, наконец, пополнились. Сегодня в наш уютный Грастин приехала эта юная прелестная ведьмочка. - Леди Кондида не удержалась от покровительственной улыбки, а сидевшая боком к ней Мали – от ехидной. - Ларин, сколько тебе лет?

– Девятнадцать, – ответила за меня госпожа Теравер и отсалютовала бокалом. Воспользовавшись тем, что всеобщий интерес сосредоточился на мне, Мали торопливо стянула на тарелку кусочек торта. – На год больше, чем Мали.

– Вот как. – Леди Кондида перевела оценивающий взгляд с меня на замершую Мали, застывшую прямо с кусочком торта на ложке у самого рта. - Мали! – Под грозным взглядом старшей ведьмы, бедняжка вздрогнула и уронила лакомство обратно на тарелку. В ее глазах замерли, готовые вот-вот сорваться слезы. - Что ж, так будет даже лучше, – приняла решение леди и распорядилась: – Мали,

можешь вернуться за свой столик. Твоя священная миссия откладывается. Задание будет выполнять Ларин.

– А торт? - Мали вся подобралась.

– Можешь есть. Платье прабабушки пока повисит в шкафу.

– Да, моя леди. - Радость в голосе Мали была искренней. Она торопливо подхватила юбки и бросилась в зал, к столику, где сидели такие же молодые девушки, в розовых платьях без корсетов, по последней столичной моде.

– Ларин, - обратилась ко мне старшая ведьма города, – ты же понимаешь, что в наше непростое время мы не можем упустить ни единого шанса влиять на политику страны в целом и нашего города в частности. Не после того, что устроила эта иноземная с... скудоумная. - Все ведьмы неодобрительно поджали губки и сжали пальцы в кулачки. - Георг был таким славным мальчиком. - Леди Кондида утерла слезитировавшим к ней платочком скупую слезу. - Такой наивный, послушный, а как оно вышло! Приехала, вскружила голову мальчику и отказала. Мы с Гортензией, конечно, были против иностранки, но готовы были смириться, все же своя, ведьма. А она... – Леди скрипнула зубами. - Понятно, что Георгик обиделся. Но ничего, со временем он одумается, а там и Мали у нас поумнеет, и Гортензия хвасталась протеже. Ничего, ведьмы ещё возьмут свое! – ничтоже сумняшеся заявила старшая и, судя по пылающим взглядам, у кого-то и в прямом смысле слова, никто не ставил под сомнения ее слова. Кроме меня. – Увы, пока эти времена не настали, нам нужно держаться вместе, отказываясь от своих мелких желаний в угоду большему. Ларин, детка, – внимание леди Кондиды вновь вернулось ко мне, - ты же окажешь услугу нашему сестринству?

– Д-да, – понимая, что влезаю точно не в свое дело, но желая остаться в полном комплекте, протянула я.

– Умница. Правильный выбор, - похвалила меня леди и обернулась к собравшимся. – Девочки, с завтрашнего дня начинаем операцию. Достаем все лучшее, что у нас есть, и готовим Ларин к дебюту. Дилара, подготовь мужа. Ларин нужна работа на первое время. Валин, Сати, на вас платье. Дорогая, - леди смерила меня снисходительным взглядом, – это уже не в моде, да и цвет – не ваш. - Я согласно кивнула. – Отлично, Марла, на тебе разговоры. Научи Ларин...

– Из Вальеха о ней лишь лучшие отзывы, – сверившись с записной книжкой, заметила леди Марла. Я подавилась водой. – Связи, милая. Прежде чем приглашать тебя, я должна была убедиться, что ты достойна.

– Но тогда вы знаете, что я не...

– Т-с. - Леди Марла приложила палец к губам. – Кондида говорит. Младшим полагается слушать.

А послушать было о чем. Платья, шляпки, перчатки, туфли, работа. Еще пять минут назад у меня не было ничего, а сейчас все и священная миссия в придачу. Впрочем, дела обстояли ровно наоборот. Миссия – и из-за нее пыточные блага современного дамского общества. Ну кроме работы. Она мне действительно была нужна.

– А задание-то какое? - шепотом, поняв, что подробностей от леди Кондиды не дождусь, уточнила я у леди Марлы.

– Сущий пустяк, - отмахнулась собеседница. - Нужно выйти замуж.

ГЛАВА 2. Священный долг ведьмы

– Простите, что? – откашлявшись, переспросила я, глядя на леди Марлу во все глаза.

– Испортить жизнь конкуренту, отобрать лучшие годы, лишить надежд на будущее, обеспечить сестрам безопасность... – начала перечислять вторая ведьма Грастина.

– Нет, что вы вначале сказали.

– Выйти замуж, - спокойно повторила собеседница. - Это самый простой способ выполнить наш общий долг. Когда мужчина думает, где бы спрятать коньяк и сигару, он не занят всякой ерундой. Вспомни, что творится в столице, и посмотри, какая тишина здесь. А все мудрое руководство леди Эдингтон, решившей не лезть в большую политику и выбравшей малую. По ее примеру поступили и мы. – Благоговейный трепет отразился на лице леди Марлы. – Потому отринь сомнения и с честью выполни возложенную на тебя миссию. Но это завтра. А сегодня – ешь.

– А как же диета? – осторожно спросила я, но отказываться от предложения не стала. Едва ли мне грозило поправиться в ближайшие дни, стоило только вспомнить об уже запланированных леди Кондидой мероприятиях. Этак я и до работы доберусь спустя неделю, когда все примерки под конвоем посещу.

– Дорогая, какая диета? Мы – ведьмы, наши фигуры идеальны. - Я с сомнением покосилась на Дилару. - И малышка, Лари, прямое тому доказательство, - перехватив мой взгляд, улыбнулась леди Марла. - Полкварты приворотного, четыре лавки в приданное и счет в королевском банке прекрасно открывают глаза на твои достоинства любому из кавалеров.

– Приворотное зелье запрещено, - напомнила я, примеряясь к закускам. Желудок, отчего не проникшийся важностью интервального голодания, громко заурчал, предлагая блюсти фигуру кому-нибудь другому.

– Ешь уже. - Проигнорировав замечание, леди Марла перехватила мою тарелку и сама заполнила ее снедью. - Приятного аппетита. И

никаких дурных мыслей. В умелых руках и тарелка супа приворотное, но ничего запрещенного в ней ни одному магу не обнаружить.

С последним словом леди ко мне вернулась и тарелка, от которой исходили такие запахи, что можно было с легкостью поверить собеседницы. Даже не зная, кто творил эти шедевры, я уже была заочно в него влюблена. Видимо, на лице что-то отразилось, ибо леди Марла довольно усмехнулась и кивнула вернувшейся к столу старшей ведьме.

– Вижу аппетит у Ларин достойный, - отметила леди Кондида, заставив меня подавиться тарталеткой. Увы, она была всего лишь второй.

– Девочка устала и голодна, - вступилась за меня леди Марла, просительно заглядывая в глаза начальнице. - Пусть поест. Столько всего на нее навалилось...

– Пусть... до форм Мали, конечно, не откормим, но и ошипанным цыпленком не будет, - великодушно позволила жена мэра и тоже приступила к дегустации. А я поспешила отстраниться, насколько это было возможно: женщина так ловко управлялась с ножом, что у меня, знакомой с воспитанием леди и их полным неведением относительно кухни, закрались опасения, так ли невинна леди и не закопан ли кто-то у нее на заднем дворе. Хотя, если принять-таки тот факт, что все собравшиеся здесь, за исключением меня, независимо от происхождения представительницы одной – ведьминской – касты, то вопросы тут же исчезают. Вместо них появляется стойкое желание писать: завещание ли, признание – но хоть что-то, чтобы обезопасить себя от лучших дам города.

– Дорогая, тебя что-то смущает? - Леди Марла положила ладонь на мой непроизвольно сжавшийся кулак, из которого торчал столовый нож.

– Все в порядке, - не рискнула признаваться я, вновь чувствуя на себе взгляды всех присутствующих. - Только, простите мне мое любопытство, знает ли кто-то ещё о нашем собрании? Ведь это мэрия, и, наверняка, лорд Эдингтон, ваш супруг и мужья остальных девочек... кто-то бы обязательно задался вопросом...

– Они и задавались, – успокоила меня леди Марла, хихикнув. - Но проведя пару часов в кустах ежевики и не увидев ничего неприличного

– мы специально пришли пораньше, чтобы повышивать, – или хотя бы забавного, удалились, оглашая свой путь цитатами древних наречий.

– Это каких? – заинтересовалась я, слабо представляя, какой из древних языков может прийти на ум, когда выбираешься из колючих кустов.

– Очень древних. Воспитанным девушкам такие слова знать не положено. – Погрозила мне пальцем леди Марла и шепотом пообещала: – Могу одолжить словарь. Для личного пользования. Все же, мы не из тех ошипанных куриц, у которых достоинств – одни приличия, - едко заметила леди Марла и я задумалась.

По всему выходило, что в городе, кроме ведьминского сестринства, имелась и другая организация. «Приличная».

– Разумеется, – согласилась я и спросила: – А как мне узнать тех, кто, – я замаялась, - чересчур приличен.

– Поверь, милая, – нож леди Марлы царапнул тарелку, - ты ни с кем их не перепутаешь. К тому же, - женщина взяла себя в руки, – их здесь нет.

Я ещё раз огляделась, запоминания лица. Молодые, возрастные – старым местное собрание было просто невозможно назвать, то ли макияж скрывал их истинный возраст, то ли сила, присущая каждому одаренному. Завистливый вздох сорвался с моих губ, но, несмотря на поощрительный взгляд леди Марлы, я промолчала. Нужно было признаться, остановить это все, но внутри что-то протестовало. Был ли это инстинкт самосохранения, или что-то иное, мне было сложно судить.

Дамское общество исчезло в один миг, стоило с улицы донестись звону часов. Старых, скрипучих, но исправно отмерявших каждый час и гулко сообщавших об этом всем близлежащим домам и их обитателям. Потому жильё здесь было дешевле, но все равно мне не по карману.

– Проводить тебя? – Леди Марла тронула меня за плечо. Не зонтиком, хотя он уже был у нее в руках, сжатый посередине. Она уходила последней, пристально проследив, чтобы никто из девочек ничего не забыл, и лишь после этого, попрощавшись с леди Кондидой, кивнула сонным слугам, прибывшим убратся.

– Нет, я сама дойду, – натянуто улыбнулась, заметив новоприбывшего. На пороге Зала Собраний, здороваясь с каждой

уходящей ведьмочкой и склоняясь, чтобы поцеловать их руки – обязательно в перчатках, стоял высокий брюнет с правильными чертами лица. Он походил на статую, ни один мускул на лице не дрожал, но лишь до тех пор, пока он не увидел леди Марлу.

– Тогда идем, милая. Мы должны дать этим достойным людям делать свою работу. – Она кивнула на слуг и, подхватив меня под локоток, повела к ожидающему брюнету. – Ваша светлость. – Официальное обращение заставило мужчину усмехнуться, но он снисходительно кивнул, и леди Марла продолжила: – Хочу представить мою новую подругу и подопечную, Ларин Загресси. Ларин, это Манкольм Ольен, мой муж.

– Надолго к нам? – обнимая за талию жену, осведомился лорд, и тут же, не дожидаясь ответа, заметил: – Впрочем, это неважно. Раз уж вы попали в это общество, о своей дальнейшей судьбе можете не волноваться.

Пришлось промолчать. Хоть и рвались с языка колкие слова, но я лишь кивнула и вежливо улыбнулась, давая разговору сойти на нет и женатой паре удалиться.

Лорд подал супруге руку, помогая забраться в ожидавший их экипаж. Не без герба, что выдало потомственное дворянство Ольенов. Свистнул хлыст, и карета тронулась, оставляя меня в одиночестве любоваться ночной площадью Королевской справедливости, звездным небом над головой и сухим холодным воздухом.

Впрочем, не мне было жаловаться. Грастин располагался много южней столицы, потому температура напоминала больше раннее лето, чем начало весны. Голые ветви столичных деревьев могли бы иссохнуть от зависти, увидь они своих коллег. В свете чугунных фонарей местные гиганты напоминали огромные сгустки сладкой ваты, получившей в Билене популярность пару лет назад и не желавшей тесниться ничем на туристических улочках и вблизи Веселого квартала, где селились и давали представления циркачи всех мастей. Утром они забирали у зевак деньги представлениями, а вечером – театром одного актера, максимум двух. Большим количеством давать «представление» в богатые дома не ходили: боялись, что кто-то струсит и наломает дров.

Я вдохнула пряный аромат южной ночи и с трудом сдержала слезы. Одна. В новом для себя городе, где ни разу не бывала, на

площади, которую вижу второй раз в жизни – первый был по дороге в Зал Собраний, хорошо хоть денег с собой не взяла, иначе получилось бы совсем глупо. Как в истории про леди и вора.

– Вы так поздно гуляете... – протянули у меня за спиной, заставляя вздрогнуть и стремительно обернуться. Будь у меня в руках хоть что-нибудь, оно несомненно бы отправилось в полет, а так пришлось довольствоваться сжатыми кулаками и твердой решимостью пожертвовать ужасным платьем, даже если не придется.

– И вы... – осторожно заметила, разглядывая незнакомца. Пойманный в ловушку лукавых глаз взгляд не хотел идти дальше, оттого скулы, чуть кривоватый, но ужасно подходящий этому лицу нос, ямочки, проступившие на щеках, стоило мужчине улыбнуться, остались практически незамеченными.

– Эльтран Морган, - представился он и, не делая попыток приблизиться, показал раскрытые ладони. – Любите гулять в одиночестве по ночному городу?

Я отрицательно качнула головой. Несмотря на все усилия городской стражи, по столице ночью не погуляешь, если не хочешь пополнить перечень добычи сточных канав. Там разве что по центральной аллее можно пройтись, но говорить о ночи под ослепительно-ярким светом сотен огней... Если зрение не отказывало до тех пор, то после подобной прогулки посещение целителя придется внести в ежемесячные расходы.

– И я не люблю, - не замечая заминки, продолжил Эльтран. - Где вы остановились? Куда вас проводить?

– Я и сама могу...

– Окажите мне честь, - улыбнулся собеседник и, глядя в его глаза, я не смогла отказаться. Неловко кивнула, с трудом проигнорировала протянутую ладонь, не став вкладывать свои пальцы в его затянутую перчаткой ладонь, и медленно, прислушиваясь к каждому шагу в ожидании подвоха, посеменила в сторону улицы Текстильщиков.

– Вы здесь недавно, - заметил мужчина, когда я остановилась на перекрестке двух улиц, пытаюсь сориентироваться. – Если скажете, куда мы идем, я мог помочь.

– Улица Текстильщиков, - сдалась я, тяжело вздыхая. Отчего-то мне не хотелось выглядеть в глазах своего спутника ни деревенщиной, ни столичной кокеткой, ни простофилей. А именно последней я себя и

чувствовала, когда, усмехнувшись, Эльтран указал на параллельную той, по которой мы шли, улицу.

– Нам туда.

Теперь он шел впереди, а я могла в полной мере оценить широкий размах плеч своего спутника, талию, наличие которой у мужчин зачастую даже не рассматривают, в отличие от банковского счета, чуть пружинящую походку, словно Эльтран был чем-то доволен и не стеснялся этого показывать.

– Какой дом? – поинтересовался он, останавливаясь на пересечении улиц. Так, чтобы я могла видеть табличку с адресом. Текстильщиков десять.

– Шестой, - призналась я и зачем-то добавила: – Чердак.

– Ведьмочка? - понимающе улыбнулся мой спутник, заставив меня обиженно поджать губы. - Не сердитесь, юная леди. Вам ещё не один раз напомнят о местном поверье. Да-да, ведьмы живут на крыше, - он усмехнулся и добавил: – Пока не исполнят свой священный долг.

Он обернулся, пытливо заглядывая мне в глаза, и я отвернулась, не выдержав его насмешливого взгляда. Щеки сами заалели, выдавая мою осведомленность с головой.

– Я не собираюсь...

– Т-с, - прервал меня Эльтран, прикладывая палец к своим губам. - Не нужно оправданий. Этот город их не терпит. К тому же, возможно, вы найдете того, кто с радостью поможет вам «исполнить долг».

– И это будете вы? - вырвалось у меня прежде, чем я прикусила язык.

Эльтран рассмеялся. Весело. Звонко. Будто услышал лучшую шутку года.

– Конечно, нет, – отсмеявшись, отказался от matrimониальных перспектив мужчина. – Сфера моих интересов, пусть и связана с браком, но лежит в иной плоскости. Впрочем, не забивайте свою милую головку, леди Рин. От тягостных мыслей появляются морщинки, а вам они ни к чему.

– Я не леди! – с запозданием, так меня заворожил чужой голос, возразила я, но Эльтран отрицательно покачал головой и тонко улыбнулся.

– Считайте это комплиментом, – не стал забирать своих слов собеседник, а у меня мурашки пробежали по коже. – Вы замерзли?

– Немного, - призналась я и не стала отказываться от предложения, ускорить шаг. Шестого дома мы достигли так быстро, что, зацепив краем глаза фигуру на противоположной стороне улицы, я могла лишь сказать, что это был мужчина.

– Благодарю за помощь. - Воспитание брало свое, потому перед тем, как захлопнуть дверь перед носом сопровождающего я попрощалась. И, больше не оглядываясь, побежала вверх по ступенькам. В свой новый, и как я надеялась, безопасный дом, где смогу переждать разразившуюся надо мной в столице грозу.

ГЛАВА 3. Подруги лучше нет на свете

Я ворвалась на чердак и рухнула на кровать. Прямо в платье, не боясь его испачкать или порвать. Прикрыла глаза ладонью, спасаясь от яркого света луны, заглядывающего через небольшое окошко в крыше – верно, через него на эту самую крышу можно было попробовать и забраться, если подставить стул и подтянуться. Я усмехнулась своим мыслям, медленно вдохнула и с шумом выдохнула.

Требовалось взять себя в руки и хорошенько подумать. Это «леди Рин» мне совсем не понравилось. Да и кому бы понравилось, когда его называют тем именем, каким он не представлялся. Имелось только одно но: меня действительно так звали: и тетушка, и подруги в закрытой школе-пансионе Вальеха, но за пределы наших бесед это прозвище не выходило. А потому, нужно ли мне считать появление Эльтрана и его намек обычным желанием польстить Ларин, или все же это привет из той жизни, от которой я бежала?

Поморщилась, переворачиваясь на другой бок и обнимая подушку. Запах пыли мгновенно забил нос, намекая, что некоторые шаги никогда не стоило предпринимать, но теперь, когда уже поздно что-либо менять, нужно работать с тем, что есть. А было в моем распоряжении следующее: документы на имя Ларин Загресси, снятый на полгода чердак, священная миссия каждой ведьмы и бонусы за ее исполнение. Звучало неплохо, если бы не одно «но». Местное сестринство предлагало мне совершить то, от чего я так скоропалительно спасалась, сбегая из-под тетушкиного надзора. А потому... жаль золотых монет, но пара дней – и этот город мне придется покинуть.

Отпихнув подушку, на что она ответила немилосердным пылевым облаком, я села на кровати и, крадучись, подошла к окну. Большому, светлому, упиравшемуся рамой в пол. Вероятно, если бы здесь поселилась настоящая ведьма, она бы распахивала его во всю ширь и, оседлав – что они там любили использовать, легко бы взмывала к облакам. Увы, меня облака не привлекали, ибо без должной магической поддержки мой путь к ним обязательно закончился бы

внизу на брусчатке, украсив ее на пару часов малопривлекательным зрелищем.

Хмыкнув, я подцепила край тяжелой портьеры и выглянула на улицу. На освещении в Грастине определенно не сэкономили. Даже сейчас все фонари работали во всю мощь, хотя предрассветные часы не пользовались популярностью и у горожан, и гостей города. Обычно к этому времени все уже благополучно спали, видя первый или десятый сон – кто когда отбыл в объятья дремы, и окнам в противоположном доме полагалось быть темными провалами. Полагалось, но нет.

В доме напротив, выстроенном на этаж выше того, где я снимала чердак, горел свет. Яркий, золотистый, теплый, как солнце перед закатом, он подсвечивал стоявшую вполоборота у противоположного окна фигуру. Знакомую такую, с широкими плечами, узкими бедрами, и изящным руками, в пальцах одной из которых была зажата ножка бокала.

Эльтран смотрел прямо на меня и улыбался. Отсалютовал бокалом, давая понять, что мое любопытство не осталось для него тайной, и улыбнулся. Последнее, правда, было лишь моим предположением. Пальцы мгновенно отпустили штору, позволяя ей скрыть меня от чужого взгляда.

Я вздрогнула и, наверное, зря, но бросилась к своему сундуку, перерыла его и, закусив губу в нерешительности, смотрела на толстый черный лист. Один-единственный, очень дорогой, подаренный мне подругой и с тех пор хранившийся на дне этого самого сундука.

Черный вестник, который, если заранее провести ритуал, обещал найти своего адресата везде, где бы он ни был.

Мой вестник был заклят на Ларин Загресси.

***

Тот день был прекрасен ровно до того момента, как дядюшка Вортан не принес мне вестника от тетушки. Правила Вальеха запрещали отправлять почту напрямую ученицам, чтобы те не отвлекались во время занятий, заметив белокрылого или серого вестника, приникшего к окну, а то и спланировавшего прямо на парту. Увы, от одного лишь взгляда на посланца девушки забывали об уроке. Все их мысли сосредотачивались на том, как бы выскользнуть из аудитории и половчее избавиться от печати, превращая вестника в

обычный лист исписанной бумаги. Потому почту отправляли на имя директрисы, с указанием, кому из учениц предназначено письмо, и дядюшка Вортан после обеда разносил послания.

До моей комнаты он не дошел: кто-то из соседок предупредил, что мы с Ларин пьем чай в ее комнате. Так оно и было. Экзамены, проходившие для выпускного курса раньше – в конце зимы, были сданы, свидетельства подписаны, и впереди ждал лишь выпускной, который мы и обсуждали, листая каталог с платьями. Просто так. Выпускные наряды уже были выбраны, согласованы с директрисой, оплачены и доставленные.

Небесно-голубое платье висело в моей комнате на почетном месте в шкафу и каждый раз радовало меня, стоило заглянуть туда за пояском или перчатками. Это случалось чаще, чем полноценные вылазки за любимыми нарядами, привезенными из дома. По правилам школы, мы могли лишь в выходные надевать свою одежду, в остальное время довольствуясь темно-серой формой.

Стук дядюшки Вортана врезался в наш смех. Хихикая, Ларин пошла открывать и, улыбнувшись, отчего у нее на щеках проступили ямочки, благодарно кивнула пожилому зрителю.

– Благодарю вас, дядюшка Вортан, – присев в книксене, сказала Ларин. - Я передам Ринталь.

Седой мужчина степенно кивнул, веря старосте на слово, и пошел дальше по коридору. В его руках ещё было с дюжину посланий. И чем меньше времени оставалось до выпускного, тем чаще дядюшка Вортан появлялся в нашем крыле.

– От кого? – оторвавшись от каталога, с не самым благонаправными одеяниями, поинтересовалась я.

– От тетушки, – сверившись с подписью, откликнулась Ларин. - Серый, так что она узнает, когда ты откроешь.

– Не хочу открывать, - призналась я, переворачиваясь на спину, и сложила на груди руки. Ларин легла рядом, отчего рассчитанная на одного кровать тут же стала тесной.

– Вы поссорились? – вздохнула она, перебираясь повыше, на подушку, и скидывая забытый каталог на пол.

– Не сошлись во мнениях, – поморщилась я, поворачиваясь на бок и утопая в сочувственном взгляде Ларин. Ее будущее подругу полностью устраивало. Пусть боги и обделили белокурую красавицу

даром, зато наградили понимающими родителями, принявшими ее желание посмотреть мир прежде, чем связать свою жизнь с чем-то одним. Потому уже через две недели Ларин вместе с Терезой, ее кузиной, отправятся в Висталь, где к ним присоединятся Мариус, брат Ларин, и Антиор, жених Терезы, выходец из Марголина. Вместе им предстояло пересечь Шаэльское море и прибыть на родину Антиора. И Ларин не могла дождаться, когда уже сможет в полной мере продемонстрировать свое владение не самым популярным иностранным языком. В конце концов, она была одной из двух учениц, решившихся выбрать дополнительный иностранный язык вдобавок к основному и остановившейся на марголинском. Второй, как было легко догадаться, была я, поддавшаяся на ее просьбы составить компанию и ни секунды не пожалевшая о своем решении, видя, как улыбается самый важный для меня человек.

– Будешь смотреть? - Ларин подняла вверх руку с письмом. Печать на нем отсутствовала, потому тетушка уже знала, что вестник добрался до школы.

– Давай. Все равно это ничего не изменит. - Я перехватила послание и, откликаясь на мою ауру, на бумаге проступали слова. Те, которых я больше всего опасалась, представляя свою жизнь свободной. - Она нашла мне мужа, - слова давались тяжело. - Сообщает, что сразу после выпускного заберет меня на церемонию. Подготовку она возьмет на себя, а я должна написать ей список гостей, если я хочу пригласить кого-то из своих друзей.

– Но как же так? - Ларин села на кровати и перехватила мое письмо. Теперь, когда на бумаге проступили слова, и она могла прочесть послание. - Так нельзя!

Она бросила письмо на тумбочку и, гневно сверкнув глазами, выпалила:

– Я поговорю с отцом!

– Это не поможет. - Я закрыла глаза, чтобы сдержать слезы. Беспокойство Ларин трогало до глубины души, но я не хотела доставлять ей ещё большего неудобства. Не хватало еще, чтобы и она рыдала рядом. Из солидарности. – Она единственный член моей семьи, и пока мне не исполнится двадцать или я не выйду замуж, тетушка вольна принимать решения за меня, что она и собирается делать.

– А потом эти решения будет принимать муж. Так не должно быть! – Ларин сжала кулачки. – Она должна тебя защищать, а она...

– Может, по ее мнению, так будет лучше, - горько усмехнулась я, открывая глаза. - Леди Шарлотта решила, что мой брак – лучшее решение наших проблем.

– Ее проблем, – не согласилась Ларин и прищурилась. – Знаешь, когда я видела вас вместе, мне не показалось, что она тебя действительно любит. Да и внешне вы не слишком похожи. Я бы даже сказала – совсем не похожи. И это неправильно, если она действительно твоя тетка. Сама посуди, она блондинка...

– Красится?

– Кучерявая!

– Накручивает.

– Без веснушек!

– Выводит.

– Пишет правой рукой.

– Как и я.

– Нет, – Ларин отрицательно качнула головой. – Ты сама говорила, что тебя этому учили.

– Всех учили.

– Но не так, - подруга вздохнула. - Сама вспомни. После уроков, когда господин Лурье не видел, ты как писала? А рисуешь до сих пор какой рукой?

– Это может быть и совпадением. – Я тряхнула головой, отгоняя непрошенные мысли. То, о чем говорила сейчас Ларин, к чему пыталась меня подвести... Я все это знала. И избегала разглядывать стены фамильного особняка семейства Калиори, где мне довелось жить до поступления в Вальех. Белокурые блондины смотрели с каждой стены дома, провожали и встречали меня в холле... только на чердаке не было их лиц, с тонкими сросшимися бровями, заставляющими тетку с завидной частотой тратиться на вызов мастериц на дом.

– Она поет хуже, чем моя безголосая кузина! – продолжала сыпать аргументами Ларин. - Ринталь, ты же понимаешь, к чему я веду!

Она села рядом и обняла меня за плечи.

– Я понимаю, - тихо ответила, с трудом находя силы на улыбку. - Но мне сложно это принять.

– А надо! – Ларин вновь подорвалась с места. – Тогда ты не будешь мучиться, если начнешь думать о себе, а не о леди Шарлотте. И поймешь, что ничего ей не должна.

– Она меня содержит, - не согласилась я с подругой. – Вальех, наряды – все это не медьку стоит.

— Не медьку, - согласилась Ларин, наморщила лобик и сообщила: — Но я не помню, чтобы у Калиори были такие возможности. Отец давно вращается в высших кругах, но про леди Шарлотту впервые услышал от меня, когда мы с тобой познакомились. А ведь так не бывает!

– Хорошо, - сдалась я, понимая не только, что Ларин не отстанет, пока я не соглашусь, но и мне самой было важно узнать правду: почему тетушку вдруг решила избавиться от меня и есть ли у меня право предать ее доверие?

– Ты мне не веришь, - протянула Ларин, заглядывая мне в глаза. - Но я обещаю все узнать. Если она действительно твоя тетя – я больше и слова плохого о ней не скажу. При тебе, - подумав, добавила девушка. - Но если нет – пусть объясняет. Не верю я в ее альтруизм!

– Лари!

– Знаешь, сколько лет я уже Лари? - Всплеснула руками моя лучшая подруга и плюхнулась рядом, обнимая меня за плечи. - Вот сколько мы знакомы – а это больше десяти лет, вот столько и Лари. И... я хотела подарить его позже, на выпускной, но отдам сейчас. - Она торопливо поднялась, протиснулась между книжным шкафом и столом и, встав на цыпочки, вытащила сложенный вчетверо черный лист бумаги. Мои глаза расширились. Черные вестники были самыми дорогими. За цену одного такого послания можно было жить в столице месяц, пусть и скромно, но не отказывая себе в мелочах. - Держи. - Ларин протянула его мне. - Брат помог мне его настроить. Потому, где бы я ни была, ты сможешь мне написать. А там уже – оставишь свой адрес и я отвечу.

– Ты словно знала, что все так обернется.

– Предполагала. - Ларин вздернула остренький носик. – Матушка говорит, что настоящая хозяйка должна все предусмотреть. А леди Шарлотта мне никогда не нравилась.

– Ларин, пожалуйста...

– Все-все! Не сердись, замолкаю. Но лишь до тех пор, пока ничего не найду о ней. Уверена, отец не откажет, да и брат с кузенком. Я тебе говорила, что Шарена взяли работать в архив? Значит, сейчас говорю. И ты ему очень понравилась. Помнишь, я вас знакомила год назад, когда Шарлотте пришлось тебя отпустить к нам? Это секрет, но, - Ларин приложила палец к губам, – кузен сокрушался, что ты так мало у нас погостила. Он не успел признаться. А сейчас, когда тебе нужна помощь, уверена, он приложит все усилия!..

– Лари... – Мне только и оставалось, что покачать головой.

К вечеру, в сотый раз перечитав послание, знаменующее начало моего конца, написала список гостей для тетушки и поскреблась в комнату Ларин. Именно ей предстояло выиграть для меня фору, скрывая ото всех мое исчезновение. И, пожалуй, никто другой бы с этим и не справился. Все же репутация Ларин была кристально чиста и не доверять ей как старосте никто не мог. Весь вечер, до самого отбоя, мы провели, обсуждая план. А на утро отправились проводить ревизию в мою комнату – ничего удивительно в преддверии выпускного. День же провели порознь.

Я в библиотеке, как это и раньше часто бывало, а Ларин в городе, благо, ей родители подписали разрешение на выезды по выходным.

– Держи, – вечером, обняв меня на прощание, подруга протянула свои документы.

– А ты?

– После выпускного скажу, что потеряла. Ничего страшного, отец сможет их быстро восстановить, и моя поездка не пострадает. Не переживай. К тому же, думаю, когда он узнает причину, поймет, что поступить иначе я не могла. Но... будь осторожна. Если ты действительно нужна Шарлотте не как племянница, лучше ей будет тебя не находить. Где тебя могут узнать? Куда вы ездили вместе?

— Никуда, - призналась я, опровергая собственную ложь. Все девочки Вальеха выезжали с родными на каникулах, а меня оставляли сидеть в родовом поместье, лишь изредка выводя на прием к подружкам тетушки. И, признаться, в эти дни я завидовала самой себе, запертой в поместье. Конечно, в прямом смысле слова меня никто не запирали, но куда можно выйти, если вокруг на долгие часы пути одни поля и лес.

— Но ты же... Прости, я должна была догадаться. — Ларин виновато потупилась, и я обняла ее, желая отвлечь от неприятных мыслей.

— Все хорошо. Пусть каникулы и не были моими самыми любимыми днями, я знаю — что ими было. Дни с тобой, здесь. Я ждала их, как праздника. А ты была моим подарком, самым лучшим. — Признание далось на редкость легко. Я хотела, чтобы она знала, но боялась рассказать. Боялась, что не поймет, посмеется, но... как же это было глупо!

— Ринталь... — По щеке Ларин скользнула одинокая слеза. Она быстро стерла ее ладонью, но смотреть на меня спокойно не смогла. Ресницы дрожали. И, судя по расплывающейся перед глазами картинке, не у нее одной. — Держи. — Она протянула мне туго набитый кошель. — Я не знаю, сколько тебе удалось скопить, но вот. — Монеты звякнули, когда она вложила мне в руку мешочек. — На свое имя купишь билеты на почтовый дилижанс до Висталя, в Килоту и Дотран. Если Шарлотта начнет искать, пусть думает, куда именно ты отправилась. Ставлю, что она будет искать в Вистале. Ведь, если ты сбежишь, то, конечно, со мной. — Ларин самодовольно усмехнулась, но улыбка вышла какой-то грустной. — А сама поедешь в Лорквин, Жаон или Грастин. Я купила билеты, они в ячейке на станции, вместе с твоим багажом. Не понимаю, зачем тебе было брать то розовое... Но ладно, пусть уже так. Вот ключ от ячейки. — Мне в руку ткнулся новый, еще блестящий ключик. — Тридцать седьмая.

Она хотела было еще что-то сказать, но колокол ударил десять раз, намекая, что мы и так слишком задержались и пора бежать выбираться, пока не начался первый обход и пока в столице еще можно было взять экипаж, чтобы добраться до станции, не привлекая внимание стражи.

Разумеется, побег мой не был столь легким, каким казался в наших мечтах. Самым легким испытанием оказалось покинуть школу. На защите в Вальехе не сэкономили, но всегда ведь есть лазейка для своих? Вот и выпускницы за столько лет нашли дыру в плотном слое защитных чар. За кухней, скрытый кустами и с любовью выкопанный лаз, через который на ту сторону таскали вредные для фигур воспитанниц харчи. Чего повару стоило договориться с магом, чтобы ему оставили эту лазейку, история умалчивала, но порции после этого

стали еще меньше. Зато теперь, после правильного диетического питания, я смогла пробраться на свободу. Вдохнула полной грудью – и рысью бросилась ловить экипаж.

С третьей попытки мне это даже удалось, но после второй – неудачной, я уже не выглядела столь презентабельно, чтобы меня пустили на почтовую станцию без предъявления документов. Так я стала преступницей, первый раз воспользовавшись чужой личностью. Увы, последующие четыре дня лишь усугубили мою вину перед законом.

ГЛАВА 4. Все ведьмы делают это

Я отпустила вестника лишь тогда, когда в доме напротив погас свет. Выждала с полчаса, обрекая себя на синяки под глазами, и, встав на табуретку, приоткрыла чердачное окошко. Мало похожий на комок бумаги, коим был минутой ранее, черный сгусток вылетел на улицу и исчез, сливаясь с ночной тьмой. Я выдохнула. Теперь у Ларин будет мой адрес, и она сможет написать, удалось ли что-то выяснить за те дни, что я тряслась в почтовом дилижансе.

Сонно зевнула, чувствуя, как на тело наваливается игнорируемая ранее тяжесть, и легла на кровать. Не знаю, что случилось раньше: мое ухо коснулось подушки, или я заснула, но, казалось, стоило мне прикрыть глаза, как в дверь застучали, призывая меня проснуться.

С трудом заставила себя подняться с постели, одним глазом глядя на не успевший за ночь измениться чердак. Зевнула, прикрывая рот ладошкой, и посеменила открывать. Сонное сознание еще не вполне понимало, кто это может быть, но главная чувствительная зона подсказывала, что вчерашние приключения едва ли решат закончиться быстро.

– Ты еще не готова? - Вихрь имени леди Марлы второй раз за сутки ворвался на чердак. - Ох, дорогая, ты выглядишь настоящей ведьмой. Правда, двухсотлетней давности, но это поправимо. Переодевайся. У нас на сегодня большие планы. Мали, помоги Ларин, – распорядилась леди, зонтиком подтягивая к себе такую же сонную, как и я, любительницу сладкого. - Я придержу экипаж, но не больше четверти часа. Опоздаете – будете пешком добираться до «Атласного чуда» и «Шелковых нарядов госпожи Пилиены», – предупредила леди.

Мали, сжеживавшая зевок в кулачок, мгновенно подобралась и даже глаза раскрыла во всю ширь. Правда, надолго ее не хватило. Едва леди скрылась на лестнице, девушка рухнула на стул и взмолилась:

– Давай ты сама переоденешься? Только быстрее. - И посетовала себе под нос: – А я так надеялась, что про меня хоть на неделю забудут.

— Не в этой жизни, - сочувственно протянула я и, чувствуя неотвратимость рока, избавилась от розового безобразия, теперь уже с

трудом узнаваемого. С отчаянием покосилась на пустой тазик для умывания, наполнять который следовало этажом ниже, как и мыться, и расцвела в довольной улыбке, ощущая, как по телу пронесся легкий освежающий ветерок.

– Можешь не благодарить. Но одевайся быстрее. Отсюда до «Атласа» пешком не меньше часа. Я на каблуках, – она вытянула ноги, демонстрируя семь сантиметров дополнительного роста, – не дойду.

– Пять минут, – пообещала я и принялась механически переодеваться. То есть быстро и не особенно задумываясь о том, сочетаются ли цвета. Благо, сундук оказался рядом с Мали и девушка бросала в меня одеждой.

Так, одевшись, но не проснувшись, я сбежала вслед за своей новой знакомой по лестнице и божьей милостью, не иначе, не споткнулась о ступеньку дожидавшегося нас экипажа.

— Ну наконец-то! – оторвавшись от чтения утренней газеты, воскликнула леди Марла. – Густав, в «Атлас», – приказала она, и лошади зацокали по брусчатке. – Дорогие мои, вам следует уделять больше внимания тому, как вы выглядите, – начала наставлять леди Марла, внимательно оглядев нас с Мали с ног до головы. – Я понимаю, что для вашего поколения уже не столь важно соответствовать требованиям моды и, в целом, согласна, что корсет изживает себя – все же мы не светские сплетницы, у которых кроме искусственно созданной фигуры и показать нечего, но, девочки, важно каждое утро встречать с искренней улыбкой. Улыбкой, Мали, а не оскалом. Ларин, тебя это тоже касается. Нужно радоваться каждому дню, а не желать ему мучительной смерти. Соберитесь, девочки. Как вы собираетесь очаровать свои жертвы, если не можете очаровать утро?

Мы с Мали переглянулись... и промолчали. Леди Марла неодобрительно качнула головой и начала краткий экскурс в хитросплетение родственных и ведьминских связей горожан. Я с тоской косилась в окно, понимая, что чужие имена проносятся мимо меня так же, быстро и не оставляя иных следов, кроме головной боли, как и фасады домов по ту сторону занавески.

– Ларин, – неожиданно остановилась леди. Я перевела унылый взгляд на нее. – Во сколько ты легла? – Я пожалала плечами. – Бедняжка. Выпей пока вот это. – Мне протянули тонкую, узкую неподписанную бутылочку, в которой было не больше трех глотков. – Поможет не

свалиться с ног в течение дня, а завтра, я обещаю, никто тебя не потревожит. Будешь весь день отдыхать.

– Спасибо. – Я слабо улыбнулась и, наученная горьким опытом дегустации ученических зелий от обучавшихся в Вальехе ведьмочек, залпом выпила содержимое флакона. На удивление, оно не обладало ни ярко выраженным вкусом болотной тины, ни ароматом прокисшего молока, ни даже цветом воды в ведре служанки, прибиравшей холл. Зато бодрость дарило настоящую, как и завистливый взгляд Мали, которой не досталось животворящего зелья. – Не больше шести глотков в неделю, - напомнила Мали леди Марла и пообещала мне : – Я поделюсь рецептом. Вижу, в столице перестали учить на совесть. Но ничего, мы все исправим. Будешь приходить ко мне, и я помогу освоить азы. Алхимия – полезнейшая наука. Доступна даже бездарным. Прости, - она прикрыла рот ладонью, - правильно говорить неодаренным. Мы – прогрессивные ведьмы и должны работать над собой, искореняя тысячелетние предрассудки.

Мали не выдержала и прыснула. Да и у меня не вязались нынешние слова леди Марлы с ее же пренебрежением на ночном собрании.

– Но это не значит, что мы должны раскрывать свои объятия этим возомнившим о себе... – Леди сжала кулачки. - Неодаренные и общество Изящного Локона – разные вещи. Совмещать их нельзя.

– Да, леди Марла, - по привычке согласилась Мали, отворачиваясь. Она, верно, про соперничество ведьминского сестринства и Изящного Локона знала не понаслышке. – Локону стоит быть благодарными, что мы терпим их в нашем городе.

– Верно, Мали, - уже спокойнее сказала леди и с милой улыбкой пояснила для меня : – Локон, как и мы, сражается за внимание лучших жертв этого города. Пока ничья, но ты, моя дорогая, должна изменить счет в нашу пользу. Потому мы и идем на такие жертвы, вставая так рано. Мы будем к самому открытию, выберем лучшие ткани и фасоны. Валин уже караулит в «Атласе», Сати встретит нас в «Шелке», определимся с фасонами. О ткани можешь не переживать, для своих у господина Ржее всегда есть пара дополнительных мотков на случай непредвиденных обстоятельств. Еще и со скидкой. - Мечтательно закатила глаза леди Марла, вспоминая о чем-то очень приятном. -

Мали, тебе тоже нужно присмотреться. Пусть твою миссию и отложили, но это не значит, что можно расслабляться.

– Да, леди Марла, - понуро согласилась девушка и забросила удочку : – А после лавок мы заедем к Мине? Говорят, в кондитерской появились новые пирожные...

– Если мне не придется делать тебе замечания.

Слова нашей старшей спутницы обладали поистине великой магией : Мали встрепенулась, втянула живот и выпрямила спину, демонстрируя достойную королевы осанку. Вздернутый подбородок так и намекал на превосходство своей хозяйки надо всеми, а в глазах появился пренебрежительный холодок.

– Молодец, - похвалила леди. — Но без презрения. Ты должна знать себе цену, держать себя гордо, но не заносчиво. Будь снисходительна, но не опускайся до откровенной жалости.

– Я учту, леди Марла, – пообещала Мали, бросая на меня быстрый, полный превосходства взгляд. И тут же получила веером по ладони, благо, та была в перчатке и следов на коже не должно было остаться.

– Среди своих – все равны, – напомнила старшая. – Не забывайся. Мы сильны своим единством, а в единстве не может быть тех, кто выше или ниже. Хочешь занять высокое положение, как леди Кондида, заслужи его сначала. Очаруй своих «сестер», заслужи их уважение и почтение, и уже тогда, когда вокруг тебя будет много тех, кто готов поддержать в любой ситуации, устанавливай свои правила.

– Я запомню, старшая. - Мали склонила голову. Не слишком довольная внезапной выволочкой, но не смея оспаривать слова леди Марлы.

Больше она не проронила ни слова, не рискуя прерывать старшую и вызывать ее неудовольствие. По всему выходило, что Мали не успела заслужить одобрение своих леди, потому она и не появлялась без их сопровождения. Но если для Мали такое положение дел и было привычным, я себе подобного позволить не могла.

Остановка экипажа стала желанной неожиданностью. Леди Марла тепло улыбнулась кучеру, спрыгнувшему с козел, чтобы помочь ей выйти. Нам пожилой господин также подал руки, после чего, повинувшись приказу, остался ждать на улице. Мы же ступили на крыльцо, чтобы спустя пару шагов оказаться в просторном, обитом

розовыми и персиковыми панелями салоне. Несмотря на ранний час, посетительницы здесь уже были.

Знакомая мне по ночным посиделкам темноволосая Валин повела выдающимся носом в нашу сторону и приветливо кивнула. Поднялась, не забывая разгладить складки на платье, и торопливо пересекла половину салона, оказываясь подле леди Марлы, прошептала ей что-то и, обменявшись заговорщицкими улыбками, старшая сказала:

– Девочки, нас уже ждут, - обрадовала нас леди и повела к узкой двери, у которой, сложив руки на груди, стоял, подпирая стену, грозного вида мужчина из тех, чей род деятельности можно легко разглядеть в сломанном не единожды носе и шраме, делившем лицо на две неравные части. Про глаза и говорить нечего : под его взглядом мне, не замышлявшей ничего против его нанимателей, с трудом удалось сдержать волну мурашек, решившись парадным маршем пройти по спине.

– Вас уже ждут. - Мужчина кивнул и открыл перед нами дверь, запуская нашу, похожую на утиную, процессию : впереди леди Марла, поигрывающая зонтиком, за ней представительная Валин, договаривавшая о визите, а после мы с Мали. Ровнехонько по росту. Сначала она, потом я.

– Кого мы сегодня одеваем? - Выпорхнула из-за шторки чересчур молодая для хозяйки подобного места смуглая девушка с чуть раскосыми глазами. - Мали? Или новенькую?

Мне достался придиричивый взгляд, медленно оценивший все мои достоинства и недостатки. И почему-то мне показалось, что последние перевесили, ибо незнакомка печально вздохнула.

– Сначала займемся Ларин. - Кончик зонтика устремился в мою сторону. - После, Рен-ши, подберем обновку для Мали. Надеюсь, нам не придется переходить улицу.

– Конечно, нет, – расплылась в улыбке, не искренней, представительница пустынного народа. И если внешность девушки оставляла поле для раздумий, то имя – нет. Подобные имена давали лишь представителям пустынного народа, да и «ши» в данном случае было не частью имени, а указанием на статус, расслышав который я незамедлительно склонила голову. Когда же подняла, поняла, что сделала что-то не так. Три недоумевающих взгляда и один заинтересованный буравили меня со всех сторон.

– Оставьте нас, – спустя некоторое время сказала Рен-ши тоном, не терпящим пререканий. Леди Марла поджала губы и... ушла, прихватив с собой и Валин с Мали.

Дверь бесшумно закрылась, оставляя нам с пустынницей наедине.

– Раздевайся, – приказала хозяйка салона, казалось, игнорируя вежливость, хотя ши как раз могла себе это позволить, и указала на невысокий табурет. – После встанешь сюда. И, пока я буду работать, поведаетесь, как здесь оказался кто-то знающий о ши.

– А разве это тайна? – удивилась я, послушно раздеваясь. В конце концов, чем быстрее я это сделаю, тем меньше времени придется мерзнуть на табурете.

– Нет, но местные больше интересуются своим городом, чем иными народами.

– И расами, – улыбнулась я.

– И расами, – подтвердила Рен-ши, забирая у меня платье и вешая его на плечики, чтобы не помялось. – Как ты здесь появилась? Когда – знает весь город.

– Приехала, – пожала плечами, не желая вдаваться в подробности даже ради удовлетворения любопытства ши. Не съест же она меня посреди бела дня. Рен-ши понимающе улыбнулась, обнажая ровные жемчужные зубы. Впрочем, рассчитывать, что у кого-то из ши будет плохое здоровье не приходилось.

– Бежишь от кого-то. – Понимающе качнула головой девушка. — Не бойся. Когда-то и я сбежала из пустыни. Этот город принимает всех беглецов. Видно, таково его предназначение.

– А какое у вас? – не удержалась от любопытства я, зная, что каждый ши получает на пятнадцатилетие предсказание, определяющее его судьбу.

– Искать свое место вдали от дома, – усмехнулась девушка. – И помогать тем, кому моя помощь необходима. Например, другим беглецам.

Намек был столь прозрачен, что у меня покраснели щеки.

– У меня все хорошо, – неловко призналась я и, сама не веря в собственную ложь, добавила: – Насколько это возможно.

– Разумеется, – кивнула Рен-ши и неожиданно больно уколола меня невесть откуда взявшейся иголкой. – Терпи, так надо, – вот и все ее объяснения, когда я посмотрела на нее с недоумением и мукой. –

Потом спасибо скажешь. Возвращаю тебе то, что твое по праву. – И она снова меня уколола. На сей раз куда-то под лопатку.

Я хотела было дернуться, сойти с проклятого табурета и выскочить за дверь, но тело отказывалось повиноваться. Оно стояло и равнодушно ожидало новый укол, пока мечущееся сознание пыталось этому воспрепятствовать. А в груди начинало разливаться незнакомое тепло. С каждым ударом сердца, с каждой новой вонзившейся иглой... Тепло превратилось в жар, запертый внутри, но стремящийся выбраться, вырваться наружу, явить себя миру и – защитить меня.

Понимание последнего было столь четким, что я не сдержала удивления. По телу прошла обжигающая волна. Стон сорвался с моих губ, вторя резкой боли внутри. Но все длилось не больше мгновения, а после мое тело накренилось, и я чуть не упала с табурета, вовремя подхваченная ши.

– Все-все. Больше не буду колоть, - пообещала девушка, укладывая меня на низкий диванчик со смешным названием козетка. - Полежи пока. И сегодня воздержись от любых тонизирующих отваров. Если голова разболится или пальцы будут плохо слушаться, не пугайся. Это нормально. Слишком хорошо над тобой поработали. – Рен-ши присела рядом, коснулась моего пылающего лба и нахмурилась. - Скажешь Марле спасибо, что сразу ко мне потащила. Могла бы и выждать пару дней, пока бы гардероб обсуждали. А там и поздно могло стать.

– Поздно для чего? – Я нашла в себе силы приподняться, но ши лишь ткнула мне в грудь пальчиком, и я рухнула обратно.

– Для силы твоей. - Рен-ши поморщилась. – Сколько тебе уже? Восемнадцать-девятнадцать? – Я моргнула, кивать лежа было сродни подвигу. – Вот-вот. Пока ребенок маленький – силу от него закрыть легко. Не знаешь о ней, не сопротивляешься. Куда взрослые привели, где посадили – там и сидишь. Делаешь, что скажут. - Рен-ши горько усмехнулась. - Да только потом, как расти начинаешь, чувствуешь, что не так с тобой что-то. Сны странные не снились? Убежать подальше не хотелось?

– Хотелось, - призналась я, но слабо заметила, срываясь на шепот: — Но всем подросткам хочется. Разве нет?

— Не так, - улыбнулась Рен-ши и погладила мои волосы. - Разве тебе хотелось подвигов и славы? Доказать глупым взрослым, что

знаешь и умеешь лучше? Вас, запертых, обычно не к людям тянет, а от них. Подальше от людей, подальше от тех, кого запертый дар считает виноватыми, поближе к стихиям, порой – так близко, что вернуться вы уже не можете.

– Я не хочу вам верить.

– Не верь, - усмехнулась Рен-ши. - Только не сожги ничего. Не знаю, будет ли сродство с другими стихиями, но огонь тебя любит.

– Только я его нет, - тихо призналась, чувствуя, как по коже марширует полноценный мурашечный парад. Огонь я не любила ещё с тех пор, как в поместье случился пожар. Давно, мне только двенадцать стукнуло. Леди Шарлотта тогда чуть не сгорела, но защитные амулеты не дали.

– Напрасно. Он тебя защитить хотел. И себя показать. Родная стихия ни магу, ни ведьме не вредит. Еще поймешь это. Вот только если долго от силы своей отказываться, запираешь ее, не давая выхода, она внутри побушует, да и вольется в сдерживающий ее контур, навсегда отрезая тебя от собственной силы.

– А вы...

— Нарушила контур, - кивнула Рен-ши. - Марле сама все объясню. Хотя и объяснить не придется. Ее чутью только позавидовать можно. Учужала тебя, даже сквозь все барьеры. - Девушка уважительно присвистнула, поднимаясь. - Мерки я сняла, по цветам предпочтения будут?

— Не горчичный и не розовый, – попросила я, делая попытку подняться.

– Идет. - Рен-ши мне подмигнула. – Полежи пока. И не удивляйся. Ты не особенная, просто вам, ведьмам, на роду написано в неприятности раньше попадать, чем разговаривать связно научитесь. Но мир вам благоволит : где нужно подскажет, помощь приведет. А там вы и сами разберетесь. Обращать проблемы себе на пользу – ваш особый талант. Запомни и доверяй себе. Все ведьмы так делают.

ГЛАВА 5. Понять, принять, прощать?

Рен-ши ушла, а меня ещё долго не отпускал запах пустыни, выжженной солнцем земли и влекущего к себе источника. В какой момент явь сменилась сном, я не знала, но, открыв глаза, увидела уже знакомый скат крыши, вот только в нос вместо пыли, ударил приятный запах лимона.

– Ну наконец-то! – с облегчением выдохнула леди Марла, касаясь моего лба, и удовлетворенно заметила: – Жар спал. Но спать больше двух суток, дорогая, дурной тон. Мы так за тебя переживали. Кондида хотела лично отправиться к Рен-ши и сказать ей пару ласковых. Кто же так контур снимает – раз и нет ничего. Не было силы – и вот ее уже не вычерпаешь. – Ведьма недовольно фыркнула. – Голодная? Голова кружится? Сама подняться сможешь?

– Все... хорошо, – осторожно, прислушавшись к себе, ответила я и улыбнулась. Искренне, весело. Несмотря на все невзгоды, которые мне выпали, отчего-то хотелось улыбаться. Проблемы больше не казались серьезными, отчего-то во мне царило твердое убеждение, что, что бы ни выпало на мою долю, я со всем справлюсь. Абсолютно со всем.

Откинула одеяло, опустила босые ноги на пол и не смогла понять, отчего я рухнула на кровать: от накотившей на меня слабости или от удивления. В пользу первого говорили слова леди Марлы. За двое суток мышцы просто могли отвыкнуть от работы. А в пользу второго... В Вальехе уборкой ведал пожилой бытовой маг, не слишком любивший свое дело и избегавший делать из рутинного ритуала настоящее представление. Здесь же... Метелки выплясывали что-то невообразимое, загоняя в невесть откуда взявшиеся совки крупинки пыли. Следом за ними, выстукивая незнакомый мне ритм краями, ползли тряпочки, оставляя за собой влажный след. Те же, что не были заняты мытьем пола, залезали во все доступные и недоступные простым смертным места, вычищая все щели.

– Прости, я немного увлеклась. – Легкий румянец заиграл на щеках леди Марлы. – И волнение... Когда нервничаю, не могу

удержаться от уборки. Такое вот обратное действие силы. Надеюсь, это не они тебя разбудили?

– Нет. - Старый матрас прогнулся под моим весом. – Я ничего не слышала, когда спала. Но... двое суток...

– Трое, - поправила меня леди. - И это был не совсем сон. Тело привыкало к силе. В нормальных семьях контур ставят только на малышей, если родители могут похвастаться огромной силой, а после, лет в десять, снимают. А не рожают второй, третий... у тебя их вообще пять было – последний не старше трех лет. Это как надо не любить ребенка, чтобы так с ним поступать!

Леди Марла всплеснула руками и, не в силах сдержать гнев, поднялась. Закружила по комнате, сноровисто переступая через тряпки-метелки, а после, пару раз сжав и разжав кулачки, рухнула на кресло. Прежде на моем чердаке его не было, но, видимо, леди позаботилась о своем комфорте.

– Не бойся, теперь все хорошо. И прости, что не объяснила заранее про наш визит к ши. Не хотела тебя пугать, если ничего не получится. Да и новый гардероб тебе был необходим в любом случае.

– Но все получилось? - переспросила я, прикусив губу и вгоняя в землю ростки надежды. Пока не время, вдруг все вокруг мне просто кажется.

– Конечно. Это же Рен-ши! – усмехнулась леди. - Она или берется за дело, или отказывается. Правда, никто не ожидал, что ты столько проваляешься. Мне пришлось корректировать платя на свой вкус, но, думаю, ты останешься довольна. За шкаф не благодари : хранить наряды в сундуке можно лишь во время поездки. – Она кивнула на высокий шкаф, как по волшебству, появившийся в комнате. Не новый, что заставило меня выдохнуть с облегчением, понимая, что сумма моего долга пусть и растет в геометрической прогрессии, но не так быстро, как могла бы. – И не думай! – поняв что-то по моему лицу, вмешалась в мои подсчеты леди Марла. - Когда встанешь на ноги, тогда и будешь считать свой долг. Пока – пользуйся. Не думай, это не благотворительность, это вклад в наше общее будущее. На тебе и так священный долг висит, а после добавится ежемесячный взнос на нужды сестринства. Зависит от твоего дохода. Потому мы заинтересованы устроить тебя в жизни наилучшим образом. Ведь чем лучше будет тебе – тем больше ты принесешь пользы нам. Какие мы

мерканти-и-ильные, – мечтательно протянула леди Марла. - Покормить тебя или сама справишься? – посерьезнев, поинтересовалась старшая, поднимая баранчик и давая мне в полной мере оценить запертый до сих пор аромат каши. Обычной овсянки, но мой желудок от одного лишь аромата запел, требуя организовать им свидание в ближайшее время.

– Я сама, спасибо, – отказалась от предложения я, чувствуя себя неловко. Леди Марла и так много для меня сделала, а корми она меня с ложечки, как маленькую... жар смущения сжег бы меня на месте.

– Жаль. Мои мальчики сейчас на обучении, а мне так хочется о ком-то позаботиться... – Судя по взгляду леди, этого кого-то она уже нашла в моем лице и отступать была не намерена. - С завтрашнего дня будешь приезжать ко мне, - распорядилась леди. - Учитывая твой скованный дар, обращению с силой тебя не учили. А каждая ведьма должна знать и уметь пользоваться своими сильными сторонами. Потому, не обессудь, придется приложить все усилия.

– Конечно, – я с готовностью согласилась. Леди Марла удовлетворенно кивнула и, дождавшись, пока с кашей будет покончено, с сожалением распрощалась, оставляя меня в гордом, но утомительном одиночестве. Правда, сейчас я была ему даже рада: слишком о многом мне нужно было подумать.

В первую очередь, о словах Рен-ши и леди. Ведьма ни на секунду не сомневалась, что имеет дело со своей коллегой по силе,и... оказалась права. Это я не знала, что обладаю чем-то, кроме дюжины проблем, решать которые выпало на долю моей бедной тетушки. И знала ли она о моем даре? Ведь не могла не знать – так испугалась того пожара, что еще две недели бегала со мной по магам, заботясь о том, чтобы произошедшее не имело для меня последствий.

Горько усмехнулась. А ведь она не врала. Если принять за аксиому, что я – ведьма, а тот пожар был следствием вырвавшегося из заточения дара,то «лечение» и правда было направлено на искоренение последствий. Ведь установка нового контура и должна была закрыть от меня силу ещё на какой-то срок, откладывая момент объяснения на несколько лет, а то и вовсе убирая саму необходимость разговора.

Сжатый кулак ударился о подушку, но пыль не взметнулась, намекая, что хозяйственная ведьма успела приложить руку не только к влажной уборке комнаты, но и ее наполнения. Я упала на подушки и,

как в детстве, вытянула вверх руки, словно хотела что-то рассмотреть. Но , если обычно такое действие сопровождалось лишь ощущением отливающей от пальцев крови,то сейчас...

В первый миг мне показалось, что это иллюзия, обман зрения – не иначе. Моргнула, отгоняя от себя наваждение, но, когда я вновь открыла глаза,искры,игравшие на кончиках пальцев, никуда не исчезли. Разве что стали отрываться на пару сантиметров, давая мне насладиться их всполохами,и гасли, не причиняя ничему вреда. Сжала кулак, молясь, чтобы вновь обретенный дар не устроил пожар,и выдохнула, когда на пальцах больше не было и следа веселых поскакушек огоньков.

То ли дело было в каше,то ли в трехдневном сне, но с каждой минутой я чувствовала себя все лучше. От хронической усталости, преследовавшей меня последние годы, не осталось и следа. Хотелось, если не прыгать,то хотя бы выйти из комнаты, сбегать вниз по ступенькам и погулять по городу, наслаждаясь по-южному теплым солнцем.

Даже мелькнувший в доме напротив знакомый силуэт не смог омрачить мое беззаботное веселье. Зато вестник – смог. Серые крылья стукнули в мое окно, проскользнули внутрь, и прямо мне в руки упало запечатанное письмо.

С облегчением выдохнула, прочитав, кто является отправителем. Ларин. Коснулась печати, подтверждая получение, и уткнулась носом в пахшие любимыми духами подруги строки.

«Моя дорогая подруга, с сожалением должна признать, что мои опасения были не беспочвенны. Мне нечем тебя порадовать, а то, что удалось узнать, скорее заставит тебя страдать, чем облегчит муки твоего сердца.

У леди действительно есть право опекать тебя, но, как я и предполагала , она получила его не благодаря вашим родственным связям. Чтобы это узнать, я забралась в кабинет директрисы, пока та проводила экскурсию для родителей моей кузины.

Документы настоящие,иначе леди не смогла бы тебя устроить в пансион, но, согласно им, она является усыновителем и твоим опекуном. Условий, на которых она это опекунство получила, в бумагах директрисы нет, но я не сомневаюсь, что там будет что-то о деньгах.

Ни отец, ни брат не нашли ничего, что могло бы объяснить иное появление таких средств в роду леди, кроме тебя. Именно с тобой она вернулась из Марголина, спустя десять лет отсутствия и начала сорить деньгами.

К сожалению, это все, что я могу тебе пока сказать. Надеюсь, к следующему письму узнать больше. Мы решили не дожидаться выпускного и выехать в Висталь раньше. Думаю, к тому моменту, как вестник до тебя доберется, мы будем уже там. Как и леди. Брат заметил слезку.

О документах не беспокойся. Отец сделал мне дубликат, но не отзывал прежние. Ты все ещё можешь ими пользоваться, главное – не нарушай по-крупному закон (если нарушишь – обратимся к дядюшке, он что-нибудь придумает).

Рассказала о твоей ситуации Терезе. Она обещала поговорить с Мариусом, да и я сама жду с ним встречи. Надеюсь, удастся выяснить что-нибудь в Марголине. Как удачно мы учили их язык, да? И, кажется, теперь я знаю, почему тебе он давался легче.

Обнимаю тебя и крепко целую в щеку.

Твоя подруга.

P.S. Напишу, как только мы доберемся до Марголина.

P.P.S. Если придется быстро уезжать, чтобы вновь со мной связаться, зайди в любое отделение банка Риастель и Ко, день нашего знакомства и самого большого разочарования позволят тебе передать весточку».

Я сама не заметила, как на глазах выступили слезы. Не от того, что тетя становилась все более далеким мне человеком, а от слов Ларин. От ее заботы и тревоги, которые даже так, через сухие строчки послания, заставляли меня плакать от осознания, что я не одна, что есть кто-то, кому я важна не меньше, чем собственная семья, что даже незнакомая мне Тереза готова помочь.

– Я так по тебе скучаю, – сбившимся на шепот голосом проговорила я, прижимая письмо к груди. Не выдержала и прочла вновь. И снова. Опять. От первой до последней буквы. И только на шестое прочтение заметила, что и у Ларин буквы были не совсем четкие. Кое-где размытые, где-то чересчур резкие, словно она пыталась за быстрыми росчерками скрыть свое реальное состояние.

– Лари... – пробормотала я, пряча письмо в то самое, ненавистное мне розовое платье. Вряд ли тетушка, если сможет меня найти, станет искать там. А сжечь... я не могла заставить себя избавиться от послания единственного друга. Просто не могла себя заставить уничтожить нашу призрачную связь.

Розовое платье вновь заставило меня подумать о грустном. Теперь уже с полным на то основанием : у меня не было причин не верить Ларин, зато теперь они были сомневаться в тетушке. И чем дальше – тем больше появлялось оснований пересмотреть свое отношение к ней. И, что вместе с болью принесло и облегчение, больше я не чувствовала себя виноватой, что сбежала, оставляя ее наедине с проблемами, вызванными моим поступком.

ГЛАВА 6. Вечер в городе

Ближе к вечеру, когда у меня разгулялся аппетит, а все съестное в комнате было уничтожено, я быстро переоделась и крадучись – не хотелось обсуждать с посторонними свое отсутствие, а в маленьких городах все слишком хорошо все замечают – спустилась вниз. Выдохнула, так никого и не повстречав, и выскользнула на осененные сумеркам улицы Грастина.

Пряный южный запах подхватил меня и не отпускал до самых дверей таверны, расположившейся на углу и вселявшей надежду на вкусную и недорогую еду своей вывеской «Таверна «В гостях у госпожи Шликер». И несмотря на то, что вывеска часто обманывает доверчивых посетителей, фигура хозяйки была заметна прямо с порога. Высокая женщина, смуглая, но без раскосых глаз ши, немолодая, и, как любили говорить завсегдатаи трактиров, в теле, стояла за стойкой и о чем-то негромко переговаривалась со знакомыми. Посетителей было немного, и мое появление не осталось незамеченным. Мне приветливо кивнули и жестом дали понять, что все свободные столы действительно свободны и я могу занимать любой. Кивнула в ответ, благодаря, и юркнула к ближайшему, у окна. Белые, ничем не замызганные занавески, вкуче с отсутствием пыли, жирных пятен и насекомых, давали надежду и на хорошую еду. Заполненное от руки меню, протянутое мне молодой девушкой в отглаженном переднике, вызвало у меня удивленный вздох:

– Странно, что вы называетесь таверной, - ознакомившись с меню, протянула я. - Кафе сейчас в моде, и вы легко можете претендовать на это определение. У вас чисто, приятно, хорошо пахнет и большой выбор десертов и напитков к ним.

– А еще мы готовим первые и вторые блюда. Особенно вторые, – подмигнула мне официантка – называть ее подавальщицей у меня язык не поворачивался. - Госпожи Шликер – большой специалист по мясу, и, хотя в первое время господа сомневались в ее талантах, теперь захаживают постоянно и даже бронируют столики, желая отобедать. Так что не смотрите, что сейчас пусто, мы через час закрываемся.

– Но что-нибудь съестное осталось? – Я с надеждой воззрилась на собеседницу. - И не салат, – заранее предупредила я, понимая, что аппетит разыгрался не на шутку и не захочет удовлетвориться парой листиков с соусом.

– Что-нибудь найдем, - пообещала девушка и, выслушав мои предпочтения, удалилась.

Впрочем, отсутствовала она недолго, а, появившись вновь, чуть не заставила меня забыть о манерах и накинуться на еду, такой голодной я себя почувствовала, вдохнув аромат жаркого.

– Приятного аппетита, - посмеиваясь, верно, не первый раз наблюдала подобную моей реакцию, сказала девушка. А я наконец смогла рассмотреть, что было вышито на кармашке платья. Марта.

– Спасибо, Марта, - проявила я свою осведомленность, и девушка кивнула, отвечая мне довольно улыбкой.

– Если что-то понадобится, коснитесь колокольчика. Поднимать его и звенеть не нужно : язычка в нем нет, - предупредила официантка и вернулась к госпоже Шликер, с материнской гордостью взиравшей, как я расплываюсь в довольной улыбке, отправляя в рот первую порцию еды.

Отдав Марте пустые тарелки и расплатившись, я блаженно щурилась, листая меню и запоминая на будущее, что хочу попробовать позже. Дошла до последней страницы, вздохнула при виде цен на десерты и закрыла папку от греха подальше.

– Неужели обойдетесь без десерта, леди Рин? - Знакомый голос заставил меня вздрогнуть. Вздернула подбородок, переводя взгляд на остановившегося рядом, опершегося на спинку пустующего стула напротив, блондина и торопливо отвернулась, не желая вновь потеряться в его глазах.

– Полагаю, сегодня вместо десерта у меня вы. - Я взяла себя в руки и улыбнулась. Не слишком искренне, но достаточно вежливо.

– Не знал, что я так хорош... – Мужчина демонстративно пригладил волосы, хотя из собранного за спиной высокого хвоста не выбилось и прядки. – ...что могу конкурировать на равных с местными десертами, - закончил он, и, даже не глядя, я могла сказать, что господин Морган улыбается. И не собирается уходить.

– Мы скоро закрываемся, боюсь, вы не успеете поужинать, - пришла мне на выручку Марта.

– О, это нестрашно. Я навещу вас завтра и обязательно отведаю гуляш, которым так славится ваше заведение, - заверил блондин, зарабатывая для себя если не благоволение хозяйки, определенно слышавшей его слова, то приятный бонус от заведения. Мне его тоже дали – дополнительный соус к мясу. – Ныне же я зашел, скорее, что бы поздороваться со своей старой знакомой, верно, леди Рин?

– Мы познакомились совсем недавно, что бы вам было позволено называть меня коротким именем, - напомнила я, впрочем, не рассчитывая, что блондин прислушается. Боюсь, это мне придется идти на уступки, чтобы он не делился доступной ему информацией со всем городом. Ведь, при всей доброте местных жительниц, я не могла знать, как они поступят, узнав о моей лжи.

– Прошу меня извинить. - Мужчина приложил руку к груди и поклонился. Вот только из-за этого его маневра наши взгляды встретились, и я разглядела явную насмешку в его глазах. – Но, надеюсь, моя оплошность не обидела вас настолько, что вы откажетесь прогуляться со мной по набережной. Она достаточно освещена и многолюдна, чтобы ваша репутация на пострадала, – закончил блондин, а я с сожалением отметила, как заворожено вздыхает Марта, глядя на меня с такой завистью, что впору было восхищаться господином Морганом за одно лишь умение производить впечатление на девушек.

– Разумеется. – Мне не оставалось ничего иного, кроме как согласиться и протянуть затянутую в перчатку ладонь внезапно появившемуся на горизонте спутнику. И я порадовалась, что не стала пренебрегать этикетом: сейчас Эльтран по крайней мере не должен был почувствовать, насколько холодные у меня пальцы.

Вельна была на удивление чистой. Я остановилась, зачарованно глядя на блики света в ее быстрых водах. Впрочем, была и иная причина, почему меня так привлекла река: она давала повод остановиться и не смотреть на господина Моргана, сопровождавшего меня, но не проронившего пока ни слова об истинной причине своего любопытства.

– Да, прогресс сюда ещё не добрался, – хмыкнул он, оценив прозрачные воды. - Впрочем, мне казалось, что в вашем поместье пруд еще чище.

Я промолчала, сделав вид, что не расслышала замечания. Любой мой ответ можно было бы истолковать двояко. Скажи я, что ему казалось, значило бы, что я знаю, о каком именно пруде идет речь. Заяви, что ошибается, - итог будет тот же.

Эльтран аккуратно тронул меня за плечо.

– Идемте, водами Вельны вы полюбуетесь в иной день.

– Я хочу сейчас, – возразила, не желая никуда уходить. И хоть наше знакомство могло вызвать вопросы, стоять на набережной казалось мне безопаснее, чем идти под ручку с малознакомым блондином неизвестно куда. Особенно с тем, кто отдавал себе отчет, что говорит не с Ларин Загресси, а с Ринталь Калиори.

– Как вам будет угодно, – пошел на попятную мужчина, отпуская меня и опираясь локтями о бортик, установленного вдоль реки ограждения. – Можем поговорить и здесь. Признаться, не ожидал встретить вас здесь, леди Рин. Без тетушки, – добавил он, усмехнувшись. – Раньше за Шарлоттой подобного пренебрежения к своему будущему не водилось.

– Что вы обо мне знаете? – Вопрос вырвался непроизвольно. Очень тихий, стой Эльтран чуть дальше, не разобрал бы и слова.

– Смею предположить, больше, чем вы сами. – Ямочки на щеках, проступившие от его улыбки, выглядели абсолютным издевательством, хотя, вероятнее всего, они им и были.

– Не будете ли вы так любез... – начала было я, но Эльтран рассмеялся, обрывая меня на полуслове:

– Нет, леди Рин. Не буду. – Он посмотрел мне прямо в глаза. – Я живу секретами, которые покупаю, храню и продаю. К чему мне делиться с вами тем, что может принести мне деньги? Или вы перепутали меня с феей-крестной? Их не существует, что бы ни говорили о них сказки. Мир устроен совсем не так, как это подается в пансионатах для девочек. За все нужно платить.

Он выпрямился и теперь смотрел на меня сверху вниз, как на неразумное дитя.

– Чего вы хотите? – тихо спросила я. – Если вы так хорошо знаете тетю, то должны знать и то, что мне ничего не принадлежит. И ваши слова о плате... собой я платить не стану.

– Я об этом и не прошу. – Он смерил меня долгим, оценивающим взглядом. – Пока не прошу.

Ударить я не успела. Он перехватил мою руку, едва она оказалась на уровне его глаз. Сжал запястье. Не больно, но так, что не вырвешься. Потянул вниз, вынуждая опустить руку.

– Предсказуемо, – усмехнулась блондин. - Вы еще слишком молоды, леди Рин. Потому я предпочту иметь общие дела с вашей тетушкой, а не вами. Всего вам доброго.

И он поклонился, давая понять, что наш разговор окончен. Вот только темп, который он выбрал для своего ухода, давал мне все основания думать, что блондин ждет. Слишком неторопливым был его шаг, слишком вымеренным. Словно он давал мне шанс догнать его, чтобы продолжить неприятный разговор, но уже на его условиях.

Выбора у меня не было. Слишком открытым был намек, и я не рискнула его проигнорировать. Сглотнула, понимая, что добровольно прыгаю в бездну, но был ли у меня другой путь? Да, я могла проигнорировать господина Эльтрана, могла развернуться и уйти, точнее – побежать, быстрее собирая вещи, и уехать из города с первыми петухами. Такой исход даже показался мне привлекательным на мгновение, но... куда я поеду? А если не успею? Если тетушка поступится своей бережливостью и оплатит портал? Удовольствие жутко дорогое, но мне не было известно, каким состоянием владеет леди Шарлотта.

– Пойдите. - Мой голос дрогнул, но господин Эльтран все равно расслышал и обернулся. Я догнала его в считанные секунды и послушно положила ладонь на сгиб его локтя. - Чего вы от меня хотите?

Я избегала на него смотреть, вместо этого изучая брусчатку.

– Вашего содействия в моем небольшом предприятии, - признался блондин. - Так уж вышло, что я вложил небольшие средства в один проект, но именно в Грастине он встретил неожиданное сопротивление. Я же рассчитываю вернуть свои вложения, а значит все должно пройти удачно.

– Но при чем здесь я?

– Были не при чем, но, видя, какую бурную деятельность развили местные ведьмы, я не могу упустить свой шанс. Мне жаль вас, леди Рин, но игнорировать счастливый билет, упавший мне в руки... Я не привык отказываться от выигрыша.

– Я вас не понимаю.

– Скоро поймете, - усмехнулся мужчина, поворачиваясь ко мне. Мы успели покинуть набережную, и теперь я не знала, видят ли нас посторонние. Эльтран ухватил меня за подбородок, вынуждая запрокинуть голову, и довольная улыбка посетила его губы. - Мартин определенно останется мне должен за эту услугу.

Он отпустил меня, отступая на шаг, и ещё раз взглянул на мое покрасневшее от его непростительного поведения лицо.

– Вы...

– Не утруждайте себя, леди Рин. За те тридцать восемь лет, что я веду свою деятельность в Балиаре, каких только слов я не слышал в свой адрес. Едва ли вы скажете что-то, чего мне не доводилось слышать.

– Вы мне противны, – тихо призналась я, отворачиваясь.

– И это мне говорили, – признался блондин, и я услышала его смех. Звонкий, приятный, совсем не подходящий этому человеку. Наконец он отсмеялся. – Не пытайтесь, леди Рин. Ваши слова не изменят моего решения. Но, можете выдохнуть, пока вы следуете моим «советам», ваша тетя вас не получит, как бы ни хотела обратного. Свои интересы я ставлю превыше всего.

– И каким будет ваш первый совет?

– Берегите свое здоровье. Через три дня в имении лорда Эдингтона состоится прием. Вы обязаны на нем быть, леди Рин. И выслушать моего друга.

– Только выслушать? - ухватила я за слова собеседника.

– Для начала – да. Будет странно, если вы воспылаете страстью к первому, кто выразит вам свое почтение. – Эльтран бросил быстрый взгляд на небо, но и без него, по торопливо спускавшейся на землю темноте было понятно, что ещё пара минут, и город утонет в ночи. - Идемте. Провожу вас к дому, чтобы вы не заблудились.

ГЛАВА 7. В гостях у ведьмы

Экипаж леди Марлы прибыл за мной рано утром. Сама леди предпочла остаться дома, потому в мою дверь стучала сонная Мали. Потягиваясь, она рухнула на мою перестеленную кровать и, блаженно растянувшись на ней, посетовала:

– С тобой столько хлопот.

– Прости. – Мне было искренне жаль, потому я старалась не шуметь, давая девушке отдохнуть, сколько это было возможно. Но собиралась я быстро. Сменила ночную сорочку на форму на дня занятий спортом – мягкие облегающие штаны и туника, прикрывавшая все до самого колена. На Мали уже красовалось что-то похожее, но менее закрытое. Туника скрывала ее фигуру лишь до середины бедра, но девушку это, казалось, не волновало.

– Приедем, одолжу тебе свою, - пообещала Мали, снисходительно оглядывая меня. – В такой длинной убежать неудобно.

– От кого убежать?

– От чего, - поправила меня Мали и нравоучительно вздернула палец : – От результатов своей непрофессиональной деятельности. А это может быть что угодно : от пожара до восстания морковок.

– У вас и такое было? – уточнила я, стягивая со стола стилус. Какое-никакое, а оружие, если ничего другого под руку не попадет.

– Чего у нас только не было, - хмыкнула Мали, прикрывая рот во время очередного зевка. - А почитать городские легенды, так нашествие мыслящей моркови, решившей свергнуть мэра, - это еще цветочки. Но с тех пор старшие решили не оставлять нас на произвол судьбы и заниматься, пока мы не перестанем представлять опасность для города и его репутации.

– А как вы справились с морковью? – полюбопытствовала , так и не дождавшись продолжения этой истории.

– Договорились и отправили на необитаемые острова в Эльтерейское море. Теперь они не совсем необитаемы, но лучше об этом никому не знать . – Мали приложила палец к губам. - Говорят, с тех пор там начали пропадать корабли, но только груженные овощами. Морковки оказались теми еще расистами и фрукты не жалуют. - И

гордо заметила, будто была причастна к морковной колонии, а то и не только причастна: – Маги до сих пор не могут разобраться! Приплывают, осматривают все, но следов пиратов не находят. Одни лишь плантации диких овощей.

Она рассмеялась, а я вздрогнула. Смех смехом, но не хотелось бы повстречать мыслящую морковку, решившую основать свою цивилизацию и решившую потеснить людей. Все же разумные знают, что худший обитатель этого мира – человек. Больше чем он – никто природу по своему разумению не исправляет, не слишком считаясь с ее, природы, мнением.

Мысленно пообещав себе не экспериментировать с корнеплодами, я вслед за Мали залезла в экипаж с гербом лорда Ольена. Зацокали копыта лошадок, скрипнула упряжь. Отодвинув шторку, я наслаждалась мелькавшими по ту сторону пейзажами. Меньше чем через четверть часа мы выехали из города, но спросить у Мали, куда конкретно мы направляемся, не успела. Казалось, она заснула в тот же миг, как только села, и сейчас мирно посапывала, оставив меня наедине с собственным любопытством.

Впрочем, долго оно меня не мучило. Полчаса – не более – минуло с тех пор, как мы выехали из города, а на горизонте уже проступили очертания поместья. Вокруг него не было высокого забора, столь привычного мне. Вместо него границы владений лорда отмечала ровно подстриженная изгородь, приятная глазу и наверняка неприятная на ощупь. По крайней мере, садовник, направлявшийся в сторону кустов, был одет не хуже, чем на охоту на медведя без магов: только острых шипов по всей площади костюма не хватало.

– Мали, мы приехали, - шепнула я прикорнувшей девушке, но та никак не отреагировала. Пришлось трясти.

– А? Что? - Она вперилась в меня невидящим взглядом. – Уже приехали? - На ее лице отразилось понимание и обреченность. Мали потянулась к карману, но извлечь тонизирующее зелье не успела. Дверца экипажа распахнулась, и улыбающаяся леди Марла сунула носик внутрь.

– Мали! Больше никаких зелий! Иначе ты никогда не заснешь! – Она щелкнула пальцами, и флакон опустел, заставляя лицо Мали исказиться от муки. Она словно враз ощутила на своих плечах все

тяготы мира, и от несправедливости, выпавшей на ее долю, девушку перекосило.

– Ну последний раз, - заняла она, но леди осталась непреклонна. Ручкой зонтика, с которым она, казалось, никогда не расстается, подцепила подопечную за вырез туники и выволокла на свет.

– Сегодня и тобой займусь, - пообещала леди. – А пока – иди спи. Ты со своим сбитым режимом будешь нам только мешать .

– Спасибо боги за вашу милость .

Картинно воздела руки к небу Мали и, уклонившись от справедливого возмездия зонтиком, прытко исчезла в доме.

– Голодная? - проводив ускользящую Мали неодобрительным взглядом, спросила леди Марла.

Мне оставалось только кивнуть, ибо в отличие от сознания желудок не стал бы покрывать мой недостаточно ранний подъем.

– Тогда начнем с азов. - Леди улыбнулась и, ухватив меня за ладонь, повела за собой. Мы не встретили ни одного слуги за весь долгий путь от крыльца до светлой комнаты с печью, двумя котлами, под которыми дрожал колдовской огонь,и множеством веников, свисавших с потолка. На огромной столе, занимавшем почти треть комнаты, возвышалась странная конструкция из десятков стеклянных трубочек. Их более толстые товарки имелись тут же, рядом с другими колбочками и флаконами.

– Моя лаборатория, - пояснила леди Марла, указывая мне на стул с высокой спинкой. - Подождешь меня пару минут? Мне нужно распорядиться о завтраке для тебя.

– А вы?

– Я завтракала с мужем. Он рано встает, а мне не хотелось бы упускать лишний шанс увидеться с ним.

– Лорд Манкольм сейчас не дома? - удивленно переспросила я, но печальная улыбка старшей ведьмы ответила лучше слов. Впрочем, и они не заставили себя ждать:

– У нас есть стационарный портал в Билен, – подмигнув мне, сообщила ведьма. - Увы, без мужа я не могу им воспользоваться. Но даже так это прекрасная возможность навещать наших мальчиков на выходных. Прости, я отвлеклась. Пара минут – и ты сможешь перекусить, а после займемся делом! – И шурша юбкой леди скрылась

за дверью, оставляя меня наедине с незнакомыми, но не всегда неприятными запахами.

Я поднялась на цыпочки и понюхала один из веников. Зря, голова закружилась мгновенно и лишь высокая спинка стула, за которую я держалась, уберегла от падения. С трудом, я смогла сесть и зареклась проявлять любопытство, когда меня просили просто подождать .

К возвращению леди Марлы я смогла достаточно прийти в себя, чтобы не опозориться, и поднялась с места, приветствую старшую.

– Оставь. - Жестом остановила меня ведьма и, смерив меня внимательным взглядом, одобрительно заметила: – Молодец. Мали, когда первый раз здесь осталась, ожидала моего возвращения на полу, лежа в обнимку со стулом и пуская слюни. Неужели тебе было ни капли не интересно потрогать и понюхать все, что здесь есть?

От необходимости давать ответ немедленно меня спасло появление слуг, вкативших тележку с баранчиками. Но даже сквозь них я чувствовала аромат свежей сдобы.

– Вы меня балуете, – не сдерживая блаженной улыбки, заметила я, но леди Марла только отмахнулась. Впрочем, ее терпения надолго не хватило. Стоило мне отправить в рот первый кусочек сырника, как ведьма напомнила:

– Как ты смогла удержаться?

– Не смогла, - призналась я, отпивая из тонкой фарфоровой чашки и отмечая незнакомый привкус. - Но после первой неудачной попытки – решила дожидаться вас, прежде чем совершать необдуманные действия.

– Молодец, – похвалила меня леди. - Не соврала.

– А я бы смогла? - отчего-то уточнила и отпила еще пару глотков отвара.

– Все возможно. - Леди пожала плечами. - У каждой из нас есть свой особый талант. Кого-то ни одно зелье истины не заставит сказать правду, а кто-то не способен и на маленькую ложь. Или способен, но не готов рискнуть своей кожей. Только-только решится – и все лицо покрывается прыщами. По одному за каждое слово неправды, – поделилась леди. – Но вряд ли это твой случай.

– Почему вам так кажется? - напряглась я, подозревая худшее.

– Я ощущаю в тебе сродство с огнем, - пояснила старшая и добавила: – Обычно ваш особый дар – располагать к себе людей. Как

бы изначально они к вам ни относились, но стоит им познакомиться с вами, огненными, ближе, заговорить или коснуться, как отношение меняется. Теплеет, – она усмехнулась, - даже самый непроходимый лед начнет таять, оказавшись рядом. Но вы редко можете себя обуздать, честные и прямолинейные. Потому я и удивилась, что ты смогла удержаться и дождаться меня, хотя для юной ведьмы любопытство – главный порок.

– Тогда мне повезло обучаться в Вальехе, - улыбнулась я, но леди не оценила. Покачала головой, погрустнела и поторопилась сменить тему.

– Раз первое испытание ты прошла, как закончишь, – она указала на мою тарелку ручкой, как по волшебству, юркнувшего в ее раскрытую ладонь зонтика, – отправимся в парк. Играть с огнем в помещении – не самое ответственное занятие, а нам нужно узнать, насколько пострадал твой дар.

– Хорошо.

Стоит ли говорить, что завтракать я закончила в считанные минуты. Готова была даже тотчас подняться и идти, но леди Марла настояла на полноценном завершении трапезы с допиванием отвара и четвертью часа на отдых. И лишь после этого повела меня в сад.

Впрочем, называть садом искусственный остров в центре рукотворного озера было бы ошибкой. Кроме скамейки, на которую и присела леди, подстриженного газона у самой кромки воды и гальки, устилавшей практически весь островок, здесь имелась еще и чаша с тлеющими углями.

Я бросила на леди вопросительный взгляд, и та не замедлила пояснить:

– В отличие от магов мы можем усиливать свой дар, находясь рядом с родной стихией. Потому, что я совсем не одобряю, огненные ведьмы стремятся почаще себя усиливать открытым огнем вокруг. – Леди Марла поджала губы. - Совсем не думают об окружающих.

Я промолчала. Вступаться за незнакомых мне ведьм я не стала, леди Марла определенно знала больше об их привычках, но для себя я решила лишний раз не рисковать. Все же огонь был не той стихией, чье применение обходится без последствий.

Видимо, поняв что-то по моему лицу, леди Марла покровительственно кивнула и попросила:

– Попробуй призвать свою силу. Загляни в себя, попробуй найти внутри то, что тебя согревает, свою опору, свой источник. Маленькое чудо, которое хочет явить тебе себя, но боится, что ты его не примешь.

– Приму, - хрипло запротестовала я и, словно в ответ на мою уверенность, в груди потеплело. Волна жара прокатилась по всему моему телу, будто только и ждала случая показать себя, покрасоваться. По коже прокатилась волна искр, тёплых, вовсе не обжигающих, как я втайне опасалась. Неприятно потянуло паленой тканью... и, испуганно взвизгнув, я чуть не сиганула в пруд. Искры тут же разочарованно погасли.

– Неплохо для первого раза, - похвалила леди, подходя ближе и обнимая меня. – Но давай сосредоточимся на призыв огня куда-нибудь, где одежды нет? Твое пламя не способно повредить тебе, но одежду ты частью себя не воспринимаешь, потому она и тлеет. Не волнуйся, с опытом это пройдет. Как и призыв станет более конкретным. – Она заглянула мне в глаза. - Попробуем еще раз?

И мы попробовали. Снова и снова, пока огоньки не стали вспыхивать на одних лишь кончиках пальцев, а мне не понадобился плед, чтобы скрыть последствия наших тренировок. Но с каждым разом, несмотря на то, что мой прогресс двигался со скоростью перезимовавшей улитки, леди была довольна. И ее уверенность вселяла надежду и в меня.

ГЛАВА 8. Ведьмы VS Локон

Дни до приема прошли так быстро, что я даже не успела к нему морально подготовиться. Все мои мысли занимал огонь. По словам леди, я прогрессировала очень быстро. Настолько, что она приказала убрать жаровню, лишая меня дополнительной подпитки. Вот только это никак не повлияло ни на скорость появления огненных всполохов на моих пальцах, ни на их яркость и силу.

Вчера вернувшийся раньше обычного лорд Манкольм чуть не бросил меня в озеро, испугавшись за жену, таким большим был зависший над нами огненный шар. Правда, без купания все равно не обошлось. Зачарованная собственной силой, я оступилась и полетела в холодную воду. Впрочем, даже купание не заставило меня упустить контроль, и это было настолько хорошо, что леди всплеснула руками от торжества, а после, убедившись, что пламя стабильно, помогла мне выбраться и заставила мужа извиняться. Правда, тот все равно заставил леди дать обещание носить защитный амулет.

Я улыбнулась, вспомнив их лица. Стоило этой паре встретиться глазами, как они забывали обо всем вокруг. И неважно было ни суровому лорду, ни его внимательной супруге, что в двух метрах от них дрожит от холода гостья, да и вообще ужин пора подавать.

Замечтавшись, я чудом разминулась со стулом. Мизинец прошел в каком миллиметре от ножки, спасая меня от участи возлечь на полу, проклиная всех и вся. Увы, ничто не спасло бы меня от посещения приема в загородном доме семейства Эдингтон. С одной стороны в ушах до сих пор стояли насмешливые слова Эльтрана, с другой – не явись я на прием, и ведьмы сами придут за мной, оденут, накрасят и приведут, чего бы им это ни стоило. Впрочем, им уже это стоило немало.

Я покосилась на полный платяев шкаф. С корсетами и без, с пышными юбками и больше похожие на ночную сорочку, чем на платье. Похоже Рен-ши решила воплотить в жизнь все свои задумки, раз уж выдалась такая возможность.

– Тебе помощь с прической нужна? - зевая, осведомилась Мали. Ее уже традиционно отправили ко мне для помощи и инструктажа.

Впрочем, ни первое, ни второе не было реальными основаниями, почему она вызывалась навестить меня. Порой мне казалось, что истинной причины такой любви Мали к моему чердаку была возможность еще немного поспать. Потому каждая наша утренняя встреча была похожа на предыдущую: Мали стучала в дверь, дожидалась, пока ей откроют, а после, предложив для приличия помощь и получив отказ, заваливалась спать на мою кровать. Как у нее не мялось платье? Магия, какие ещё могут быть сомнения. Увы, из-за этой самой магии, заставлявшей Мали в чужих глазах выглядеть лучше, чем было на самом деле, никто кроме леди Марлы и леди Кондиды не мог понять, насколько губительными для девушки стали тонизирующие зелья и, видя ее сонной, предлагали поделиться своими, раз уж старшие так жестоки.

– С прической – да, но я сначала оденусь. Сколько у нас времени?

– Полтора часа. – Мали прикрыла рот рукой. - Меня заранее за тобой отправили. Позже за нами заедет леди Марла и заберет.

– Она не отправится в столицу к детям? - удивилась я, вспомнив, как предпочитает проводить выходные старшая.

– Лорд Манкольм заберет их в поместье на выходные. И, конечно, увидеть внуков захотят и бабушки, потому в поместье будет так шумно и многолюдно, что леди предпочла сбежать на полдня, давая всем время успокоиться.

– Понятно, - протянула я задумчиво, и рука сама потянулась к дверце шкафа.

Платья с корсетами были отвергнуты мною сразу: не хотелось из-за глупости повредить себе внутренние органы. Клиентов у целителей и так хватает, незачем пополнять их список. После были отвергнуты пышные рукава. С моей везучестью я скорее порву их в дороге, а если и доведу до приема в целостности и сохранности, то лишь для их неминуемой встречи с соусом, свечным воском или – благим свидетельством, что птицам в Грастине определено есть что есть.

Наконец выбор мой пал на струящееся фиолетовое платье с высокой талией. Оно было достаточно простым, без кружев и золотой вышивки, но я не смогла от него оторваться. Шелк так и льнул к коже.

– Тебе помочь? – снова напомнила о себе Мали, приоткрыв один глаз. - Помочь, - тяжело вздохнула она и с трудом вытянула платье у

меня из пальцев. – Сейчас оденешься и можешь наслаждаться. Рен-ши не просто так зовут ведьмой, хотя она и не одна из нас. От ее работ всегда веет чем-то... своим, что ли, - хмыкнула Мали и, не церемонясь, напялила на меня платье, будто одевала куклу. Но высказать ей свое недовольство я не успела. Зеркало на дверце шкафа попало в поле зрения, и у меня перехватило дыхание. Первый раз в жизни я настолько себе понравилась. Возможно потому, что впервые это был именно мой выбор. Безоговорочно мой, без оглядки на вкусы тетушки или принятые в Вальехе правила.

– Тебе идет, - заметила Мали. – Не выглядишь такой худой. И кожа перестала казаться бледной. Неплохой выбор, - похвалила ведьмочка и буквально силком усадила меня на стул. - Замри, можешь мечтать, но головой не дергать. Мне еще с твоими волосами что-то делать.

Я тяжело вздохнула. Не потому, что не верила в силы Мали – еще как верила, но больше этого я доверяла своей прорезавшейся интуиции, и она ни о чем хорошем не предупреждала, а вот о долгих минутах мучения – ещё как.

Что-то в понимании Мали оказалось высокой прической, для фиксации которой мне на голову было вылито столько эликсира, что можно было мост построить – он бы ближайšie два века на одном нем простоял бы. Но ведьмочка все хмурилась и добавляла новые заколки, утяжеляя конструкцию. Прошло не меньше получаса прежде, чем она отступила на шаг, оценивающе взглянула на деяние рук своих... и принялась доставать из монолита пару прядей. Дескать, они должны красиво спадать вниз, делая акцент на шею. А поскольку слова с делом у Мали в данном случае не расходились, я поняла, что два века для моста дала напрасно. Он простоял бы все три, судя по тому, с каким трудом ведьмочка выдирала из монолита несчастные волосы.

– Все? – сквозь зубы уточнила я, не рискуя открывать глаза.

– Почти, - устало, но довольно откликнулась Мали. - Сейчас только ещё раз все закрепим...

Мой полный отчаяния стон, наверное, слышали все соседи. Но прийти на помощь никто не решился.

Одобрительный кивок леди Марлы и ее широкая улыбка стали наградой за перенесенные мною мучения. В отличие от нас с Мали,

леди не стала идти на поводу у молодежи и платье выбрала самое, что ни на есть, классическое. Потому, глядя на ее корсет и помня картинки, показанные нам в Вальехе на уроке биологии, я сглотнула и отвернулась.

– Молодцы, девочки, – похвалила нас леди и первой забралась в экипаж. Ей на это потребовалось больше времени, чем нам, – сказывался корсет, а потому едва за Мали хлопнула дверца, карета медленно закрипела, увозя нас к месту приема.

Мои пальцы дрожали. То ли от дорожной тряски, то ли от накатывающей на меня тревоги. Да, это был не первый прием в моей жизни, и я не сомневалась, что не ударю в грязь лицом, но на душе было беспокойно. Слишком много кошек замерло над ней в прыжке, готовые сорваться и расцарапать мои надежды на счастливый исход.

– Не волнуйся. Если он тебе не понравится, напоим его приворотным зельем, а после – разведешься, оставив его без половины состояния.

– А так можно? - заинтересовалась Мали.

– Можно. - Леди поморщилась. - Не совсем по правилам, но жизнь жертвы определенно станет хуже, и память сохранит причину таких перемен. Но это самый крайний случай, - наставительно заметила леди Марла, а я потихоньку перевела дух. По всему выходило, что главное – свершившийся факт замужества, а там можно и развестись по причине... да по любой причине, главное, что бы суд ее принял. - Если другого выхода нет, – закончила леди и одарила нас с Мали внимательным взглядом. Мы сделали вид, что интерес наш сугубо теоретический, и леди облегченно выдохнула. - Готовы, девочки? Увы, прием не только для своих, а значит там будет и Локон, – предупредила леди и подобралась, как перед боем: вытянула шею, расправила плечи, гордо вздернула подбородок, натянула на губы снисходительно-вежливую усмешку, поселив в глазах выражение вселенской скуки. Мали старательно повторяла за старшей.

Они так и вышли из экипажа. Гордые, буквально кричащие, что делают великое одолжение тем, что вообще посетили прием, и, выбравшись из кареты следом за ними, я поняла почему. Такого ушата презрения и снисходительной жалости на меня еще никогда не выливали. Я не успела сойти с последней ступеньки экипажа, а уже должна была скончаться в муках от собственного несовершенства под

взглядами незнакомых мне леди, перетянутых корсетами так, что мне в первый миг захотелось вызвать целителя, напомаженных, присыпанных пудрой так щедро, что казались статуями, а не живыми людьми.

Я сглотнула и непроизвольно расправила плечи, пытаюсь скопировать так удившее меня прежде выражение лица леди Марлы. Кажется, получилось. По крайней мере, мне показалось, что сквозь пудру, удерживающую высокомерные маски, проступили судороги недовольства.

– Идем, - шепнула мне Мали, задержавшаяся в дверях и невидимая для леди, застывших на балконе. - И готовься. Эти ведьмы пусть и не настоящие, но мало чем отличаются от героинь детских сказок, – предупредила девушка и втянула меня в полный людей зал.

Сказать, что мое появление произвело эффект разорвавшегося над головами гостей огненного шара, значило бы соврать. Леди и лорды, а также другие уважаемые жители города были заняты исключительно друг другом. Леди фыркали, подмечая изъяны в облике своих противниц и хвалясь сторонницам, лорды отошли подальше, не желая участвовать в дамских разборках, буде такие случатся, а уважаемые жители города, обделенные титулами и необходимостью доказывать собственное превосходство, предпочитали проникаться не аристократическими замашками, а низменными слабостями, отдавая всех себя десертам и закускам. Отчего-то я ощутила явное сродство к последним и осторожно потянула Мали к столику с едой.

– Потом поешь, - хмуро заявила ведьмочка и, ухватив меня за запястье, потянула в другую сторону. К уже знакомым мне ведьмам, в соседнее помещение, где помимо столиков с закусками имелись ещё и низкие диванчики с мягкими подлокотниками. - Сначала нужно поприветствовать старших, а потом уже брюхо набивать, - сказала Мали, под осуждающий аккомпанемент собственного желудка. Последний был больше согласен с моим маршрутом, чем навязанным правилами хорошего тона. Оттого и моя спутница выглядела одновременно и расстроенной, и раздраженной.

Леди Кондида приняла наши идеальные книксены с лицом полным удовлетворенного превосходства. Учитывая, что смотрела старшая ведьма города куда-то за нашими спинами, взгляд предназначался явно не нам с Мали, а кому-то из заклятых подружек.

Таковые определенно должны были найтись в этом провинциальном городке. Иначе просто быть не могло. Даже у нас с Ларин в Вальехе была такая подружка. Мадлен Уолти. Порой ее присутствие очень помогало – держало в тонусе и заставляло думать о последствиях своих поступков, ибо сомневаться в том, что Мадлен доложит директрисе о любом нашем просчете и с Ларин снимут обязанности старосты, не приходилось.

– Кондида, душа моя... – протянули откуда-то сзади, а у меня зубы заныли, как после двухчасового марафона со сладкими напиткам. С трудом удержала улыбку, но цвет лица определенно мог меня выдать. Меня, но не леди Кондиду и леди Марлу, обошедшую нас по кругу и наградившую говорившую уже готовой улыбкой. – Вижу, у вас пополнение. Как обычно, без вкуса и совести, верно?

Чьи-то острые коготки впились мне в плечи, заставляя развернуться и встретиться глазами с довольным взглядом сухой и сморщенной, как яблочко после месячной сушки, женщиной. Назвать ее леди у меня язык не поворачивался, такой странной она казалась. Как сказочная злая королева, морщинистая и бугристая, с тонкими ножками, которые с трудом удерживали тело поистине монарших размеров. Я моргнула, не понимая, как низенькая старушка может впиваться ногтями мне в плечи, если это физически невозможно.

– Зато без тяги к сомнительным заклинаниям, – фыркнула Мали, давая понять, что этой гостье грубить можно и, судя по одобрительным взглядам наших леди, даже положено. – Леди, могу я проводить вас в уборную, пока вы не успели испортить о себе впечатление в глазах всего грастинского общества? Вы ведь решили в первую очередь поздороваться с хозяйкой дома и не стали шептаться с остальными гостями за спиной леди? – сладко предположила Мали, едва сомневаясь в своих «предположениях».

– Разумеется, – кивнула леди, смерила уничижительным взглядом всех нас. Досталось и мне, хотя я впервые в жизни видела ее. А после женщина, быстро удалилась, волоча за собой пышную и слишком длинную юбку.

– Ничему ее жизнь не учит, – даже как-то сочувственно вздохнула Мали, но так, чтобы услышала только я. После чего подмигнула мне заговорщицки.

– Кло до сих пор не смирилась. - Покачала головой леди Кондида. Хмыкнула каким-то своим мыслям и обратила свой взор в мою сторону. – Хорошо, - отметила она, оглядев меня с ног до головы. – Пока можешь погулять по залам. Весь первый этаж и часть второго доступны моим гостям. Обошлись без чар? – уточнила леди Кондида. Мали торопливо кивнула, вызвав у старшей ведьмы довольную улыбку. - Тогда можете гулять без опаски. Мали, проводи для нашей милой Ларин экскурсию. Покажи, где что находится. Не хочу, что бы у нашей юной гостьи возникли проблемы и она потерялась в самый ответственный момент.

– Да, моя леди. – Мали ещё раз присела в книксене и кивнула мне на дверной проем, намекая на отход. Я не возражала. Разве что отметила, снятые с петель двери.

– Чтобы никто не зацепился, - пояснила Мали, уволакивая меня подальше и от ведьм, и от иных гостей. - Пронесло, - выдохнула она, когда мы спрятались в одной из ниш в галерее. Здесь их было в избытке и пока они пустовали, дожидаясь вечера. - Кло могла и чего другого учудить.

– А... почему она такая? - все же полюбопытствовала я, вспоминая сказочную королеву.

– Маленькая и сморщенная? – фыркнула Мали. – Она на самом деле не ниже леди Марлы, думаю, ты по платью заметила. Но хочет казаться и выше, и моложе. А как можно этого добиться без каблуков и омолаживающих эликсиров противных ее натуре ведьм? Только обратиться к магам за иллюзорными чарами.

– Едва ли она стала бы покупать такое, - засомневалась я. – Красивее они ее не сделали. Или, - я вздрогнула от посетившего меня зрелища, - сделали?

– Нет, - рассмеялась Мали. - Кло куда симпатичнее. Но, понимаешь, в своем противостоянии с леди Кондидой Кло зареклась даже нос совать в ведьминские штучки, как она называла нашу силу, да и магию в целом не одобряет, хоть и пользуется. Как-никак уже десять поколений ее семьи не могут похвастаться одаренными, но для нее это повод для гордости. А потому просто некому ей объяснить, как сочетаются разные виды магии между собой и что случается с классическим чародейством, когда оно вступает в конфликт с нашей силой.

– А как...

– Когда через порожек переступала, ничего не заметила?

– Нет.

– Потому что ты ведьма и благожелательно настроена. Обычные люди тоже ничего не ощущают, если не желают хозяевам зла. А вот маги... по-разному. Тут от силы зависит, от настроения. Кто-то головокружением может отделаться, кто-то расстройством желудка, иллюзии искажаются, как у Кло, а боевые чары против владельца срабатывают. Сильное колдовство, старое... – с придыханием заметила Мали.

– Но ведь среди гостей есть свои маги? Лорд Манкольм, если бы прибыл...

– Они через другой ход идут. Для своих. Но Локону этот путь никто показывать не будет. Большинство уже смирилось и закупились косметикой, но некоторые до сих пор пытаются...

– Но ведь и они могут вам отомстить?

– Они пытаются, – подтвердила Мали. – Но на нашей стороне дар, а они могут лишь вводить странные правила на своих мероприятиях из-за чего количество гостей на их раутах от раза к разу снижается. А значит и их влияние. Не переживай, может, тебе и не доведется их посещать. Твоя задача все равно другая.

– Я помню, – шепотом ответила, теребя юбку.

– Я бы сказала тебе, что волноваться не стоит, – серьезно заметила Мали, – но понимаю, что это бред. Сама бы волновалась не меньше. Потому идем прогуляемся по дому, а после я покажу, кто твоя жертва.

– Ты его уже видела?

– Мне показывали, – подтвердила ведьмочка. – Весьма неплох собой, но... это ведь не главное. – Она тоскливо закатила глаза. – Когда уже мы уйдем от этого предрассудка со священным долгом и сможем жить своей жизнью?

Вопрос так и повис в воздухе. Ни у кого из нас ответа на него не было.

ГЛАВА 9. Предложение

Ни интерьеры, ни выставленные на всеобщее обозрение картины, ни быстрые комментарии Мали не смогли отвлечь меня и уберечь от волнения. Куда бы мы ни шли, я постоянно оборачивалась, пытаюсь не пропустить момент, когда за нами пошлют.

Мали, видя мою нервозность, только руками разводила, пока наконец не пришла к выводу, что раз другого пути нет – придется идти заедать тревогу. В конце концов, и ее желудок начал выдавать такие рулады, что игнорировать их становилось попросту неприлично.

Мы обосновались в самом пустом зале. Здесь в общей сложности находилась всего дюжина человек, с большим преимуществом сильного пола. Можно даже было сказать, что мы с Мали стали послами в этой заброшенной стране повальной маскулинности. Одна скучающая леди ни в счет. Она прикорнула в кресле и слегка посапывала, пытаюсь, верно, таким образом заглушить для себя беседы о котировках, новом проекте Виктора Агдора и его неминуемом провале.

Я прислушалась, но, стоило почтенным лордам заметить внимание леди, они тут же перешли на темы более приземленные и, выслушав с десятков комплиментов, я была вынуждена улыбнуться и вернуться к Мали.

– Тебе это действительно интересно? - хмыкнула девушка, отправляя в рот тарталетку с паштетом.

– Виктор Агдор или комплименты? - Я поморщилась, поскольку изяществом похвалы местного неженатого собрания не отличались, а вот заинтересованными взглядами в область декольте очень даже.

– Агдор, - фыркнула Мали, откусывая половину от шоколадного кекса и блаженно щурясь. Перехватив мой взгляд, смущенно пояснила: – Пока тетушка не видит – можно. На. - Мне сунули другой кекс, но, несмотря на привлекательный запах и, наверняка, такой же прекрасный вкус, я не могла заставить себя взять в рот и грамм еды. Аппетит ушел напрочь и вернуться в ближайшие часы не обещал.

– Наставники порой говорили о нем в Вальехе. - Я пожалала плечами. - Не все одобряют его проекты, считая слишком

амбициозными и ненужными – ведь есть же магия, но мне всегда казалось, что они могли бы принести пользу многим людям. Особенно неодаренным.

– И ты одобряешь этот его паровоз? – Мали поморщилась. – Шумный транспорт, желающий изуродовать нашу землю, пустить свои щупальца через леса и реки, уничтожить веками поддерживаемую изоляцию, хочешь, что бы здесь было не протолкнуться от пришлых, не ведающих ни традиций, ни устоев? – Она выдохнула и тихо, чтобы никто не услышал, добавила уже своим привычным голосом: – Возможно, так было бы лучше.

Мали взглянула куда-то поверх моей головы и, извинившись, оставила меня наедине с закусками и роем мыслей. По слухам, долетавшим до Вальеха, король одобрил и проект паровоза, и железной дороги, но, как мудрый правитель, не желавший своего скорого свержения, переложил ответственность за реализацию идеи на самого господина Агдора и его партнеров. И именно они, а не его величество, должны были согласовывать с местными властями и владетельными лордами, где проложат железную дорогу и проложат ли вообще.

– Мечтаете о прекрасном принце? – Знакомый голос врезался в мои мысли. Спутать его с любимым другим я не могла: слишком свежи в памяти были слова господина Моргана, слишком много чувств они вызывали во мне. Я злилась и одновременно боялась его, хотела отомстить, но понимала безнадежность попыток.

– Если бы, – мрачно откликнулась я и все же позволила себе небольшую грубость: – Прекрасный принц слишком хорош и едва ли в силах справиться с настоящими злодеями.

– Это вы меня таким считаете? – Вскинул брови блондин. – Польщен.

Я неопределенно пожала плечами. Подтвердить – значило признаться в намеренной грубости, опровергать было бы ложью. Мой взгляд скользнул вниз, по узкому запястью собеседника, тонким пальцам, затянутым в перчатку, и остановился на трости. Пожалуй, господин Морган был единственным гостем, кто не отказался от этого аксессуара на приеме, хотя необходимости в нем и не имел.

– Зачем вам трость? – спросила я, что бы сменить тему. Вздернула подбородок, перехватила насмешливый взгляд собеседника и

скривилась от его ответа.

– Джентльмену она просто необходима, - признался блондин и добавил, понизив голос до доверительного шепота: – Не так легко переждать острый приступ желания. - Мои щеки непроизвольно покраснели, но Эльтрану этого будто бы не хватило, и он подошел еще ближе, шепча продолжение мне прямо на ушко: – Оно бывает таким острым, ярким, что совладать с ним весьма непросто. Так и хочется иной раз притянуть к себе, обнять и не отпускать долгие, томительные минуты, пока мир не станет ещё прекраснее без кого-то чересчур осведомленного и разговорчивого, - закончил объяснять Эльтран и посетовал: – Увы, следственный отдел подобное не одобряет. И приходится обходиться тростью.

Он сжал ее набалдашник так сильно, что я сглотнула, непроизвольно представив, как эти тонкие пальцы сжимают совсем не трость. Отшатнулась от рассмеявшегося мужчины, но далеко уйти мне не дали.

– Куда же вы, леди Рин? - на грани слышимости спросил блондин, беря меня под локоток и отводя в сторону. Повезло, что на нас никто не смотрел, иначе наше общение выглядело бы весьма двусмысленно. – Мой друг совсем скоро будет здесь. Пожалуй, мы даже можем его встретить.

– Я сама могу, – тихо предложила я, опасливо косясь на увлеченных беседой мужчин. Эти господа пусть и не обладают славой первостатейных сплетниц, с их обязанностями, уверена, справляются на ура.

– Конечно, – легко согласился Эльтран, отступая от меня. – И вы сейчас вернетесь в зал с гортензиями и немного подождете. Моему другу нужно собраться с мыслями, прежде чем подойти к вам. Вы сегодня слишком хороши, что бы можно было обойтись без букета.

Я вздрогнула, когда горячее дыхание собеседника опалило кожу. И, пусть он тотчас же отстранился и вовсе меня покинул, все то время, что я смотрела ему вслед, чувствовала, как пылает кожа, а сердце пугливо срывается на бег.

Глубоко вдохнула, пытаюсь унять приступ охватившей меня паники, но все мантры вылетели у меня из головы, а простым заверениям в духе «все будет хорошо» сознание отчего-то не верило.

Очередной взгляд, брошенный на беседовавших мужчин, дал понять, что мне следует покинуть это общество. Слишком часто внимание невысокого и уже немолодого мужчины соскальзывало в мою сторону. Оно не было мне приятно и даже не льстило: так смотрели не на любимую, а скорее на приз, становиться которым у меня не было ни малейшего желания. Потому я улыбнулась, выдавая самую сладкую из всех улыбок, и проскользнула в соседний зал. Краем глаза отметила появление лорда Манкольма и то, какой искренней радостью озарилось лицо леди Марлы, покинувшей ведьминское общество и сопровождавшей мужа. Ее ладошка лежала на сгибе его локтя, давая понять, кто был ведущим в их паре, но то, как пальцы лорда накрывали ее, явно говорило о глубокой взаимности их чувств. Даже здороваясь с другими мужчинами, лорд Манкольм не мог оторваться от жены, словно они были лишь первый год женаты.

Я так на них засмотрелась, что пропустила момент, когда сама стала объектом чьего-то пристального и активного внимания. И, моргнув, с недоумением рассмотрела небольшой букет, замерший прямо передо мной.

– Леди, могу я преподнести вам этот скромный дар? - Прямо передо мной замер с лукавой улыбкой незнакомый мне брюнет. Черный фрак и жилет лишь подчеркивали стройность его фигуры, а белизна рубашки и шелковые лампасы на темных же брюках – размер кошелька. Или, что тоже было вероятно, желание незнакомца показать местному обществу свою респектабельность. И мне бы стоило отказаться от подарка, но, перехватив строгий взгляд леди Марлы и вспомнив о словах господина Эльтрана про друга с букетом, я кивнула.

– Благодарю вас, господин...

– Мартин Клейн, - представился мужчина и, пользуясь моим замешательством, наклонился, чтобы поцеловать руку. Отдернуть ладонь теперь было бы настоящим оскорблением, и я не стала нарушать естественный ход вещей.

– Мы не были представлены... – я предприняла попытку уйти от разговора, хоть и понимала, что поступаю опрометчиво. Меня пугала перспектива лично говорить с этим человеком, без одобрения старших леди или компании подруги. Глаза мужчины нехорошо сверкнули, но он удержался. Лишь тонко улыбнулся и напомнил:

– Мы уже исправили это досадное недоразумение.

– Верно, - не могла не согласиться я, глядя за его спину и отмечая, с какой гордостью смотрит на меня леди Марла. - Вы недавно в Грастине? - я попыталась повернуть разговор в привычную для себя сторону. Не забыть бы еще спросить о погоде, моде и... Третья тема вылетела у меня из головы.

– Пару недель, - признался собеседник и сделал шаг в сторону, закрывая от меня леди. Теперь я не могла видеть ее и пришлось рискнуть и посмотреть на собеседника, в глазах которого я усмотрела, или просто придумала себе, знакомое мне напряжение. Будто и он тщательно подбирал темы и слова, пытаюсь остаться в рамках вежливости, но при этом дать понять... что?

– Сегодня очень тепло, - неожиданно для самой себя сказала я и предложила: – Давайте выйдем на балкон. Мне говорили, что сад леди Кондиды лучший в городе, и мне бы хотелось успеть им полюбоваться, пока не начались танцы.

– Готов исполнить любую вашу волю, - серьезно, но мне показалось, что на лице Мартина мелькнуло облегчение, сказал он и предложил мне руку.

Мы покидали зал, как образцовая пара. На достаточном расстоянии друг от друга, глядя в разные стороны и всем своим видом показывая, что с превеликой радостью остались бы в зале, но игнорировать обстоятельства не могли. Какие? Тут уж каждому следовало подумать самому, но не слишком давать фантазии разгуляться.

Балкон по-своему был вполне безопасным местом. Сейчас, когда с начала приема прошло меньше часа и солнце было в полной силе, никто не мог бы усмотреть в нашем уединении под взглядами всех присутствующих ничего компрометирующего. Более того, я была уверена, что стоит дверце закрыться за нашими спинами, как все светское общество прильнет к окнам, не желая ничего пропустить. И если Мартин Клейн не задумал жениться, ему лучше не позволять себе лишнего.

Я споткнулась от неожиданного предположения, и Мартину пришлось поддержать меня, уберегая от падения. Теплые ладони коснулись талии всего на мгновение, но их жар жег меня и после того, как мужчина отстранился.

– Здесь мы можем поговорить, - тихо сообщила я, избегая смотреть на собеседника. Под его внимательным взглядом я краснела, что мне вовсе не нравилось .

– И вы готовы меня выслушать?

– Разумеется. – Я нехотя взглянула на собеседника – и тут же отвернулась. Не было у меня привычки разговаривать с незнакомцами на балконе, ощущая спиной все нарастающий интерес собравшихся в зале.

– В таком случае, - Мартин шагнул вперед, сокращая между нами расстояние, - я хотел бы сделать вам предложение.

Я закашлялась, подавившись воздухом. И пусть передышка была куплена муками, она была мне необходима.

– Что простите? - немного придя в себя, переспросила, не рассчитывая, впрочем, на свое то ли везение, то ли проклятие.

– Предложение, – серьезно повторил Мартин. - Мое – вам. - Он взял меня за руку, пользуясь растерянностью на грани шока, и вкрадчиво добавил: – Понимаю, вам могло показаться, что между нами нет ничего общего, но я крайне заинтересован, чтобы это общее возникло.

– И... что вы предлагаете? - решила все же уточнить еще раз, пока не случилось чего-то непоправимого.

– Разумеется, руку и сердце. – Теперь, когда слова уже сорвались с его губ, мой собеседник несколько расслабился и вместо напряжения в его глазах было лукавство. Лукавство и насмешка, вырвавшаяся наружу вместе со словами: – Руку помощи от чистого сердца. До меня, как, впрочем, и до всего города, дошли слухи о вашем бедственном положении. И я не могу остаться в стороне, зная, как нелегко вам приходится на чужбине.

– Вы и сами здесь гость, – заметила я, не зная, плакать мне или смеяться. Но больше всего, мне хотелось найти господина Эльтрана Моргана и позаимствовать его трость.

– Но я – мужчина, - заметил Мартин. – А вы одинокая девушка, определенно нуждающаяся в помощи.

– Мне есть кому помочь.

– Не сомневаюсь, – легко согласился собеседник и, заглядывая мне в глаза, неожиданно попросил: – Тогда помогите мне.

– Помочь... вам? – Мое удивление было неподдельным. Собеседник не производил впечатление того, кто нуждался бы в помощи. В инвестициях – да, но не в помощи.

– Все верно. - Собеседник улыбнулся. - Мне очень нужна ваша помощь.

– И... чем я могу вам помочь? – не удержалась от вопроса, понимания, впрочем, что происходит что-то странное. Это мне, судя по одобрительным взглядам ведьм, следовало очаровывать этого мужчину и добиваться его внимания, а не ему просить о чем-то. Это было как-то неожиданно, и оттого неправильно.

– Выйдите за меня замуж, – вкрадчиво попросил он, вновь сокращая между нами расстояние и обжигая мою кожу своим дыханием. - Мне известно о здешнем обычае, и я не хотел бы связывать свою судьбу ни с одной из сторон.

– Я ведьма... – тихо призналась, не зная, чего хочу этим добиться.

– Ведьмочка, - усмехнулся собеседник. - Но вы, моя дорогая, не отсюда, и с вами я могу говорить свободно, как и вы со мной, леди Рин. - Кожу опалило пламя. Верно, Эльтран не стал скрывать от партнера свой козырь. - Давайте поможем друг другу. Вы решите мою проблему с вхождением в местное общество, я избавлю вас от внимания тетушки. - Он посмотрел прямо мне в глаза, открыто, не скрываясь. - Таково мое предложение. Вы согласны?

И он встал на одно колено. Запустил свободную от моих пальцев руку в карман и извлек... нет, не настоящее кольцо, а свернутый в колечко стебель какого-то цветка. Мне даже показалось, что я знаю, где он его позаимствовал.

– Вы согласны, Ларин? - уже громче повторил Мартин, косясь на окна, к которым прильнули, казалось, все. Еще чуть-чуть и любопытные гости вынесут стекла из рам своими телами.

Я бросила быстрый взгляд на знакомые лица и, глубоко вдохнув, как перед прыжком в воду, выпалила:

– Да.

ГЛАВА 10. Цена согласия

– Условия обсудим позже, – сказал мужчина, надевая мне импровизированное кольцо на палец и поднимаясь. И едва с этим было покончено, на балкон высыпали ведьмы в полном составе. От подмигивающей мне Мали до степенно-довольной леди Кондиды.

– Объяснитесь, господин Клейн, – сурово потребовал мэра, выходя из-за спины супруги. Впрочем, ошарашенным он не выглядел – лишь слегка удивленным, словно что-то подобное ожидалось, но не так быстро.

– Лорд Эдингтон, леди, уважаемые гости. – Мартин степенно кивнул каждому из рискнувших присоединиться. – Я должен извиниться перед всеми вами. – Он покаянно склонил голову. – Мне следовало держать себя в руках, но... – Он печально улыбнулся. – Но я не смог. Чувства, нахлынувшие на меня, оказались столь сильны, а я... простой человек. – «И неплохой актер», – отметила я про себя, наблюдая за представлением. А Мартин тем временем вновь заговорил, на сей раз даря все свое внимание мне. – Простите меня, Ларин. Я не должен был быть так поспешен, но, увидев вас сегодня, я не в силах представить себе, что кто-то другой будет ухаживать за вами, любоваться вами и прижимать к сердцу. – От последнего утверждения у меня по коже пробежали мурашки, а перед глазами возникла картинка, как мы вдвоем гуляем по набережной, Мартин приобнимает меня за плечи, притягивает к себе и... Щеки непроизвольно покраснели, выдавая мои мысли с головой. – Леди моего сердца, Рин, вы позволите мне стать самым счастливым мужчиной в этом городе?

Все взгляды собравшихся устремились в мою сторону. От такого внимания у меня даже коленки затряслись, не говоря уже о пальцах. Но отступить было некуда: то, что предлагал Мартин, отвечало желаниям всех сторон. Ведьмы получали влияние на новоприбывшего, Мартин пользовался их одобрением – а леди Кондида уже бросала победные взгляды на скривившуюся Кло – а мне обещали защиту от тетушки.

– Да, – потупившись, ответила я и тихо добавила: – Но сначала мы должны узнать друг друга получше.

– Верно, – вмешалась леди Кондида. – Мартин, вы должны все-все нам рассказать, прежде чем мы одобрим этот брак. – И не давая господину Клейну возможности одуматься и сбежать, старшая ведьма Грастина уволокла куда-то и Мартина, и дорогого супруга.

Оставшись без главного актера, толпа быстро схлынула, решив, что все самое интересное теперь будет происходить в доме, где довольный успехом господин Клейн о чем-то вещал главам города.

– Быстро ты, – с завистью отметила Мали, подкрадываясь сзади и обнимая меня за плечи. – Неужели леди Марла дала тебе зелье?

– Какое зелье? – Я была ещё слишком обескуражена, чтобы быстро соображать.

– Приворотное, – усмехнулась Мали. – Так быстро предложение руки и сердца ещё никто не получал. Не знай я тебя, – она хохотнула, – подумала бы, что ты ведьма.

Я наградила ее осуждающим взглядом, но не смогла противостоять изображенному Мали раскаянию.

– Ладно, я не сержусь, – вздохнула. – И что теперь будет?

– Как что? Свадьба. Леди Кондида сейчас окончательно обработает жениха, что бы он и не думал передумать, а завтра поедем платье выбирать. Такое событие. Ты даже леди Марлу переплюнула. Лорду понадобилось три недели, чтобы в нее влюбиться, а ты вот так – раз и готово. Войдешь в историю как самая ответственная ведьма этого города, – воодушевленно закончила Мали и утянула меня в банкетный зал. – Это нужно отметить.

Я не возражала. Сама наконец ощутила зверский голод. Сейчас, когда худшее уже произошло, волнение отступило и меня потянуло к закускам. Признаться, я бы и от наваристого супа бы не отказалась, но на приемах, увы, суп не подавали, а вести героиню дня на кухню к слугам Мали отказалась. Не хотела, дескать, лишать меня удовольствия блистать, хотя мне показалось, что истинной причиной было вовсе не это, а желание лишний раз полюбоваться, как с лиц участниц Локона при виде нас отваливаются слои штукатурки.

– Так им и надо, – заявляла Мали, с трудом удерживаясь, чтобы не показать заклятым подружкам язык.

– Мне кажется, им должно быть все равно. Они ведь не знакомы с Марином.

– О нет. - Мали отрицательно качнула головой. - Все, что нужно нам, нужно и им. Поэтому не расслабляйся, пока записи о вашей свадьбе не появятся в книге учета. До тех пор твоя добыча может стать их добычей. А они не постесняются напоминать тебе о провале долгие годы, - протянула Мали, недобро глядя мне за спину. - Матильде пришлось уехать, чтобы не слушать о себе лишнего.

– Я учту, – пообещала, надеясь, что успею покинуть город прежде, чем местные кумушки начнут смаковать мой развод. В том, что он неминуемо состоится, у меня почти не было сомнений.

– Прости, мне нужно тебя оставить, – спустя пять тарталеток и два куска торта повинилась Мали, вдруг напрягшись всем телом. - Ничего?

– Все в порядке, - заверила я, понимая, что раз уж секреты есть у меня, должны быть и у Мали, и требовать от нее откровенности я не вправе. Потому лишь молча проследила, как подружка растворяется в толпе, исчезая из поля зрения.

– Я должен вас поздравить, леди Рин? – Знакомый голос заставил вздрогнуть. Впрочем, ныне он не был угрожающим, скорее довольным. – Вы неплохо справились. Даже ваше желание чуть отстрочить брак... леди Кондида удовлетворена, а с ней счастлив и я.

– А ваш друг?

– Оценил ваше здравомыслие, не сомневайтесь.

– Вы все ему рассказали, – с укором заметила я.

– Не все, моя дорогая. Совсем не все. Но Мартину не нужно знать, насколько ваша тетушка хочет вернуть вас домой.

– Наш брак не будет действительным.

– Отчего же? Договорные браки самые надежные. Пока действует брачный контракт, ни одна из сторон не позволяет себе лишнего, – поделился наблюдениями блондин. – А вашим договором я займусь лично.

– Как и браком, - хмыкнула я.

– Как и браком, – подтвердил он. - Кто-то же должен уладить формальности. Правильно настроить жреца, организовать отбытие учетной книги на проверку сразу после вашей церемонии...

– Вы хотите всех обмануть!

– Мы хотим. – Он тонко улыбнулся. – Вы, моя дорогая, уже увязли в этом деле. Но – не задерживаю. Леди желают с вами поговорить, а мне нужно послушать моего бесценного партнера и остановить, если он начнет позволять себе лишнее. Тяжело работать с увлекающимися натурами, - пожаловался Эльтран и оставил меня у стола с закусками.

Увы, он был прав. И насчет моей причастности к их делу, и про ведьм догадался. Леди Марла, заметив, что я осталась без присмотра, оставила мужа и торопливо шла ко мне. С господином Морганом они встретились на полпути, и если блондин лишь снисходительно улыбнулся, когда нос зонтика задел низ брючины, то на лице второй старшей ведьмы Грастина отразилось непонятное мне разочарование.

– Прошу меня извинить, леди. - Эльтран кивнул сердитой леди и растворился в толпе гостей.

– Дорогая, ты в порядке? - Голос леди был полон беспокойства. – Что от тебя хотел этот господин?

– Поздравить? – предположила я, борясь с желанием пожаловаться на блондина. Я уже не сомневалась, что он был одним из тех типов, кто, работая на тебя, добьется любого результата, но , если хочется спать с чистой совестью, никогда не следует спрашивать о способах достижения ими цели. И, к сожалению, в нынешних условиях именно такой человек мне и был нужен, ибо сама я с тетушкой не справлюсь .

– Хорошо , если так, - пробормотала леди, а я почувствовала, как кожи касается легкий ветерок. - Ничего нет. - Ведьма облегченно выдохнула и предупредила: – Постарайся не встречаться с этим господином. Лучше прослыть грубиянкой, чем идти с ним по одной стороне улицы.

– Вы знакомы? - Мое удивление вышло искренним. Леди неопределенно пожала плечами, но по тому, как дрогнуло ее лицо, я поняла: что-то между этими двумя определенно было. – Мали сказала, что вы забрали сыновей на выходные? - сменила я неприятную тему, и леди с радостью ухватилась за предоставленную возможность. О своих детях и муже она готова была говорить долго, и столько тепла было в ее словах, что ни я, ни вернувшаяся Мали не рискнули перебивать леди. Это оказалось под силу одному лишь лорду Манкольму, похитившему у нас свою супругу спустя три четверти часа, и, попрощавшись со всеми, они покинули прием, так и не станцевав ни одного танца.

Мне же пришлось отвечать за свою стремительную помолвку. Мартин Клейн, выпущенный из-под бдительного ока леди Кондиды и ее супруга с первыми нотами вальса, не стал давать поводов для сплетен и приглашал только меня. И если сначала меня бросало то в жар, то в холод от ощущения его теплых рук на моей талии, нежной мимолетной ласки, которую он позволял себе, когда мы кружились, то спустя три круга я начала привыкать. И даже сама себе позавидовала, краем глаза ловя недовольные взгляды участниц Локона.

Наверное, так и работала ловушка священного долга каждой ведьмы. Поддержка, которую ты получаешь во время выполнения задания. Чужая зависть, заставляющая расправить плечи и гордо вскинуть подбородок. И мимолетные ласки, от которых внутри все сжималось, а к щекам прилиwała кровь. А если представить, что большинство ведьм так танцевало с влюбленными в них мужчинами, глядя в их затуманенные не выгодой, а чувствами глаза... Ловушка захлопывалась стремительно и неотвратимо.

Я сбилась с шага, но Мартин поддержал. Остановился и, игнорируя недовольные вопли пар, кому мы помешали, вывел меня из круга танцующих. На землю спускались сумерки и, не произошли сцена с признанием ранее, наше уединение на балконе вызвало бы множество сплетен. Ныне же – никто не возражал.

Пряный южный воздух наполнил легкие, отрезвляя. Я зябко поежилась. Мое платье было слишком легким для вечерних прогулок, а накидку я забыла. Та так и осталась висеть в шкафу.

– Возьмите. – Мне на плечи лег теплый фрак.

– Вы замерзнете, – кутаясь, виновато сказала я.

– Зато вы – нет. – Мартин улыбнулся, и мне вдруг захотелось поверить, что чувства его искренни, что нас связывает что-то большее, чем заключенная пока на словах сделка. Его последовавшие слова вернули меня на грешную землю: – Если вы заболете – свадьбу придется отложить. А это для нас непозволительная роскошь.

– Вот как...

– Не грустите, леди Рин. – Мартин коснулся моей ладони, сжал ее, уверенно, но не более того, и добавил: – Разводы в наше время набирают популярность. Едва ли вас станет кто-то осуждать. На отступные я не поскоплюсь, а деньги сейчас во многом важнее репутации. Впрочем, вы всегда можете поступить, как ваша тетушка.

– Леди Шарлотта? А?..

– Она вам не рассказывала? – Мартин вздернул брови. А я неожиданно поняла, что мужчина достаточно красив. Можно было даже убрать «достаточно», ограничиваясь признанием «красив». Или может всему виной тени, легшие на лицо, отблески пламени, отражавшиеся в глазах... С трудом отвела взгляд, покраснев от тихого фырканья, совсем не вязавшегося с образом богатого и целеустремленного предпринимателя.

– Она не говорила о прошлом, – вспомнив о заданном вопросе, сказала я, кутаясь сильнее. В нос ударил запах мужского одеколona, но он был до того приятным, что я с трудом заставила себя не принюхиваться, пытаюсь разобрать аромат на составляющие.

– Многие предпочитают о нем забывать, – хмыкнул Мартин. – Ваша тетушка, насколько мне стало известно, до своего отъезда в Марголин успела побывать замужем. Недолго, ее супруг скончался меньше чем через год после заключения их брака. Злые языки даже утверждали, что не без помощи юной супруги, но следствие по делу не проводилось, а без официального заключения любые слова можно объявить клеветой. Как бы то ни было, леди решила не оставаться во враждебной ей столице и переехала на долгие восемь лет в дружественный нам Марголин, откуда после вернулась с девочкой пяти лет. Будь вы похожи, я решил бы, что она объявила свою дочь племянницей, желая уберечь от злобы света, но нет. Вы с леди слишком разные, разве что вашим отцом был марголинец, – размышлял Мартин, а у меня в груди все сжалось.

Ведь и так могло быть. Дети могут быть похожи на одного из родителей, являясь полной противоположностью другого. А опекунство... Не могла же леди признаться в том, что прижила ребенка вне брака?

– С другой стороны, – продолжил собеседник, не встретив раздражения с моей стороны, – Эльтран уверен, что леди не является вашей родственницей, а мой дорогой, – Мартин хмыкнул, – друг в таких вещах не ошибается.

– Слишком много секретов ему известно? – Я слабо улыбнулась.

– Вероятно, все, знание о которых можно купить, – согласился Мартин и предложил: – Мы можем вернуться в зал? Кажется, вам стало лучше.

– Я бы хотела уйти отсюда, - призналась я. - Не с балкона, а с праздника. Непривычно... шумно.

– Если вы позволите, я могу отвезти вас, – охотно предложил собеседник, ослабляя галстук-бабочку. - Если бы вы только знали, как я не люблю эти приемы.

– Но общество требует? - сочувственно улыбнулась.

– Работа, – обреченно вздохнул Мартин, покосился на меня и подмигнул. - А следом, полагаю, того же будет добиваться и молодая жена.

– Как же вам с ней не повезло. - Рассмеялась я и подала собеседнику руку.

Возможно, для меня еще и не все потеряно. С тетушкой поможет разобраться Эльтран, ведьмы будут довольны моим «успехом», а муж... он выглядел достаточно приятным человеком, и, если и дальше все будет в рамках договора, - наверное, мне удалось вытянуть счастливый билет. Впрочем, судить о последнем пока было рано.

ГЛАВА 11. Договор

Я сидела в уже знакомой таверне и, подставив лицо ласковым лучам солнца, ждала. Господин Морган, приславший мне утром записку, все еще не появился, а потому я могла хоть на мгновение закрыть глаза и представить, что все это мне только снится. Правда, сейчас, когда «сон» начал выправляться, превращаясь из кошмара во что-то интересное и более спокойное, мне уже не хотелось просыпаться немедленно.

– Счастлив видеть вас в таком благодушном настроении, – хмыкнули у меня за спиной, и скрип отодвигаемого стула оповестил о прибытии гостя. – Ваш лучший завтрак, – распорядился Эльтран, отсылая расторопную официантку, метнувшуюся к нашему столику, едва гость изволил присесть.

Я слышала ее удаляющиеся шаги, а, открыв глаза, еще успела заметить мелькнувший в дверях кухни фартук.

– Перейдем сразу к делу, – не дожидаясь, пока ему принесут приборы, сказал блондин и протянул мне перевязанную заколдованной веревочкой пухлую картонную папку. – Не бойтесь, вы сможете ее открыть, – заверил меня собеседник. – А вот чересчур любопытные ведьмы – нет. Потому советую не оставлять бумаги на видном месте, а убирать их. Так вы не нарушите условий нашего сотрудничества, а ваши любознательные подружки не разнесут по городу новых сплетен.

– Это вы о ком так? – неодобрительно уточнила я, все же рискнув и ухватившись за папку. Почувствовала, как что-то касается моей ауры, словно сверяется с чем-то, и... прямо на моих глазах веревка оживает и змеей уползает на обратную сторону папки. Перевернув ее, я обнаружила ранее отсутствовавший рисунок, которым, судя по всему, и притворялись спящие охранные чары.

– Сколько у меня времени на то, чтобы с ним ознакомиться? – Я кивнула на папку. Открыв ее и наскоро пролистав, я не удержала удивленного вздоха. Там было не меньше ста страниц, а то и больше. Да и шрифт, которым набирали документ, был не чета обычному типографскому, коим печатали художественную литературу. Здесь,

даже запершись на чердаке на весь день, я могла не успеть прочесть все.

– Три дня, - успокоил меня блондин, поправляя манжеты. Официантка как раз показалась из кухонного царства с груженным подносом. - Если не будете тратить время на глупости – успеете прочесть. Нет – подпишете на свой страх и риск.

– А если не подпишу? - спросила я... и лучше бы промолчала. Взгляд Эльтрана, которым он меня наградил, был таким ласковым, что у меня по коже промаршировала в ускоренном режиме не одна рота мурашек. Да и волосы встали дыбом не от отсутствовавшего в помещении ветра.

– Подпишете, леди Рин, - заверил меня мужчина, отводя взгляд. Тогда же схлынуло и охватившее меня оцепенение.

– Простите, – вырвалось у меня непроизвольно. – Я не хотела...

– Я знаю, что вы хотели, – усмехнулся Эльтран, награждая меня снисходительным взглядом. – В силу возраста – я все же рассчитываю на наличие у вас разума – вы хотите проверить границы дозволенного, не понимая, что взрослые, занятые люди сразу очерчивают допустимые рамки. Вы можете и дальше ребячиться и пытаться показывать свою независимость, но мы оба знаем, что это кончится либо прибытием вашей тетушки, либо отказом местных ведьм вас опекать. Сами по себе вы пока мало что представляете, потому не разочаровывайте ни меня, ни их.

Столовый нож чиркнул по краю омлета.

Я смотрела, как господин Морган отправляет в рот кусочек за кусочком, и молчала. Мне нечего было ему сказать: опровергнуть его слова... все мои аргументы были бы ложью. Он же говорил честно, не заигрывая, не утаивая, не делая скидок на мою гордость и положенную в обществе вежливость при разговоре с леди. И вместе со страхом, который он во мне вызывал, я чувствовала и уважение, и, пусть это и было сложно признать, благодарность.

Закончив с омлетом, он коснулся уголков губ салфеткой, отложил ее и подарил мне снисходительную улыбку.

– Прошу меня простить, леди Рин. Я был непозволительно груб. - В его голосе не было и толики раскаяния.

– Вы... были честны.

– Я не ваш враг, чтобы лгать вам. – Эльтран наградила меня долгим, внимательным взглядом. Я даже успела заподозрить его в наличии ментальных способностей, так вдумчиво он изучал мое лицо. - Когда вы немного подрастаете, привыкнете к ответственности, которую накладывает на вас положение в обществе, тогда, возможно, мы и сыграем с вами в мою любимую игру. Пока же... изучайте. - Он улыбнулся своим мыслям и тише добавил: – Мой дорогой друг даже может обидеться на меня за столь демонстративное отстаивание ваших интересов. Вы уж его успокойте.

– Не слушайте его, моя дорогая. – Мне на плечо опустилась рука Мартина, да и сам он очень быстро оказался в поле зрения, заняв последний – третий – стул у моего столика. – Мне достаточно одного лишь счастья видеть вас.

Слова с делом у господина Клейна не расходились, а потому, пока мы с официанткой слушали сладостные речи, вышеупомянутый господин уже всюду делал вид, что целует мне руки. Бросаемый на меня взгляд из-под густых ресниц – на зависть всем столичным прелестницам – был полон лукавства и смешинок.

– Здравствуйте. - Румянец вышел из-под контроля, заливая щеки и мешая мне трезво мыслить. - Не хотите позавтракать?

– С удовольствием, - согласился Мартин и жестом подозвал официантку. - На ваш выбор, - кивнул он ей, одаривая ласковой улыбкой, отчего мне вдруг стало не до смеха.

Пользуясь прикрытием стола, я ущипнула себя за ногу, возвращая здравость рассудка. Господин Клейн не был не то что моим поклонником, он даже партнером пока не стал. Договор все еще не подписан, а значит у каждого из нас есть свобода выбора. Точнее, это у него она есть, а у меня...

Верно, грусть отразилась на моем лице, потому что иначе как бы он узнал, что мне хочется поддержки. Но он почувствовал, накрыл мои похолодевшие пальцы своими и заглянул мне прямо в глаза.

– Прошу прощения, что расстроил вас, моя дорогая, - виновато проговорил Мартин, а я отвела взгляд. Он был слишком хорошим актером, у меня же опыта подобных представлений не было вовсе. А потому, даже зная, что он равнодушен ко мне, продолжала мучиться сомнениями и желаниями. - Подпиши договор, - прошептал мне Мартин, убирая свою руку. - И тогда мы сможем зайти чуть дальше.

– Насколько дальше? - Губы пересохли от его признания.

– Намного, - предвкушающее улыбнулся он, а я... отчаянно замотала головой. Нет, нет и нет. Дальше, что бы там ни было, должно быть по любви, а не из-за какого-то договора. Я вздернула подбородок, собираясь сказать ему все, что думаю по этому поводу, но перехватила холодный взгляд Эльтрана, и весь мой запал потух.

– Осторожнее со словами, Мартин, - одернул партнера господин Морган. Тон его был настолько морозным, что даже пики Эвельфея едва ли могли с ним соперничать. - Напугаешь леди, и мы никогда не сдвинем проект с мертвой точки.

– Прости, увлекся, - извинился... перед блондином Мартин и лишь после того, как тот удовлетворенно кивнул, посмотрел на меня. Расставил приоритеты, называется. От обиды я едва смогла удержать лицо, но волевым усилием мне это удалось, и маска не дрогнула, когда прозвучали обидные слова: – Но, леди Рин, полагаю, и сама знает, что рассчитывать на чувства в нашем деле не приходится.

– Знаю, - коротко ответила я и, закрыв папку, сунула ее под мышку. - Прошу меня извинить, но не могу уделить вам больше времени.

– Как жаль. - Мартин вновь превратился в галантного кавалера, вскинулся, стоило мне подняться со своего места, провел до самого выхода, не забыв на прощание склониться к моим перчаткам... Я даже пожалела, что они были новыми, но ничего изменить уже не могла.

До дома, где я снимала чердак, добралась за несколько минут, еще меньше мне потребовалось, чтобы взбежать по лестнице и дважды, от избытка чувств – не иначе, не попасть в замочную скважину. Наконец, мне и это удалось, и, бросив папку на стол, я рухнула на кровать. Зажмурилась, прогоняя наваждение, пару раз стукнула по покрывалу и, чуть-чуть ушибившись, выругалась от неожиданной боли.

Перчатки уберегли от ритуального посасывания ушибленного пальца. А потому, прежде чем оценить ущерб и как-то унять боль, пришлось стягивать тугие перчатки.

Обошлось . Палец был цел, только слегка опух, но с моим везением это было сродни чуду. Выругавшись, я непроизвольно втянула голову в плечи: ни при тетушке, ни тем более в Вальехе ругань из уст леди не одобрялась . А иногда душа требовала, более того выплескивала эмоции до того, как разум успевал вмешаться. Как

например сейчас, когда никто не мог подслушать откровения моей души.

Мужчинам я соврала. До визита Мали оставалось еще не менее часа, да и после ведьмочка, скорее всего, захочет еще с полчаса передохнуть, досыпая на моей кровати.

Из-за минувшего приема занятий с леди Марлой ни сегодня, ни завтра не планировалось. В поместье лорда было слишком шумно илюдно, чтобы продолжать занятия, да и леди не хотела отвлекаться от собственных детей. Потому мне были выделены выходные. И, если бы не предложение на приеме, я бы не думала о договоре и платье для церемонии, а гуляла бы по городу в компании Мали и слушала местные легенды, поделиться которыми девушка обещала, но постоянно забывала.

Шумно выдохнув, я поднялась с кровати. Папка с договором опасно балансировала на самом краю стола. Видимо, бессознательно я хотела ее уронить, но боялась себе это позволить: придется же возвращать папку владельцу, да и договор... Верить на слово бессовестному шантажисту было бы наивно, потому пришлось раскрывать папку и обрушивать на стол целую стопку бумаги. Дорогой, белой, наверняка обработанной закрепителем, чтобы чернила не выцвели и никто, воспользовавшись лезвием, не исправил парочку букв.

– Посмотрим, что день грядущий нам готовит, – пробормотала я и углубилась в чтение. И настолько оно меня захватило, что папку пришлось прятать в последний момент. Мали уже стучала в дверь, когда я избавлялась от улик, ненадежно скрывая их в верхнем ящике стола – все равно ведьмочка предпочитала заглядывать в шкаф, а не сюда.

– Я пришла, – зевая, оповестила девушка, проходя мимо и падая на застеленную кровать. – Дай мне пару минут.

– Конечно, – кивнула я, прекрасно зная, что пары минут, чтобы прийти в себя, Мали не хватит. – Снова эликсир?

– Если бы, – пожаловалась собеседница, сворачиваясь калачиком. Ботинки она благоразумно скинула на пол, чтобы не нарываться на конфликт. – Мне их больше не дают. И ни в одной лавке не продают. Леди Кондида распорядилась и ни одна ведьма не стала ей возражать.

Ужасно, когда есть эта... – Мали наморщила лоб, вспоминая, – манна... моно...

– Монополия, - подсказала я, еще на этапе лавок сообразив, что именно вызывает в душе ведьмочки протест.

– Она. – Мали взмахнула рукой и обмякла, заснув. Я так и не успела спросить, сколько ещё дней или недель будет длиться ее восстановление. И вдруг будет лучше не идти против советов старших и хоть раз попробовать не засыпать при первой же возможности. Увы, будить ведьмочку и уточнять казалось мне недопустимой жестокостью. Потому, выждав с четверть часа и убедившись, что сон Мали глубок как никогда, я сунула руку в ящик и вернулась к прерванному занятию: чтению договора.

Первым, что бросалось в глаза, было мое настоящее имя. Ринталь Калиори, девятнадцати лет отроду, пользовалась своим правом на заключение брака.

Я хмыкнула. Да уж, законы в Балиаре поражали своей продуманностью и гуманностью. Собственно, если разобраться, – замужество было единственным доступным всем девушкам правом, реализовать которое можно было и до достижения двадцати лет, не заручаясь согласием родителей, если жених достаточно богат или знатен, а несколько уважаемых господ одобряют этот брак. И, желая сбежать из-под опеки семьи, некоторые действительно выбирали этот путь. Вот только, пытаясь что-то доказать своей семье, обычно оказывались в ситуации худшей, чем была до их скоропалительного решения. Ибо опека мужа, в отличие от семьи, не исчезала с наступлением двадцати лет, и пусть общество стало не так болезненно относиться к работающим женщинам, зачастую, чтобы получить работу, согласие супруга все же требовалось. А он легко мог его не дать, отрезая жене путь к самостоятельности, что приходит с деньгами.

В Вальехе шептались, что так дела обстоят не везде, в том же Марголине девушка, даже выйдя замуж, сохраняла независимость, но в пансионе мало кто в это верил, а кто и верил – осуждали, считая, что государство совсем не заботится о своих леди.

Правда, и у нас, в Балиаре, существовал вариант частично сохранить свою независимость. И именно он лежал передо мной. Брачный контракт, столь нелюбимый и порицаемый во всех уголках королевства, что в присутствии леди это словосочетание никогда не

произносилось, чтобы не плодить прецеденты. Потому с заранее утвержденным договором замуж обычно выходили дочери купцов, вдовы, успевшие хлебнуть «женского счастья», и редкие леди, за которыми давали огромное приданное и у которых родители не считали нужным спонсировать пагубные привычки зятя. Для остальных же заключение брачного контракта считалось чуть ли не признанием всех грехов, ибо говорило о меркантильности, эгоистичности и в целом дурном нраве невесты. Но, вчитываясь в строчки договора, я была готова прослыть любой, лишь бы он вступил в силу.

Господин Морган не соврал. Новоявленная госпожа Клейн, пусть и теряла титул – впрочем, он и так никогда не был моим, но получала заметно больше прав и привилегий. Как то самостоятельного выбора работы, при условии, что она не угрожает жизни и здоровью госпожи, места жительства, если супруги обладают недвижимостью в количестве большем, чем одно, посещения любых светских мероприятий, за исключением запрещенных короной, право на переписку с любым жителем Балиара независимо от пола и возраста без согласования с супругом и его представителем. Также за мной сохранялось причитавшееся мне наследство, в случае получения оно, управление этим наследством или передачей его под управление другого лица по моему выбору, титул, в случае его появления, переходил исключительно мне и моим детям, минуя супруга, как и положенные вместе с титулом привилегии.

Эльтран, казалось, расписал все. Даже супружескими обязанностями на брачном ложе не пренебрег и, читая эту часть, у меня краснели не то что щеки – уши становились горячими и пурпурными. Наверное, как благовоспитанной леди, мне даже не стоило открывать этот раздел, но любопытство... Проклятое любопытство буквально требовало перечитать каждую букровку, чтобы знать, что предстоит. И если от некоторых пунктов мне хотелось сбежать, другие были неподдельным искушением.

Но самое главное указывалось в конце. Мартин Клейн не мог принудить свою супругу к исполнению супружеского долга, а также, если по истечению двух лет в семействе Клейн не появлялись наследники (либо по соглашению сторон и в любой момент), брак считался аннулированным, с условием выплаты единовременной

компенсации стороне, терпящей большие издержки, в размере необходимом для приобретения недвижимости в Билене и поддержании достойного уровня жизни сроком на пять лет. Далее шли приложения и комментарии, что считается достойным уровнем жизни, издержками, как рассчитывается минимальная компенсация и другие бюрократические тонкости.

Я вздохнула, покосившись поочередно то на часы, то на спящую Мали, и поняла, что в салон мы сегодня не поедем. Слишком много информации мне нужно было уложить в своей голове и слишком сладко посапывала подруга.

Укрыв ее, я спустилась на первый этаж, где в светлом холле могли проводить время все постояльцы. Там, глядя, как капли дождя из раза в раз атакуют брусчатку, я пыталась понять: что я упускаю. Договор был слишком хорош для меня лично, беглянки, нуждавшейся в защите и поддержке, но господин Клейн оказывался в крайне незавидном положении. Мы ведь расстанемся. Либо через два года, либо едва его миссия здесь будет завершена. И тогда ему придется поступиться большой суммой, выполняя условия составленного господином Морганом договора. Стоит ли оно того? И если – да, то на какие доходы рассчитывает Мартин, чтобы они покрыли все издержки. Мне оставалось только гадать.

ГЛАВА 12. Привет от тетушки

Утром следующего дня я вернула подписанный договор довольному господину Моргану, прогуливавшемуся по набережной в гордом одиночестве, если не считать трость. Ее он из рук не рисковал выпускать, что могло свидетельствовать как о скорой встрече с неприятными клиентами, так и о внезапно открывшейся хромоте. Впрочем, последнее предположение не имело ничего общего с реальностью, а потому я рискнула поинтересоваться:

– Вас ждут неприятные переговоры? - покосившись на трость, уточнила я.

– Еще бы они были приятными, - хмыкнул блондин и неожиданно добавил: – Ваша тетушка любого может довести до белого каления, а мне предстоит с ней обедать. Размышляю, стоит ли выпить противоядие сейчас или успею сделать это в уборной.

– Заранее, - проговорила я, чувствуя, как поднимаются волоски на руках.

– Вы так думаете? - На меня посмотрели без тени улыбки. Напротив – серьезно, задумчиво, словно взвешивая мои слова. – Пожалуй, прислушаюсь к вашему мнению, леди Рин. Вы Шарлотту, пусть и не знаете с тех сторон, что я, но определенно чувствуете ее лучше.

– Мне так не кажется, – призналась, протягивая папку с договором. - Я подписала. Вы и правда выступали на моей стороне, составляя его.

– О нет, – усмехнулся блондин, удостоверившись, что подписи стоят везде и не думают исчезать. – Я всегда на своей стороне. И если вам кажется, что мы с вами в одной лодке, значит эта лодка победителей, или ваше зрение вас обманывает, и вместо меня с вами кто-то другой.

– Предпочту выбрать первый вариант.

– Тогда вы рискуете разочароваться, - усмехнуться Эльтран. - Если вы заглядываете в свое будущее – готовьтесь к худшему варианту. Так потери будут минимальными.

– Вы специально меня пугаете.

– Я вас учу, - усмехнулся мужчина.

– Тому, что не следует верить вам?

– Тому, что никому не нужно верить. Особенно людям моей профессии. Вам может казаться, что мы выступаем на вашей стороне, но все ли обстоятельства вам известны? Может, составляя для вас этот договор я руководствовался чужими интересами, а вам соврал.

– Интересами господина Клейна?..

– Может быть. Но, - он вдруг остановился, заставляя и меня замереть посреди пустующей в ранний час набережной, взял меня за подбородок, вынуждая смотреть ему в глаза, - заинтересованных сторон может быть куда больше, чем вам кажется на первый взгляд. Одна из них – вы, другая – господин Клейн, третья – ваш непокорный слуга, очарованный вашей любопытной наивностью, но не готовый терять из-за нее ничего ценного, четвертую, пятую и даже десятую сторону вы не знаете, но и они есть. Просто пока вы ни с кем из них не встречались. И вам повезет, если не встретитесь.

– Вы меня пугаете...

– Лучше это сделаю я и вы успеете подготовиться, чем все рухнет на вашу голову в один миг.

– И что же мне делать?

– Готовьтесь к свадьбе, леди Рин, - снисходительно сказал Эльтран, поправляя выбившуюся у меня из косы прядь. - Просто готовьтесь к свадьбе. Разве для леди есть день важнее?

– Есть, - потрянув головой, ответила я. – Просто вам они неизвестны.

– Увы. – Блондин развел руками и, развернувшись на каблуках, перешел улицу, оставляя меня в одиночестве размышлять о царившей в нашем обществе несправедливости.

Впрочем, я не могла не понимать, что резкий уход собеседника отчасти спас меня от позора, ведь мои слова были вызваны скорее духом противоречия, чем реальным положением дел. Ведь замужество для леди было таким же долгом, как и для ведьмы, но если последние использовали его как вариант мести всему мужскому роду (по крайней мере заявлялось оно так), то леди должна была служить украшением, освещая собой сначала родовое поместье, а после и обитель мужа. Ни на что большее растрачивать свою красоту было не принято. Потому фиктивное замужество с господином Клейном было для меня в чем-то

и выходом: не обремененные титулом женщины могли работать, не вызывая шепотков за спиной. Так Ларин подрабатывала в одной из отцовских лавок, не ставя под удар ни честь семьи, ни ее благополучие. Мне же, стоило заикнуться о своем желании помочь подруге, леди Шарлотта устроила полноценный скандал. Обошлось, правда, без битья посуды, но целитель после нашей беседы в поместье зачастил. И каждый раз таким довольным выходил... Наверняка заставил леди потратить неплохую сумму на его визиты. Хотя и сама тетушка не выглядела расстроенной после его посещений, была спокойной и благожелательной, словно сытая кошка.

Нахмурившись, я тряхнула головой, отгоняя непрошенные мысли. С каждым днем тетушка вспоминалась все чаще, хотя в пансионате даже разговор о ней мог неделями не заходить. И, что самое странное, с каждым воспоминанием, у меня внутри все сжималось и появлялось настойчивое желание все бросить и вернуться. Ведь тетушка нуждается во мне, без меня она не проживет, мне нужно срочно...

– Эй, Рин, ты в порядке? - Голос Мали слышался будто через одеяло. Я моргнула, пытаюсь разглядеть подругу, но взгляд соскальзывал. Набережная, мост через Вельну, лавка с ароматным мылом, размытые силуэты... Перед глазами двоилось, не давая разуму получить привычную картинку.

Споткнулась, едва удержалась на ногах, но тело вело. Если бы не подскочившая Мали, мне бы пришлось не платье выбирать, а целителя озолачивать, уговаривая ускорить процесс сращивания костей и восстановления лица многократно. Но обошлось.

– Держись, - шепнула мне ведьмочка и закинула мою руку себе на плечо. - К тебе ближе идти. Потерпи только. Ворожить на улице нельзя, но как только мы попадем к тебе...

Она шептала что-то обнадеживающее, таща меня на себе. Редкие прохожие оборачивались на нас, но, разглядев Мали, поспешно переходили на другую сторону дороги. Наконец, знакомый запах дал понять, что мы достигли шестого дома.

По лестнице пришлось забираться на четвереньках, чтобы случайно не оступиться и не скатиться вниз бездыханным телом. Мали страховала. Сколько заняло восхождение – ускользнуло от моего понимания. Но в какой-то момент наваждение схлынуло, а я обнаружила себя лежащей на полу, с подушечкой под головой. Мали

сидела рядом, держа меня за руку и что-то шепча себе под нос. Глаза ее были закрыты.

– Не торопись, - предупредила она, почувствовав мое шевеление. Открыла глаза, и я непроизвольно вздрогнула. Ни радужки, ни белков глаз не было видно и в помине. Одна сплошная тьма клубилась во взгляде Мали. Заметив мою реакцию, ведьмочка торопливо отвернулась. Наверняка, отсела бы, если бы необходимости в моей поддержке уже не было. - Да, я самая темная ведьма этого города, – с неприкрытой болью призналась Мали, хотела было отстраниться, но я ухватила ее за руку. Пусть и темная ведьма, но мне, по правде говоря, стоило этому только радоваться.

– Пусть и темная, но ты же меня спасла? – забросила удочку я, изгоняя со своего лица любые проявления страха. - Что со мной было?

– Наваждение, а после – зов, – чуть оттаяв, по крайней мере, Мали больше не избегала моего взгляда, пояснила ведьмочка. - Ты ходишь без защиты, и кто-то этим воспользовался. Не из наших, в Грастине просто некому, а я бы не стала... Но ведьмы живут не только здесь, - виновато сказала Мали и добавила: – У нас не принято вредить друг другу, это должен был быть кто-то из изгнанных или чужаков.

– Или ему не сказали, что я ведьма.

– Или так... – согласилась Мали. - Но та, что это делала, должна была почувствовать. Если не тебя, то меня. Обрывая вашу связь, я ей показалась.

– Зачем? – выдохнула я с тревогой. - Теперь же та, другая, может отомстить тебе.

– Не сможет, – не без самодовольства ответила Мали. - Скорее – она теперь поостережется брать такие заказы. Не только ведь она меня видела, я тоже успела уловить флер ее силы и обязательно отпишу матушке.

– Не леди Кондиде? - удивилась я.

– Леди – моя родственница и глава местной общины, – спокойно пояснила Мали. - Но у темных ведьм есть свой круг, и дела, подобные твоему – нападения на сестер, расследуются и наказываются внутри круга. Я отпишу матушке, и она уже инициирует процесс. Не переживай, ту ведьму мы найдем.

– И подобное больше не повторится? – слабо улыбнулась я, глядя частично на Мали, частично на скат крыши.

– Нет. Я сделаю тебе оберег, и он закроет тебя от нашей силы.

– От всей? – встрепелась я. Терять свой огонь мне до того не хотелось, что, казалось, я была готова согласиться на постоянное пребывание в полубморочном состоянии, лишь бы не потерять его вновь.

– Нет, только от воздействия тьмы, – усмехнулась Мали и посетовала: – А я ведь думала у тебя поспать...

– А пришлось меня спасать.

Мали отмахнулась и помогла мне подняться.

– Полежи пока. Мне нужно отписать леди и матушке о случившемся, а также попросить доставить мой сундук сюда. Тащить тебя через весь город будет негуманно, – последнее Мали проговорила не слишком уверенно, словно хотела убедить саму себя в необходимости поступиться комфортом, чему она была крайне не рада, но воспитание требовало. – И пока я хожу, вспоминай, о чем или ком ты думала, когда все началось. Это важно.

– О тетушке... – ей вслед сказала я, откидываясь на подушки и складывая на груди руки. Поняв, кого мне напоминает эта поза, торопливо перевернулась, одну руку сунув под подушку, а другой натягивая поильнее одеяло. Вот так – вполне живая поза, не навевавшая кладбищенских ассоциаций.

Мали вернулась достаточно быстро, но с пустыми руками.

– Скоро привезут, – бросила она и с тоской оглядела комнату. Увы, второй кровати у меня не было. – Может попросить госпожу Теравер, – задумчиво протянула Мали, хмыкнула и заявила: – Я проживу с тобой пару дней. Во избежание повторения.

– А леди Кондида?

– Тетушка отпустит, – легко отмахнулась Мали. – Вот после твоей свадьбы ничего не поделаешь – придется съехать обратно. А до... Нет, все-таки чудесно, что тебя чуть не убили, – призналась ведьмочка, напрочь игнорируя мой потрясенный взгляд. После все же заметила его и, вздохнув, добавила: – Брось, я же успела. Как чувствовала, что тебе понадобится... – Она замолчала, прислушиваясь к чему-то только ей понятному, и довольно хмыкнула: – Ну вот и выяснили.

– Выяснили что? – осторожно переспросила я.

– Мой особый дар. А то пусто и пусто. Все уже о себе все выяснили, а я одна ходила и глазами хлопала. Но, видишь ли, ни у

матушки под боком, ни здесь ничего выдающегося не происходило. А тут ты со своими проблемами. Наконец-то! – Она довольно всплеснула руками. – Теперь уж точно они согласятся!

– На что?

– Пока – секрет, - заговорщицки подмигнула мне Мали, - но в новых обстоятельствах священный долг для меня может быть и отложен, и отменен. Где ещё они найдут такого стража, что и темная ведьма, и предсказатель смерти? – Она рассмеялась. – И можно не худеть! – заявила она в последнюю очередь, но по тому, с какой любовью это было произнесено, я заподозрила, что последнее обстоятельство вызывало в душе Мали больше отклика, чем все сказанное ранее.

Уже на пороге довольная ведьмочка обернулась и, помедлив, с опаской спросила:

– Ты же не против, что я с тобой хочу пожить?

– Нет. - Качнула головой. – С тобой всяко безопаснее, чем одной.

Мали довольно рассмеялась. А уже спустя четверть часа под чутким руководством госпожи Теравер два дюжих работника втащили на чердак еще одну кровать, сократившую свободное пространство на чердаке вдвое.

Ведьмочка, следившая за процессом, лично ткнула куда ее следует поставить, а после, попрыгав и удовлетворившись мягкостью матраса, кивнула, отпуская посторонних. Задержалась лишь госпожа Теравер, сочувственно осведомившаяся, не нужно ли нам чего-то ещё и пообещавшая прислать поздний завтрак нам прямо в комнату.

– Вспомнила, о чем думала прежде, чем началось? - напомнила задание Мали, распластавшись на своей кровати. Она стояла перпендикулярно моей, потому при желании мы обе могли видеть лица друг друга.

– О тетушке, - призналась я. - О том, как она сейчас без меня. И... мне захотелось вернуться к ней. Разумом я понимала, что это неправильно, а чувства кричали обратное. Меня словно в разные стороны рвало.

– Так и должно быть, - с видом исследователя, подтвердившего догадку, хмыкнула Мали. - Ты все-таки ведьма, а мы лучше сопротивляемся наведенным чарам, будь то собственные или магов.

Правда, если бы твоя тетка обратилась к магу, было бы наоборот. Разум бы требовал идти, а чувства сопротивлялись.

– Они и так постоянно сопротивляются, - буркнула я, вызвав смешок у Мали.

– А как ты хотела? Правила, навязанные обществом, не могут нравиться настоящей ведьме, но она может их принять и использовать для собственной выгоды, - поучительно произнесла Мали, и по изменившейся интонации я поняла, что она кого-то цитирует. – Все, хватит расслаживаться.

Одним плавным движением ведьмочка села на кровати и, стараясь не коситься на ее мягкие объятия, поднялась. Подошла к окну, взглянула вниз. Лицо ее не выдавало волнения, зато пальцы... пальцы словно перебирали невидимые бусы, пока наконец не замерли, будто нащупав что-то. Мали резко обернулась, и больше она не походила на саму себя – сонную любительницу сладкого, зато хищный прищур потемневших глаз не оставлял сомнений, что ведьма Мали совсем не светлая. К такой идти по пустыкам поостережешься, десятой дорогой ее башню обойдешь, а, ежели случится оказия, взгляд от пола оторвать не посмеешь.

И я бы, наверное, не смогла стойко выдержать ее взгляд, если бы не чувствовала: там, за этой маской, все ещё есть Мали, сладкоежка и лентяйка, которую мне уже удалось узнать.

– Выглядишь опасной, - отметила я, пытаюсь не допустить в голос ноток страха.

– А... что? - Мали моргнула, и взгляд ее посветлел. – Прости, я увлеклась. Порой выпадаю из реальности. Увы, у большинства молодых темных ведьм есть такой порок, поэтому старшие не забывают напоминать: прежде чем переходить к любому ритуалу, жертву нужно надежно зафиксировать. А то к тому моменту, как вспомнишь, зачем пентаграмму рисовала, можно и без подношения демонам остаться.

– Демонам? – Кожи коснулся неприятный холодок. - Они существуют?

– Определенно – да, - кивнула Мали. - Вам в вашем Вальехе об этом не рассказывали? Зачем тогда вообще он существует, если о таких важных вещах молчат?

– Чтобы наставлять юные умы на путь, одобренный королевским советом, – хмыкнула я.

– И очень зря. - Мали скривилась. - Лучше бы о демонах рассказали. - Она дернула себя за косу, прикрыла рот, зевая, и начала рассказывать: – В отличие от остальных рас, предпочитающих затворнический образ жизни и редко покидающих границы своих государств, демоны напротив спешат оставить следы своего пребывания везде, где только могут. Они редко разборчивы в связях, а потому одно время их потомков было так много, что охранки на домах начинали выть всякий раз, как кто-то мимо пройдет. Примерно в то же время началась борьба за чистоту крови.

– Святая инквизиция? – уточнила я, вспомнив самый кровавый период истории Балиара.

– Да. - Мали кивнула, подцепила со столешницы металлическое перо и принялась водить его тупым концом по ладони. - Нам тоже тогда досталось, но, – она подняла на меня полный боли взгляд, - даже мы не мстим потомкам тех людей за ошибки.

– Все было настолько серьезно? - Я перешла на шепот.

– Да. Видишь ли, в отличие от других рас, награждающих своих потомков иной формой ушей, сильным магическим даром или вздорным характером, демоны предпочитали не давать, а забирать. Легче всего было забирать по кровной связи, неразрывному каналу между родителями и детьми. И если своих детей, чистокровных, демоны ценили и ценят, то то, что получается от связей с другими расами и особенно с людьми – самыми слабыми и почти неспособными противостоять их обаянию, используют. Потому они охотно вступали в интимные связи со всеми искательницами приключений, иногда даже женились, но исчезали, стоило их потомку появиться на свет. Особенно они любили вступать в отношения с магичками и ведьмами. - Мали горько усмехнулась. – Справедливости ради, многие из одаренных сами предлагали подобный союз. В краткосрочной перспективе это было слишком выгодно для нас: по образовывающейся брачной связи жена могла пользоваться частью силы демона, намного увеличивая свой потенциал. Они и сейчас это предлагают, когда пытаются соблазнить кого-нибудь из одаренных. Даже настаивают, платить же придется не им, а их потомкам.

Мали смотрела на меня, но как будто сквозь. Рассказывала ли она услышанную историю или свою собственную, она была полностью погружена в нее.

– Темные ведьмы всегда рискуют поддаться. А искушают с самого первого дня. Исторические хроники, родовые гримуары... Слишком много осталось свидетельств того могущества, что было доступно ведьмам, заключившим договор с демоном. Найти ритуал призыва тоже несложно. Он настолько простой, что едва ли кто-то удерживался и не пробовал.

– Ты не удержалась?

– И я, и моя сестра. Близняшка. – Голос Мали перестал отражать эмоции. Она говорила, как механическая кукла. Только слова ее не были бессвязным набором реплик. – Ее воспитывали, взращивая в ней гордость и ответственность за весь наш род. От нее ждали свершений, ее к ним готовили. Ее дар открылся очень рано, невероятно мощный, сильный – он дарил уверенность, что наш род останется и дальше на ведущих позициях в круге. Мама, бабушка, прабабка – они уделяли ей все свое время. Мне же – повезло, если можно назвать это везением. Пока Лиара – Лира – сидела над книгами, чертила очередную пентаграмму, питая ее своей силой, я бегала на болото и ловила лягушек с младшими детьми других родов.

Наш десятый день рождения стал переломным. У меня наконец-то открылся дар, а у Лир – он начал угасать. То, что прежде было доступно ей по щелчку пальцев, перестало получаться и после длительной подготовки. Она плакала, рыдала навзрыд каждую ночь, кричала, обвиняя, что это я забрала, украла ее дар. – Губы Мали дрогнули. – В чем-то она была права. Я действительно его забрала. Только не ее, а свой дар. Вернула себе то, что было моим по праву, но... теперь надо мной довлеет долг. – Мали рассмеялась, безумно, зло. Она совсем не походила на себя прежнюю, вот только если раньше ее раздражение было направлено на кого-то вовне, сейчас я чувствовала, что именно я вызываю в ней эти чувства. – Огненная, мне следовало вспомнить об этом прежде, чем начинать говорить об этом. Ваша сила – откровенность, вам очень сложно лгать. Что ж, слушай, раз уж так получилось, и знай, к чему может привести гордость.

Он нашел меня сам. Подкараулил, когда я в очередной раз убежала на болота, чтобы не видеть, как Лире раз за разом удается призвать

мелкого беса. Они все смотрели на нее. Все – и мама, и бабушка, и даже прабабка смотрели на Лиру с неизвестным мне пиететом и гордостью. Мне же доставались одни тяжкие вздохи. Бесталанная, ошибка природы, урод в великой семье, существо достойное жалости. Каждый мой день был наполнен сожалением. Жалели меня, жалели себя, жалели их. Впрочем, это длилось недолго. Любой разговор обо мне быстро переходил от сочувствия к восхищению моей старшей сестрой. Лучшая, сильнейшая, достойная смена...

Я была лишней в собственном доме, была чужой там, нежеланной, помехой, избавиться от которой не позволял лишь долг крови. Иначе на меня смотрела лишь леди Кондида, но она редко покидала Грастин, а мать не разрешала мне уехать вместе с ней, хотя леди не забывала приглашать. Но – проклятая репутация – она не позволяла им избавиться от меня ни одним из способов. Даже тем, которым я желала больше всего на свете. - Она глубоко вздохнула, как делают перед прыжком в воду. - Тогда я решила сделать все сама: уйти, сбежать из этого дома навсегда. Я знала, никто не расстроится, они очень быстро обо всем забудут, а я – получу наконец то, чего так желаю. Свободу. От их снисходительных взглядов, от необходимости улыбаться сестре, принимать поздравления с ее успехами... Я ушла за день до своего десятилетия. В последний день, когда еще могла надеяться, что дар проснется. Пока я ещё была «ведьмой». В моей семье сила не спала дольше, а потому... – Она не договорила, но мне и так было ясно: оставаться в окружении одаренных, сводивших всю ценность ребенка к наличию или отсутствию дара... Мне, постороннему человеку, было больно слышать рассказ Мали сейчас, что уже говорить о ней, пережившей это на самом деле.

– Ритуал действительно очень прост. Пара знаков, несколько капель крови. Произнести слова призыва я не успела. Он появился раньше. В простой одежде, высоких сапогах и без единого пятнышка на них. Это было невозможно для того, кто шел лесными тропками и перебирался через болото. Но меня удивило другое – глаза. Таких ярких синих глаз я больше ни у кого не видела. Замерла, не в силах ни пошевелиться, ни сказать что-то. Остановился и он. Вздернул бровь, перекинул назад длинную косу. Я до сих пор помню: белые, как снег, волосы и черная лента, не дававшая им рассыпаться.

– Ведьминский ребенок? - спросил он, подходя ближе. И мне следовало бежать, кричать и просить о помощи, но я осталась на месте, скованная его ласковыми интонациями. Он погладил меня по волосам, отступил, чтобы заглянуть в глаза, и... в них была такая злость. Я думала, что это будет последнее, что я увижу в своей жизни. Закрыла глаза, ожидая, когда же все кончится, и – потеряла сознание.

Очнулась уже дома, в своей комнате. В одиночестве – иного просто не могло быть. Все были заняты подготовкой торжества, суетились. Я слышала, как беспощадно скрипит последняя ступенька, когда на нее наступали снова и снова. Снова и снова смеялась Лира, даже не делая попытки вести себя тише, хотя мне не позволялось даже выходить из комнаты, когда она отдыхала. И мне стало больно. Так больно, что любой ценой захотелось уничтожить этот шум, забыть о том, что я вновь в этом доме, о его обитателях...

Мали прикрыла глаза, вспоминая.

– Тьма опустилась на дом. Затопила каждую его комнату. Заглушила все звуки. Я наконец-то не слышала и не видела никого из них, была свободна от их презрения и смешков. Была только я и моя тьма. Жаль, недолго. Хотя моя свобода и растянулась еще на долгих двое суток, которые я, правда, не помнила – провалялась без сознания. Зато после... после не было ни снисходительных взглядов, ни смешков. Только крики... крики Лир, чей дар начал угасать, и прабабки Жоржет, постаревшей за одну ночь на добрые полвека.

– Это сделал тот человек?

– Демон, – усмехнулась Мали. – Нет, прабабку он не трогал. Просто... она лишилась возможности подпитываться от меня. Как и Лира, – хмыкнула ведьмочка. – Мать не знала, а я не стала ее расстраивать. Да и Лира едва ли сама выбирала для себя такую судьбу. За нас обеих это сделали старшие. Связь близнецов похожа на связь демона и его потомков, ее так же можно и использовать, а моя мать... она пусть и была талантливой ведьмой, но сила ее была слабее, чем у ее родителей, и, когда родились мы с Лирой, Жоржет с Мариллой решили, что это шанс. Вместо двух ведьм неизвестной силы получить одну, сильнейшую из всех. И пока мать валялась в забытьи после родов, они колдовали. Надо мной работала Жоржет и, как настоящая ведьма, не смогла устоять перед искушением присвоить часть силы себе – зачем неразумной Лире абсолютно все. И, когда демон

разрушил их чары, все вернулось на круги своя. Лире осталась лишь ее сила, а Жоржет... похороны были четыре года назад.

– Но твоя сестра проводила ритуал? - напомнила я, с чего начался рассказ о семье Мали.

– Да, - кивнула девушка, вытирая влажные щеки. - Она не смирилась с потерей. Пыталась вернуть себе утраченное, но оказалась слишком слаба, чтобы самостоятельно повторить прабабкин ритуал, да и я отказалась добровольно расставаться с силой. Потому у нее был только один шанс, и она решила его использовать.

Я пришла в себя, ты можешь смеяться, на том же болоте. Не чувствующая рук – веревки, которыми Лира меня связала, были слишком тугие, впрочем, она не могла не знать, что делает. На кляп пошел мой собственный шарф – его мне подарила мама, на одиннадцатый день рождения – первый мой праздник, который отмечала вся семья. Видимо, мой бедный подарок так не нравился сестре, что она хотела увидеть его на мне в столь жалкий момент. Сомнений в моей дальнейшей судьбе у меня не было: ритуал, пусть и не проведенный мною до конца, не стирался из моей памяти. Только Лира его закончила. Демон явился. Другой, не тот, кого я видела в детстве, но тоже снежноволосый. Лира требовала дать ей то, что ее по праву. Она ведь действительно считала, что моя сила должна принадлежать ей. И в обмен на помощь готова была дать демону то, что как она считала, ему нужно – ее чрево и ребенка, которого она могла родить. Увы, или ей повезло нарваться на неправильного демона, или их желание связываться с любой ведьмой преувеличены, но он... согласился на ее условия. Дал ей то, что ее по праву, – наказание за преступление, которое она хотела совершить, сроком до появления у нее его наследника, то есть навсегда, поскольку, по его словам, мешать свою кровь с падшей ведьмой претит его представлению о прекрасном. Он забрал ее с собой, оставив меня истекать кровью на болоте: поняв, что все идет не по плану, Лира хотела хоть так отомстить за себя.

Ее признали погибшей. А меня отправили к леди Кондиде. Подальше от дома, чтобы не напоминала ни о чем. И я – уехала. - Мали сглотнула и тихо, скорее для себя, чем для меня, добавила: – Она все же была моей сестрой.

– Но ты хотела обратиться к матери... – напомнила я, не зная, имею ли право настаивать. Чувства, пробудившиеся, проступившие во время внезапного откровения, были слишком сильны, чтобы я могла заставлять собеседницу встречаться с ними вновь. А это было неизбежно, если Мали придется обратиться к матери.

– Как старшая круга, она обязана ответить. Не переживай. Мои отношения с семьей не скажутся на тебе, – заверила Мали и отвернулась к окну. – А вот и Клод, подожди немного и получишь свой оберег.

Она вышла, а я, глядя ей в след, понимала, что теперь не смогу относиться к ней как прежде, беспечно веря в маску дружелюбной и нёдалекой ведьмочки, которой она так старательно притворялась, пытаясь влиться в местное общество.

ГЛАВА 13. Вести с полей, морей и прочих местностей

Уже к вечеру у меня был оберег. Короткий кусочек витой медной проволоки, на которую один за одним Мали посадила незнакомые мне драгоценные камни. Все как один черные, но с золотыми и серебряными вкраплениями. Впрочем, они с той же вероятностью могли ими и не быть, но я слишком мало знала о силе темных ведьм, потому предпочитала думать, что все-таки камни. Так было спокойнее надевать получившийся кулон на шею.

– Если меня нет рядом – не снимай, а если есть, – Мали усмехнулась, – тоже. Нужно, чтобы он касался кожи, так ты не пропустишь опасность и успеешь принять меры.

Я кивнула, хотя слабо представляла, что могу предпринять для защиты от нападения с расстояния в несколько дневных переездов. Так далеко мой огонь не достанет.

– Найдешь меня. Этого будет достаточно, – поняв причину моих сомнений, подсказала Мали и, судя по шорохам, отвернулась к стене.

Уже успело стемнеть, и мы разговаривали, не различая лиц друг друга.

– Доброй ночи, – прошептала я, повторяя маневр неожиданной соседки. Мали пробурчала что-то неразборчивое, но определенно вежливое.

Закрыв глаза, я ждала, когда сон опустится на нашу комнату, увлечет меня в свои бескрайние степи и... непроизвольно застонала, когда проволока начала стремительно нагреваться. Я уже было подскочила с постели, но в один миг боль ушла, а вместо нее все тело будто одеревенело. Я не могла и пальцем пошевелить, не говоря уже о криках. К счастью, это длилось недолго. Какие-то двадцать секунд, чуть не ставшие для меня вечностью.

Закашлялась, подавившись воздухом, и была подхвачена обеспокоенной Мали.

– Неймется им, – процедила ведьмочка и сжала в руке оберег, заставляя меня податься к ней. Я не видела ее лица – света луны было слишком мало, чтобы глаз мог выхватить нечто большее, чем

очертания окружающих предметов – но не почувствовать, какой силой полыхнула сидевшая рядом ведьма, значило бы быть не просто обычным человеком, а абсолютно невосприимчивым. Казалось, все волоски на моем теле поднялись, то ли от испуга, то ли желая защитить хозяйку, но я была рада, что темнота укрывает мой позор.

– Все, - ослабшим голосом произнесла Мали, падая прямо на меня. - Больше эта идиотка тебя не потревожит.

– Она жива? - осторожно уточнила я.

– Почти. - Ведьмочка была довольна. - Если можно назвать жизнью беспробудный сон на две-три недели, тут уж от ее собственных возможностей зависит.

– А тебе ничего не будет за... ее сон?

– Нет. - Голос Мали звучал уверенно, и я немного расслабилась. - Любая темная ведьма поймет, за что та наказана, а маги... маги предпочитают не вмешиваться в наши дела, пока нет угрозы королевству. А драка между ведьмами с последним не имеет ничего общего. Хотя будь у нас королева-ведьма – я бы поостереглась. Его величество не отличается добрым нравом и всепрощением. – Мали аккуратно опустилась рядом, ненавязчиво заставляя подвинуться. – Я тут полежу немного? Не рассчитала сил, до кровати могу сама и не дойти, - повинулась она.

– Оставайся, - легко позволила, подвигаясь еще. Вот где пригодилась моя subtilность. На старой кровати мы поместились вдвоем. И, чувствуя теплое дыхание рядом, я с улыбкой вспомнила о Ларин. Доплыла ли до Марголина? Если да, то как они устроились? Понравился ли ей город? Добры ли к ней местные жители? Сможем ли мы когда-нибудь вновь вот так вот улечься вместе и рассказывать друг другу события минувших дней?..

Мали заснула быстро. Повернулась на бок – и вот уже ее тихое сопение убаюкивает меня. Но сон не идет. Сколько бы я ни пыталась считать овец, баранов и прочий скот – мысли роились, осами впиваясь в пытавшийся скатиться в дрему разум.

Тетушка наняла темную ведьму. В то, что ведьмой была сама тетушка, мне не верилось. Будь все так – она бы не испугалась пожара. Но страх ее был неподдельный, очень питательный страх, воспоминания о котором меня грели, пусть я и боялась себе в этом признаться. Сейчас, когда леди Шарлотты не было рядом, я могла

дышать полной грудью. Больше не было осуждения, которое я в тайне всегда ожидала, зная, что тетушке доложат о любой моей ошибке. Больше не было страха не оправдать чужие ожидания. Больше не было дочернего долга, к выполнению которого она так меня готовила, раз за разом рассказывая, как много сделала для моего блага.

Пальцы сжались в кулаки. Натянулось прижатое к простыне одеяло, и я торопливо расслабилась. Мали пробормотала что-то себе под нос, но не проснулась, только сопеть стала тише. А я повернулась к стене и неожиданно для самой себя провалилась в сон.

Штору на ночь никто из нас не закрыл: просто забыли, увлеченные событиями уходящего дня, а ночью редкие лучи лунного света, достигавшие чердака, не мешали спать. Ныне же просыпающееся солнце мстило лежебокам всюду. Яркий свет ударил по глазам, когда с улицы еще не доносилось ни звука. Сонно заворочалась Мали, обнаружила себя не в своей кровати и убрела на расстеленное ложе. Чуть не упала по дороге – затекшие мышцы отказывались исправно работать. Да и я, получив больше свободы действий, попыталась перевернуться на другой бок и вынуждена была терпеть град колющих ощущений, обрушившихся небесной карой.

– Чтоб я ещё раз с кем-то засыпала, - простионала Мали, испытывающая схожие чувства. Впрочем, она оказалась сильнее меня. С одним открытым глазом, чтобы не просыпаться окончательно, добрела до окна и дернула за веревку, удерживающую штору с краю окна. Тяжелая плотная ткань заслонила нас собой от мстительного светила, но оно все равно продолжало пробираться в комнату через окошко на крыше. Увы, с ним мы ничего поделать не могли, оттого уже через час, сонные и разбитые, мы заправляли постели.

– Удалось хоть немного поспать? - виновато спросила я, когда мы устроились на стульях и, позевывая, рассматривали остатки печенья. За тем, чтобы получить кипяток, нужно было спускаться вниз, потому из ближайшего будущего нам приветливо махал призрак сухомятки.

– Ты воду греть умеешь? - деловито осведомилась Мали, разглядывая выданный мне госпожой Теравер на следующий день после заселения чайник.

– Конечно, - удивленно подтвердила я, но ведьмочка покачала головой.

– Сама. Своей силой, - уточнила она и пояснила: – За водой спускаться на один этаж, а чтоб ее нагреть – на все четыре. И, я считаю, это слишком расточительно, когда у нас есть своя огненная ведьма.

– Я не пробовала, – честно призналась, оглядывая чердак и размышляя, где лучше встать, чтобы в случае пожара сгорело меньше вещей.

– Значит, сейчас и попробуем, – вдохновилась Мали. - Пойду наберу чайник, а ты подумай, как будем греть.

Наверное, быстрее было-таки спуститься на первый этаж и воспользоваться привычными нагревателями, благо в Грастине не было проблем с артефактами, хотя поначалу, когда минул первый день моего пути сюда, я боялась, что придется учиться пользоваться настоящей печью. Впрочем, глядя на слегка подрумянившийся – мне не хотелось употреблять «обуглившийся» – стол, я с тоской думала о печи.

– Неплохо для первого раза, - пыталась подбодрить меня Мали, но я смотрела на черное пятно на столешнице и не верила ей. – Не расстраивайся, способность использовать свой дар в быту не сразу приходит. Кто-то и через годы тренировок не может не расплавлять чугун. А у тебя с первого раза чайник цел остался. Можешь собой гордиться! – уверяла меня ведьмочка, разливая по чашкам заварившийся отвар.

Сбор нам выделила леди Марла , приславшая четыре мешочка, едва новость о том, что Мали переезжает ко мне, разнеслась по городу.

– Вкусно, – шумно втянув в себя несколько глотков за раз, выдохнула Мали. – Жаль, мне травницей никогда не быть.

– Почему? - неосмотрительно поинтересовалась я, но собеседница и не думала скрывать.

– Видишь ли, если бы от травников требовалось готовить одни лишь яды – цены бы мне не было. Моя сила способно превратить в яд любой сбор, от ромашки до наперстянки. А если я, допустим , поселюсь в лесу, то вокруг моего жилища за считанные месяцы вырастут только ядовитые растения, вытеснив другие. Хорошо им рядом с темными ведьмами. Даже здесь, несмотря на дар леди Кондиды, в саду начали появляться волчегодник и белладонна.

– Ты могла бы продавать их в аптеку. Яд может нести не одно лишь разрушение. Если использовать его с умом...

– Думаешь, мне кто-то позволит конкурировать с кругом? - Мали усмехнулась. - Это одна из главных статей дохода темных ведьм, и монополия на продажу ядовитых растений принадлежит Кроудгорду. С этим даже король смирился: как бы обычные травники ни старались, сколько бы ни обещали заплатить ведьмам жизни, столько ядовитых трав они найти и вырастить не способны. Природа не готова создавать столько отравы, а ведьмы жизни своим вмешательством ослабляют отравляющие свойства.

– Буду знать. – Я кивнула, стараясь за улыбкой скрыть опасения. Память отчего-то отказывалась давать ответ: трогала ли Мали мою чашку.

– Правильно опасаясь, – верно истолковала мои взгляды ведьмочка. - Само по себе присутствие темной ведьмы еду не портит, но если брать что-то мною приготовленное... Внеочередное посещение уборной, к сожалению, становится предопределено. Но это для обычных людей. С ведьмами и магами уживаться проще, - обнадежила Мали и посмотрела на все ещё зашторенное окно. - К тебе вестник, – сказала она и поднялась. – Спустишь пока вниз, посмотрю, чем готова делиться с жильцами госпожа Теравер.

И она оставила меня в одиночестве, тактично давая право на личные секреты.

«Моя дорогая Рин, - писала подруга, чуть царапая белую плотную бумагу, не слишком популярную из-за высокой цены в Балиаре. Мы благополучно добрались до Шаргана. Несмотря на то, что это портовый город, здесь очень красиво и чисто. Не знаю, как вьеру АльТерни удалось этого добиться, но я в восхищении. – Я не сдержала улыбки. Казалось, что я вижу, как Ларин пишет эти строчки, как горят ее глаза и, наверняка, уши. Последнее обстоятельство было истинной причиной, почему подруга не носила высокие прически, избегая показывать этот ориентир ее истинного отношения к происходящему. Даже сквозь бумагу я чувствовала, что отношение к вьеру не ограничивается лишь восхищением его талантом управленца. Дальнейшие ее слова лишь подтвердили мои догадки. – Он такой обаятельный, – признавалась Ларин и горько сетовала: – Но я боюсь, что виной всему влияние моего отца. Мариус говорит, что папа

хочет вложить большие средства в местное производство аккумулярующих кристаллов. И если папе удастся получить разрешение короля, он обязательно это сделает. Потому я и боюсь, что виер АльТерни просто вежлив со мной, как с дочерью своего возможного партнера, а я придумываю себе небылицы. Прости, что пишу тебе сначала об этом, но мне сложно выкинуть его из головы. Везде мерещится, куда бы ни пошла. Но виер обещал мне услугу, и пусть не смог вспомнить ничего о Шарлотте Калиори, обещал поручить подчиненным выяснить о ней все. И, Рин, пришли, пожалуйста, свой портрет. Возможно, так будет быстрее. Я бы и сама нарисовала, но... ты знаешь, как рисую. Каждая вторая подойдет. – Я будто слышала виноватые нотки в ее голосе. Подругу всегда задевало, что изобразительное искусство ей не давалось. Ее брату – определенно да, матушке – и подавно, а ей... зато вычисление в уме было ее коньком. Малоизвестным и обществом не поощряемым, но, как мне казалось, куда более полезным, чем декламация стихов или их написание. – С надеждой на решение твоей проблемы и скорую встречу, Рин.

Адрес прилагался.

Я еще раз перечитала письмо. Не удержалась – и сделала это снова. И вновь. Пока каждое слово не отпечаталось в памяти, и я не могла видеть острые буквы, едва закрою глаза.

Значит, портрет. Хорошо.

Я открыла глаза и улыбнулась. Начинался новый день, и у меня уже были на него планы.

ГЛАВА 14. Еще о городских жителях

Мали ждала меня внизу. Моей просьбе посоветовать художника девушка даже не удивилась. Только пообещала внести его посещение в список наших сегодняшних дел. Вообще, учитывая вчерашний прогул, сегодня мы должны были летать по городу, но Мали не торопилась, да и мне не хотелось лишний раз мелькать в городе. Потому мы еще раз позавтракали на первом этаже, здороваясь со всеми покидавшими дом. Я провожала их грустным взглядом.

– Мне обещали помочь с работой, - тихо проговорила я, не слишком рассчитывая на осведомленность ведьмочки, но втайне на нее надеясь.

– Да. – Мали кивнула, отвлекаясь от уже второй чашки чая. - Но у тебя свадьба скоро. Леди Кондида решила, что пока тебе не следует отвлекаться на всякие мелочи, а после денежный вопрос уже не должен будет так тебя интересовать.

– Он очень интересуется, – хмыкнула я и пояснила: – Всегда лучше иметь пусть и небольшие, но свои деньги. Замужество замужеством, но не будешь же просить у мужа на булавки и...

– ...ингредиенты для зелий, – закончила за меня Мали. - Особенно, если часть из них предназначена для него.

– Я его ничем не поила! – непроизвольно повысила голос я, сердито щурясь.

– Необязательно поить, - поделилась мудростью Мали. - Можно sprysнуть свой платок, а после его уронить. Или побрызгать на цветы. Если зелье сложное, не общего спектра, то обязательно быть первой, кого он увидит.

– Мали, - одернула я ведьмочку, хотя она говорила и интересные вещи.

Любопытство так и подзуживало, намекая, что можно и попробовать что-нибудь сварить, раз уж ведьмой все равно уже окрестили, но совесть отказывалась участвовать в сомнительных мероприятиях. Даже в Грастине, где, казалось, нет ни одного контролирующего мага. Впрочем, их везде нет-нет, а в самый неподходящий момент, судя по газетам, появляются и говорят свое

веское слово. Иногда это было «вы арестованы», а порой «решим все на месте». Кому из участников конфликта какие принадлежали слова заметки обычно умалчивали, не желая нарываться на неприятности ни с законом, ни с крышующими уличных торговцев криминальными элементами.

Мали улыбнулась и сделала вид, что это совсем не она минуту назад рассказывала, как половчее нарушить закон. Даже пальчик отставила, бесшумно отпивая из чашечки. Мне же оставалось только головой покачать и присоединиться к распитию южных сортов чая.

Мы не торопились, потому леди Марла застала нас в холле. Оставив карету у входа, она величественно вплыла в общий зал на первом этаже, безошибочно остановив взгляд на нашем укрытии – угловом столике, окруженном цветами. Но не потрясающая интуиция леди заставила меня удивленно вздернуть брови. Лицо Мали, едва девушка слышала приближение леди, дрогнуло. Из глаз исчез хищный прищур, морщинки на лбу разгладились, не оставляя ни следа от занимавших Мали мрачных мыслей, уголки губ потянулись вверх. Даже нос, казалось, вздернулся, чтобы никто не посмел предположить, что он может не только соваться в нехорошие дела, но в них и верховодить.

– Девочки. - Леди приблизилась, внимательно изучая наш небрежный утренний туалет. Неодобрительно покачала головой и приказала: – У вас полчаса, чтобы привести себя в порядок. Риң, милая моя, ты же уже пришла в себя? – Я поднялась и торопливо кивнула, мысленно подсчитав, от чего устану больше: от походов по городу или заботы леди, явившейся до полудня. - Прекрасно. Рен-ши ожидает нас сегодня, нужно выбрать платье. - Леди покосилась на мои пальцы, но ожидаемого ею кольца на них не было. - Ничего, ему нужно время, чтобы выбрать лучшее, - то ли успокоила меня, то ли себя леди Марла.

– А если он откажется от помолвки? – предположила я, забрасывая удочку.

– Не откажется. - Покачала головой леди. – После тех обещаний, что он надавал Кондиде, господин Клейн не сможет покинуть город не женатым на тебе. Испортить тебе репутацию, милая моя, никто не позволит. – Она понизила голос: – Средства есть.

– Не надо, - открестилась я, уже по предложениям Мали догадываясь, о чем идет речь.

– Не будем, - легко согласилась леди и легонько подтолкнула не торопящуюся подниматься вверх Мали кончиком зонта. - У нас мало времени, девочки.

Пришлось спешить. И несмотря на то, что справились мы за считанные минуты, Мали не отказала себе в удовольствии задержаться.

– Люблю, когда леди Марла бурчит, - пояснила девушка, мечтательно улыбаясь. – Никто другой так себя со мной не вел.

– Она заботится, - кивнула я. – Но иногда это...

– Напрягает? - усмехнулась ведьмочка. - Отчасти. Но лучше так, чем абсолютное равнодушие, всеобъемлющее презрение, жалость или притворное участие.

– Тебе здесь нравится, - заметила я.

– Конечно. – Темная ведьма не стала отрицать. - Иначе я бы уехала. Не сразу – не хотела бы обижать леди Кондиду, но определенно раньше, чем мне бы стали рассказывать о священном долге ведьмы.

– А у темных он другой?

– Другой, – кивнула Мали. - Но лучше тот, что придумали обычные ведьмы и их путь достижения цели.

Мы выждали еще пару минут, и, лишь когда стрелка часов показала, что до конца назначенного времени осталось совсем немного, покинули чердак. Леди Марла ждала нас внизу, но не в гордом одиночестве, а в компании госпожи Теравер, то ли почувствовавшей, то ли просто удачно спустившейся, и ныне развлекающей вторую из ведьм Грастина беседой.

Мали разочаровано вздохнула, понимая, что оценить наше незначительное опоздание некому. Заговорившаяся леди просто кивнула нам, отмечая, что подопечные готовы, и указала на экипаж. Мы повиновались.

Атис придержал нам дверцу, помог забраться внутрь и остался снаружи, ожидая. Мали тут же плюхнулась на сидение и поправила лиф, пользуясь отсутствием посторонних глаз. Убедившись, что все сидит идеально, она откинулась на спинку и зевнула.

Непроизвольно повторила ее маневр, успев прикрыть рот ладошкой. Но до чего же заразное это дело – зевота. Один начнет – и все общество борется с собой, но разгромно проигрывает, включаясь в охватывающую все больше участников эпидемию.

– Не устали? – Леди Марла вернулась ровно в тот момент, когда Мали готова была уже прилечь и поспать. – Мали! – Укоризны в голосе леди хватило бы на роту солдат, но ведьмочка только виновато улыбнулась. Теперь, когда мне были понятны ее мотивы, я с трудом отделалась от улыбки. – Атис, к Рен-ши, – приказала леди, постучав ручкой зонтика в перегородку за нами.

Экипаж тронулся, а леди перевела внимательный взгляд с Мали на меня и обратно. У меня сна не было ни в одном глазу, а вот Мали...

– Это никуда не годится, – посетовала ведьма. – Рин, ты уж присмотри за ней, – попросила *меня* леди Марла. – Такая ответственная девочка, как ты, наверняка справится!

Я с мнением леди была не согласна, но спорить не стала: все равно переубедить леди Марлу было невозможно. Точнее, невозможно для нас с Мали. Леди Кондида наверняка бы справилась, но жена мэра не стала бы вмешиваться по пустякам.

– Она уже справилась, – хмыкнула Мали. – Этой ночью я спала.

– Вот как? – Брови леди удивленно взметнулись. – И было совсем нестрашно?

– Страшно, – не стала отрицать Мали. – Но я верю в присланные мне матушкой амулеты. Пусть мне и далеко до нее, но когда-нибудь и я смогу создать что-нибудь подобное.

Мали говорила, а леди Марла напряженно смотрела на меня, будто ожидая, что я сейчас закричу и брошусь вон из экипажа.

– Рин, – ласково позвала леди. Я с готовностью отвлеклась на нее, ожидая продолжения: – Тебя не пугает то, что Мали, – вторая ведьма города замялась, – имеет отношение к тьме? Понимаю, обычно сложно принять...

– Не сложно, – отмахнулась я, пока леди не сказала ничего обидного для Мали, пытаюсь как-то сгладить несуществующие углы. Все же, даже не видя свою соседку, я чувствовала, как она замерла. – Это же Мали. – Я тронула ее холодные пальцы. – А какая у нее сила – неважно. Хотя, – я смутилась, покосилась на ведьмочку и сжала ее руку, – не мне жаловаться, что ты темная. Для меня это скорее везение. – И леди: – Мне очень повезло, что Мали оказалась рядом, и еще больше, что согласилась пожить со мной, уберегая от тревог. Как бы я без нее заснула, зная, что кто-то так плохо ко мне настроен.

– Хорошо, - выдохнула леди. Ее лицо светлело прямо на глазах. Расслабились сжатые губы, щеки окрасил легкий румянец, и взгляд стал мягким, открытым. – Я боялась, что ты не поймешь. Мы все боялись, - призналась она. - И рады, что вы подружились! – закончила леди, а мы с Мали переглянулись. Та вздернула бровь, интересуясь, согласна ли. Я кивнула – еще как согласна. И ведьмочка, перевернув ладонь, сжала мою руку в ответ. С этого момента – подруги. И никак иначе.

В салоне Рен-ши было оживленно, но, судя по косым взглядам, которыми меня награждали щебетавшие о тканях дамы, истинной причиной их здесь появления было вовсе не желание обзавестись новым нарядом. Скорее – оценить мой и высказаться.

Увы, последнее им не удалось. Едва мы переступили порог, нас троих увели в уже знакомую мне комнату, где ожидала, сосредоточенно что-то обдумывая, пустыцница. Она кивнула леди, приветливо улыбнулась мне и отчего-то усмехнулась Мали, но промолчала.

– Присаживайтесь, леди. Рин, ты знаешь, что делать. – Мне указали на низенький широкий табурет.

Следующие три часа я бы предпочла выбросить из своей памяти, оставляя лишь их результат. Пока шитый на живую нитку, но уже через неделю, в знак особого расположения и привязанности, мне обещали полноценный наряд с вуалью и шлейфом, так что, кажется, дата бракосочетания была назначена.

– Подвести вас домой? - предложила леди Марла, когда мы вышли из салона и остановились у ожидающей кареты. Атис уже стоял, распахнув перед хозяйкой дверцу.

– Нет, мы еще прогуляемся, - взяла инициативу с свои руки Мали и призналась, заставив леди неодобрительно фыркнуть: – Я обещала показать Рин лучшую кондитерскую города.

– Мали, с десертами нужно быть аккуратнее, - напомнила леди, но все же оставила нас наедине, напоследок наградив Мали выразительным взглядом. Та покаянно склонила голову, но стоило карете скрыться, встрепенулась и заговорщицки мне подмигнула.

– Так куда? Обедовать или к художнику?

Я задумалась. В животе еще не урчало, но после трехчасового стояния в одной позе повторять подобное без перерыва было бы

слишком , а потому я решила:

– Обедать.

Мали одобрительно улыбнулась и, взяв меня под ручку, как делали закадычные подружки, направилась вверх по улице. Туда, где я еще не бывала.

– Одна сюда пока не ходи, - предупредила Мали, когда атмосфера неуловимо изменилась. – Ведьмы в этой части города редко появляются.

– Нам сюда нельзя? – удивилась я.

– Нет, просто бываем редко. А участницы Локона – напротив. Салон Рен-ши стоит почти на границе. Она не захотела отдавать кому-то из нас предпочтения.

Мы повернули за угол, и узкая улочка сменилась оживленным бульваром. Здесь, прямо на лавочках, под раскрытыми слугами зонтами, сидели полукругом, как младшеклассницы вокруг учителя, незнакомые мне леди. Правда, приблизившись, я смогла опознать некоторых из них, присутствовавших на приеме. Впрочем, без опасения соврать я могла сказать лишь, что среди собравшихся не было леди Кло.

Мы протиснулись мимо леди, вызвав в их рядах закономерное оживление. Шепотки «порядочных горожанок», как дамы не преминули себя назвать, доносились нам в спины ещё долго. До самых дверей уютного местечка с резной дверью и всего одним столиком на террасе и двумя внутри.

– Кондитерская? - уточнила я, осматривая кремовые стены, выставленные на всеобщее обозрение банки со специями и незнакомыми мне зёрнами, мягкие вязанные игрушки, выступавшие компаньонами за столиками, и небольшой деревянный ящик со сложенными пледами. Ещё были свечи, но их время ещё не пришло.

– Нет. - Покачала головой Мали, переводя взгляд с одного столика на второй. – Просто хорошее место.

– О чем я очень рада слышать, - заверила нас выпорхнувшая из ниоткуда молодая девушка. Она чем-то неуловимо походила на хозяйку салона, но сходу причислить светловолосую к пустынным мешало слишком многое: от цвета волос до белой, как снег кожи. Только глаза у них были похожи, чересчур узкие для уроженки Балиара, Марголина или Эферта. - Дарая, - представилась девушка, протягивая узкую

ладонь. Я охотно ее пожала, отмечая три широких браслета, сковывавших запястье. Именно сковывающих, ибо назвать их украшением у меня язык не поворачивался. Они скорее уродовали ее молочную кожу.

– Рин. - Я представилась коротким именем, не желая врать новой знакомой.

– Я запомню, – пообещала та и перевела взгляд на Мали. – Как обычно?

– Да, – кивнула ведьмочка и наконец определилась со столиком. Шагнула за угловой, пересадила плюшевого медведя на полочку и указала мне на место напротив.

– А для Рин? - Дарая не торопилась уходить, с любопытством меня изучая.

– Я бы взглянула на меню, если вас не затруднит...

– Одну минуточку, - попросила девушка и исчезла за потайной дверцей. Конечно, ее расположение никто не скрывал, но, если не знать, где искать, то могло показаться, что в зале есть только один выход – с улицы, так удачно маскировался вход в служебные помещения, сливаясь со стеной.

– Кто она? – понизив голос, уточнила я, провожая взглядом, наверное, хозяйку.

– Дарая? Полукровка. Демон и человек, – пояснила Мали, усмехаясь при виде моих вытаращенных глаз. – Ты же заметила браслеты? Полукровки, если хотят жить с людьми, обязаны их носить, ограничивая свою силу и демонстрируя окружающим происхождение. Из горожан мало кто хочет сюда ходить, даже зная, что браслеты напрочь отсекают полукровке возможность подпитываться эмоциями и силой людей. Потому здесь почти всегда свободно и дешевле, чем в иных местах, хотя качество во многом лучше.

– И ты сюда ходишь...

– ... вкусно поесть, – оборвала мою цепочку рассуждений Мали, взглядом давая понять, что обсудим мы все дома, а здесь просто поедим.

– Конечно, - поспешно согласилась я, краем глаза отмечая, как открывается дверь и в зал выскальзывает Дарая с пухлой папкой.

– Мы готовим все, – похвасталась она, раскрывая передо мной меню и ожидая дальнейших вопросов.

– Я посмотрю. - Благодарно кивнула, вынуждая девушку отступить обратно, за короткую стойку, где были выставлены чашки. Все, как одна, расписные, с сонными животными в их местах обитания. На такие смотришь – и начинаешь непроизвольно зевать.

Заурчал живот, напоминая про скудный завтрак и его временную отдаленность, и я уткнулась в меню, теряясь между строк от описаний. Наконец, я сдалась и попросила, рассчитывая, больше на удачу, чем на что-то иное. В конце концов, цены здесь действительно были весьма соблазнительные. Даже с моими скудными возможностями. - На ваш выбор.

Дарая просияла и убежала передавать заказ.

Мали молчала, размышляя о чем-то и глядя поверх моей головы на улицу. Она только кивнула, когда вернувшаяся Дарая поставила перед ней желтовато-оранжевый суп, больше похожий на крем, чем на привычную похлебку, где в воде топили все ингредиенты. Мне достался такой же, но зеленый, со шпинатом, о чем меня предупредили, выставляя тарелки. Не заставило себя ждать и второе с нежной рыбкой, и даже десерт появился ровно в тот момент, когда вилка была отложена.

Расплачиваясь, я не отказала себе в удовольствии бросить пару монет в банку на стойке «для персонала» и расплылась в довольной улыбке, чувствуя признательность со стороны Дараи.

– Я еще приду, - сказала и поняла, что действительно не смогу отказать себе в удовольствии. Особенно, если Мали согласится составить компанию.

Ведьмочка ждала меня на улице. Прикрыв ладонью глаза от яркого с непривычки солнца, Мали смотрела на другую сторону улицы, где шушукалась троица затянутых в корсеты и не отказавшихся от турниров девиц. Несложно было догадаться, что темой их обсуждения были мы.

– Идем, - бросила мне Мали, надеясь, видимо, увести меня раньше, чем до ушей донесутся слова троицы. Увы, ей это удалось лишь частично:

– ... так спешат, так спешат...

– Не находите, леди, что все слишком быстро?

– Брюхатая уже?

Я почувствовала, как Мали сильнее сжала мое запястье, то ли желая поддержать, то ли удержать от опрометчивых поступков.

– Все в порядке, – успокоила ее я, когда троица скрылась из виду и Мали рискнула остановиться. – Болтать они могут что угодно, правдой их слова от этого все равно не станут.

Я грустно улыбнулась, а Мали... тактично промолчала, не заставляя меня придумывать для нас обеих другую версию. В конце концов, это ей стоило меня утешать, ведь все осуждение выливалось в мою сторону.

– Они безобидные, – согласилась ведьмочка, отводя взгляд, но я успела заметить, как она поджала губы. – Только лают чересчур громко.

– Не стоит. – Я тронула собеседницу за плечо. – Я не знаю, о чем именно ты подумала, но не стоит. Едва ли в городе нет ни одного мага...

– Есть, конечно, – хмыкнула ведьмочка. – Но магистр Атрейн уже два года как счастливо женат на Альмине. Потому обойдется штрафом.

– Давай лучше сэкономим? – предложила я. – Они и сами себе отомстят, поверь.

По лицу Мали пробежала тень сомнения. Я видела, как борется внутри ее природа, требующая мести и справедливости, и нежелание расставаться с деньгами. Наконец, последнее победило, лишь раз доказав, какую силу имеет презренный металл.

– Идем. – Мали резко отвернулась и, словно от скорости что-то зависело, быстрым шагом направилась вниз по улице. Оставшаяся где-то позади троица не смогла бы за нами угнаться, даже если бы рискнула снять каблуки, что, при их росте, было бы сродни подвигу.

Я усмехнулась и заторопилась за подругой. Сбегая от причин недовольствия, она могла оставить и меня далеко позади, а этот район был мне неизвестен.

Гонка длилась не больше четверти часа, но я порядком утомилась, пытаюсь удержать лицо и не отстать. Вышло не очень: щеки покраснелись, а из косы выбилась пара прядок, так и норовивших попасть в рот.

– Пришли, – выдохнула Мали, сжимая кулачки и медленно, с усилием выдыхая. В отличие от меня, она мало изменилась после

быстрой ходьбы. – Что? - Она покосилась на меня, разглядывающую ее чересчур внимательно.

– Ты сейчас слишком хорошо выглядишь для леди, - усмехнулась я. - Совсем не устала.

– А как должно быть? - прищурившись, быстро уточнила она. Внимательно взглянула на меня, похлопала себя по щекам, заставляя последние покраснеть, запустила пальцы в русую челку, поднимая часть волос вверх, и вздернула подбородок, предлагая оценить результат.

– Еще капельки пота на лбу, и будет идеально, - фыркнула, поражаясь преображению Мали. Та благосклонно кивнула, но, поскольку в поле нашего зрения отсутствовала вода, обошлась без имитации пота.

– В следующий раз учту, - пообещала Мали и постучала в потрепанную временем дверь. Наверное, снимать жилье в данном районе было бы куда выгоднее, чем заселяться на чердак, но лично меня пугали царапины и следы тонкий мелких зубов, которые то тут, то там возникали на старых серых дверях с подтеками ржавчины на железной окантовке.

– Ты здесь раньше была? - спросила, пытаясь успокоиться. Мне было не по себе, но причины не доверять Мали отсутствовали, и я лишь переминалась с ноги на ногу в ожидании.

– Пару раз. – Мали ухватила меня за руку, притягивая к себе, и обняла за талию, кладя подбородок на плечо. – Не переживай, Жан хороший человек, хоть и не умеющий вовремя остановиться.

– И, если бы не это, не прозябал бы в такой глуши, - согласились из-за двери, а в нос ударил запах недорогого, но очень сильного парфюма. Щелкнул замок, скрипнули петли, и на пороге показался невысокий, ниже меня ростом, что было чуть ли преступлением в глазах общества, мужчина. Гладковыбритый, с напмаженными волосами и усами, но даже духам было тяжело скрыть выдыхаемый Жаном алкоголь. Приглядевшись, я также отметила зеленовато-желтый синяк под левым глазом и неправильно сросшийся нос. Впрочем, подобные недуги для представителей его профессии были профессиональными рисками. Особенно, если художник не льстил богатому клиенту.

– С чем на этот раз пожаловала? - Жан подмигнул Мали, но сделал это скорее по привычке, чем из каких-то теплых чувств.

– Не я. - Мали чуть подтолкнула меня в спину. – Нужен ее портрет.

– Красками? - уточнил мужчина.

– Карандашом. - Я покачала головой. - Только чтобы быстрее.

– И тебе карандашом... – недовольно простонал художник, не торопясь пускать нас внутрь. – Вы меня по миру пустите. Время трать, а заработать никто не дает...

– Она скоро замуж выходит, - начала издалека Мали. – А где свадьба, там и...

– ...парадный портрет. - Жан облизнул губы. - А это да, куда дороже...

– Но кому угодно такое дело не доверишь, - продолжила соблазнять ведьмочка. - Нужен человек проверенный, с рекомендациями. Такой, чтобы молодой супруге нравился.

– Я вас понял. - Жан расправил плечи, становясь чуть выше, но все ещё недостаточно для идеала. - Буду рад оказать услугу леди. Пройдете внутрь. Вам обязательно понравится, – заверил меня художник, распахивая дверь во всю ширь.

Внутри, несмотря на запах, было достаточно уютно, но я все равно старалась прикасаться как можно к меньшему количеству вещей, протискиваясь по узкому коридору вслед за хозяином. Сказать, что жилого пространства здесь практически не было, значило бы промолчать. Почти все, что можно было использовать, уже было занято. Потертое кресло с распахнутым настезь чемоданчиком, из которого торчала палитра и обломки кистей. Веревки, натянутые под потолком, из-под которого свисали, порой едва ли не до самого пола, наброски.

Я с удивлением узнала на одном из них госпожу Теравер, нашлась среди незаконченных работ и леди Кло, на холст с которой указала Мали. Сама же девушка больше смотрела на другую работу: портрет мужчины с высокими скулами, правильным носом и тонкими, изогнутыми, словно в насмешке губами. Это впечатление подчеркивали и глаза, лукаво прищуренные, они даже сквозь карандашную зарисовку словно следили за тобой. Особый шарм

незнакомцу придавали длинные волосы, вышедшие из моды несколько десятилетий назад.

«Как у господина Моргана», – пронеслась в моей голове мысль и тут же исчезла.

– Это он? - шепотом спросила я, замороженно глядя на портрет.

– Да, - тихо отозвалась Мали и отступила на шаг, чуть не снеся стоявший рядом мольберт. Грязная кисть мазнула по голубому шелку, но, к счастью, не оставила следа, так давно ей не пользовались.

– Аккуратнее! – раздраженно бросил хозяин дома, нетерпеливо приплясывая в ожидании меня. - Где вы там? Ведьма, опять на своего принца смотришь?

– Ты слишком хорош, – хмыкнула Мали, тем самым гася часть раздражения художника. - Был бы ещё помоложе и без вредных привычек...

– Настоящего творца без вредных привычек не бывает! – Вздернул карандаш Жан.

– Утешай себя этим, – фыркнула ведьмочка и переложила с одного из стульев целую гору каких-то тряпок на пол. - Рин, давай уже. – Махнула мне она, и я с трудом оторвалась от портрета, чтобы пройти в, казалось, единственный свободный кусочек пространства в этом доме, расположившийся ровно под окном в потолке. Вероятно, именно из-за него художник сюда и заселился.

Скрип карандаша не успел мне наскучить, как и спина затечь. А потому, переведя дух и потянувшись, пока Жан с Мали были заняты обсуждением наброска, я окончательно расслабилась и взирала на свою карандашную копию с благодушной, но перерастающей в удивленную, улыбкой.

– Три золотых, если берете так, пять, если оставляете на доработку, - хмыкнул Жан, отойдя в сторону и моя в тазу грязные от грифеля руки.

– Беру, – поспешно выдохнула, пока рисунок не упорхнул из моих рук.

В протянутую мокрую ладонь художника упали четыре монеты. Одна – за скорость и качество.

Усмехнувшись, Жан не постеснялся выставить нас на улицу, едва сделка была завершена. И его совсем не волновал собирающийся над нашими головами дождь.

– Не успеем, - хмыкнула Мали, оценив высоту тучи и ее угрожающую темноту.

Она оказалась права. Даже поймав экипаж, мы успели вымокнуть. К счастью – только мы, пара капель, упавшая на портрет, не в счет: мокрые углы можно было просушить без ущерба для рисунка. Только вот я не рискнула вновь экспериментировать с огнем в комнате, потому пришлось одалживать у госпожи Теравер утюг и разбираться с углями.

Но разве это большая плата за скорый ответ подруге? Я считала, что нет. А потому, несмотря на смешки Мали, охотно осваивала утюг.

ГЛАВА 15. Моя дорогая невеста

Письмо вместе с портретом было отправлено тем же вечером, и я, уставшая после выдавшегося слишком насыщенным дня, заснула, стоило голове коснуться подушки. Мали меня не будила, только предупредила, что может поутру отлучиться к леди Кондиде, проверить, пришел ли ей ответ и подобрать пару платьев на выход, оставляя нынешнее заботам горничных и прачек.

Я завистливо вздохнула, уже представляя, как к уюту добавляется корыто со стиральной доской и дурно пахнущие составы, призванные удалить все загрязнения с ткани, вместе с моей непривычной к подобным вывертам судьбы кожей. Признаться, в свете грядущих бытовых проблем даже замужество стало не так пугать. И, кажется, я получила ответ, почему некоторые девушки из Вальеха грустно вздыхали, глядя на портреты своих будущих мужей, но и не думали убегать от подобных перспектив. Видимо, приписка с состоянием, количеством поместий и слуг, вкупе с экскурсией в трущобы и демонстрацией местного быта, напрочь отбивали охоту сбегать из-под венца.

Я задумчиво покрутила в руках доставленную вместе с букетом гортензий записку, сухо сообщавшую, что господин Клейн просит уделить ему два часа сразу после полудня для «выполнения формальностей». При мысли о том, что можно считать «формальностями» в нашей ситуации, сердце сначала пропустило удар, а после сорвалось на бег, обеспечивая прилив крови к тут же заалевшим щекам.

Мне с трудом удалось не выпустить из рук записку, когда заинтересовавшаяся причинами моего смущения Мали протянула к ней руку. Пришлось грозно на нее посмотреть, но, судя по хохоту подружки, она не впечатлилась.

– На свидание приглашает? - усмехнулась она, падая на кровать и мечтательно прикрывая глаза. – И будете вы гулять по набережной, на зависть старым девам и Локону. А может... – Мали приподнялась на локтях. - Точно! Он же тебе еще кольца нормального не дарил. А леди меня об этом уже спрашивала!

– Ты думаешь... – Я покосилась на записку, написанную столь официально.

– Да, уверена, так оно и есть. Разве что вы так увлечетесь друг другом, что забудете о времени, и прогулка перерастет в нечто большее... – Я отвернулась прежде, чем Мали заметила, насколько меня смутила. – Но не переживай, я пойду за вами, – заверила меня ведьмочка. – Прослежу, чтобы чего не вышло.

И столько намека было в ее словах, что впору было задуматься: она честь мою блюсти собирается, или от темных чар спасти. Почему-то казалось, что верным было первое предположение, хотя полагалось думать о втором.

Платье, которое Мали мне настойчиво рекомендовала надеть, лишь подтвердило мои опасения. От одной мысли о его декольте, мне становилось не по себе, но подруга настаивала. Я же утверждала, что надевать красное платье с глубоким вырезом для дневной прогулки дурной тон, и только диву давалась, откуда Мали его вообще достала. В моем шкафу подобного наряда определенно не водилось.

– Ладно, потом наденешь, – смирилась ведьмочка. – А пока лиловое возьми, раз такая трусиха.

– Ты могла бы его сама надеть, – намекая на оскорбленный невниманием наряд, сказала я, просматривая наряды в шкафу и останавливаясь на лиловом, как и советовали.

– Не могу, – пожаловалась Мали. – Если леди узнает... часом нотаций не отделаюсь. Но ты же не я, тебе леди вычитывать не станет. Ты уже почти замужня...

– А где ты вообще это платье взяла? – избегая темы предстоящего замужества, поинтересовалась я, переводя разговор в иное русло.

– Купила, конечно, – гордо отозвалась Мали. – Двадцать золотых отдала. Ты не подумай, даже если в нем кто-то и умер, то следов не осталось.

Я вздрогнула и, повернувшись к подруге, медленно уточнила:

– А двадцать золотых оно где стоило?

– В уцененных товарах, – призналась ведьмочка. – Я по дороге в Грастин покупала. Кажется, в Мерви, там при страже есть лавка. Все, что больше не требуется для расследований, чистят и туда относят. Так-то подобное стоило бы в разы больше.

– И тебя не пугает, – я замялась, – его происхождение?

– Призраков я не боюсь, - хмыкнула Мали. – А если и встретится какой-то маньяк на улице, клюнувший на платье, то туда ему и дорога. – На пальцах ведьмы вспыхнуло темное пламя. - За самооборону не судят.

– Угу, за нее мстят, - согласилась я. Мали недовольно шмыгнула носом, но промолчала. Платье же было отложено до лучших времен – тех, когда его хозяйка съедет и заберет подозрительный наряд с собой.

– Оно тебе совсем не приглянулось? – поправляя мне воротничок, спросила Мали. Она тоже успела собраться и являла собой образец юной леди, создания воздушного и трепетного, в чьих мыслях и тени давешнего платья быть не должно.

– Оно не для прогулок, - осторожно заметила я и добавила: – И я боюсь надевать чужие наряды, не зная, что случилось с их предыдущим владельцем. Суеверия, но избавиться от них крайне сложно.

Мали тяжело вздохнула, но переубеждать меня не стала. Видимо, вспомнила, что аргумент «ты же ведьма» слабо работает на тех, кто совсем недавно считал себя обычным человеком.

Мы вышли из комнаты одновременно, но Мали предпочла отстать на лестнице. Потому в холл я спустилась в одиночестве, которое, впрочем, не продлилось долго. У подножия лестницы меня уже ждали.

Первым, что бросилось в глаза, был букет. Мужчина за ним просматривался с огромным трудом, и если бы не знакомый голос, я могла бы и вовсе пройти мимо, ведь мне цветы уже доставляли, так зачем снова. Но, видимо, так было нужно, да и мне было очень приятно. Так приятно, что все дурные мысли вылетели из головы, когда нос буквально утонул в нежных лепестках.

– Простите, – вздохнула я, понимая, что веду себя слишком эмоционально. Но что поделать, если раньше у меня не было возможности купаться в чужом внимании и получать столько подарков. В Вальехе цветы было некому дарить: среди девочек в ходу были ленты или брошки, а на каникулах... Я погрустнела, вспомнив о том времени. Вниманием противоположного пола меня не баловали. Последний прием, на который леди Шарлотта меня взяла, – не в счет. Там я сама была не рада быть объектом чьего-то внимания. Но, подозреваю, именно из тех господ леди для меня кого-то и выбрала,

слишком уж их интерес был оценивающим, словно на базаре лошадь выбирали, или собаку на вязку.

От последнего сравнения меня передернуло, но слишком уж оно было похоже на правду, чтоб его игнорировать.

– Вам не понравился букет? – тихо осведомился господин Клейн, аккуратно вынимая из моих пальцев корзинку.

– Он очень красивый. - Я покачала головой, провожая лилии взглядом. - Но нужно отнести их наверх...

– Не волнуйся, дорогая. Я все сделаю. - Госпожа Теравер с готовностью оказалась рядом, заставляя меня лишней раз грустно улыбнуться. Вот она – истинная причина красивого жеста.

– Благодарю. - Я кивнула хозяйке доме и протянула ладонь Мартину, давая возможность продемонстрировать ещё один красивый жест. Он с готовностью подыграл, делая вид, что целует перчатку.

– Могу я пригласить вас на прогулку? - выпрямившись, уточнил мужчина. Он говорил достаточно громко, так, чтобы все желающие могли расслышать. И мне оставалось только благосклонно кивнуть, не просто же так одевалась, прическу делала и даже позволила Мали немного поколдовать над лицом, подчеркивая косметикой сильные стороны. Где она их во мне нашла – оставалось загадкой.

Мы вышли на улицу, где у входа уже ждала открытая коляска. Погода позволяла, и Мартин не стал отказывать себе в возможности лишней раз продемонстрировать нашу «любовь».

– Вы невероятно обворожительны, - заметил жених, помогая мне забраться. И, словно в подтверждение своих слов, не сводил с меня взгляда всю дорогу, пока мы были вынуждены врезаться в ни в чем не повинных насекомых, спешивших по своим делам. Стоит ли говорить, что к концу поездки, мои волосы растрепались. О других неприятных моментах я предпочитала не думать. Впрочем, прокатившаяся по коже волна очищающих чар слегка примирила меня с действительностью, и я благодарно улыбнулась своему спутнику.

– Пытаюсь загладить свою вину, – признался Мартин, беря меня под локоток и подводя к лавке ювелира. Мали оказалась права: господин Клейн решил исправить недочеты в своем плане, раз уж ему на них так явно – а леди Кондида едва ли отличалась тактом – намекали.

Скрипнув рессорами, коляска за нашими спинами уехала, отчего я не удержалась от вздоха облегчения, а Мартин – от снисходительной улыбки, вызванной моей детской радостью.

Звон колокольчика ознаменовал наш приход в лавку ювелира.

– Господин Клейн. - К нам с готовностью бросился пожилой господин с зажатым в глазу увеличительным стеклом. Еще секунду назад он внимательно изучал тонкую вязь золотой цепочки, но, углядев нас на пороге, отложил дела, чтобы поприветствовать клиента. Не обошел своим вниманием мужчину и меня, быстрым взглядом оценив платье, перчатки, шляпку и брошку, что-то в уме подсчитал и расплылся в улыбке. - Леди, рад приветствовать вас в моем скромном заведении. Чем могу быть вам полезен?

Ювелир переводил взгляд с моего спутника на меня, ожидая продолжения, и оно закономерно последовало.

– Господин Филиас, – Мартин полностью завладел вниманием хозяина, - нам нужно выбрать помолочное кольцо для леди и брачные браслеты для нас обоих.

По мере того, как Мартин говорил, лицо ювелира становилось все более радушным, и под конец, мне показалось, что его улыбка стала слишком широкой для обычного человека. Но господин Филиас будто бы не испытывал неудобства.

– Позвольте я покажу вам свои лучшие работы. - Взгляд господина Филиаса метнулся к витринам, а после ко мне, словно бы он пытался понять, во сколько жених оценивает свою невесту и на какие траты я способна его сподвигнуть.

Я хотела было уже отказаться от помощи уважаемого ювелира, но Мартин предупреждающе сжал мой локоть, разворачивая к себе, и, склонившись так близко, что могло показаться, что он целует меня в щеку, предупредил:

– Самое лучшее для моей дорогой невесты. Потом продашь, если не понравится, – хмыкнул он, отстраняясь и заглядывая мне в глаза. – Показывайте все, - бросил господин Клейн замершему в ожидании ювелиру. – Мне ничего не жалко для моей любимой невесты.

«Скорее дорогой», - хотелось поправить мне. Я пару раз взглянула на ценники понравившихся колец и предпочла больше туда не коситься. Во избежание удушья и расстройства желудка. Одно

успокаивало: пока Мартин тратил не наши деньги, я еще могла закрывать глаза на подобное разорение.

Господин же Филиас расцвел. Кивнув выскользнувшей откуда-то сзади помощнице, чтобы закрыла лавку, ювелир с величайшей охотой демонстрировал все, что имел, извлекая все новые и новые драгоценности – из витрины, со стеллажей, из принесенной шкатулки – тут уже мне захотелось прикрыть глаза от блеска камней. А господину Филиасу все казалось мало: стоило взгляду Мартина или моему нечаянному вниманию тронуть хоть что-то, как ювелир бросался туда. Его голова моталась, как у болванчика, когда он слышал любое из утверждений Мартина.

И... я была не удивлена, когда мы ушли из лавки не только с кольцом, носить которое под перчатками было просто невозможно, и двумя парными браслетами, но и с тремя ожерельями, одно из которых определенно подошло бы к давешнему красному платью. Румянец хлынул на щеки непроизвольно, опаляя жаром и заставляя отвести взгляд прежде, чем спутник заметит.

Увы, в наблюдательности господину Клейну было не отказать, но, к моему счастью, такта ему также доставало. Лишь когда мы поймали закрытый экипаж и скрылись от посторонних взглядов, он вздернул одну бровь предлагая объясниться:

– Что вас смутило, леди Рин? – поинтересовался он и освободил меня от своего пристального внимания, переведя его на выданную ювелиром опись.

– Все в порядке, – поспешно отозвалась я.

– Мне не следует настаивать. – Мартин понятиливо кивнул, но, помедлив, добавил: – И все же, леди Рин, я хотел бы больше откровенности с вашей стороны. Мы теперь не чужие люди, и я должен знать, что заставляет щеки моей любимой невесты краснеть.

– Зачем? – неосмотрительно выпалила я, прикусила язык, но было уже поздно.

Господин Клейн отложил бумаги, смерил меня лукавым – хотя в полумраке экипажа мне могло показаться – взглядом и подался вперед, сцапав – иначе и сказать нельзя – мою не скрытую перчаткой ладонь.

– Дабы суметь оградить свою леди от искушения или, – он коснулся губами кончиков моих пальцев, отчего у меня дыхание

перехватило, - позволить поддаться ему, провести по всем известным мне дорожкам наслаждения.

Его голос завораживал. Мягкий, вкрадчивый. Он отзывался во мне неведомым прежде томлением. Дыхание сбилось. Мое, или его – я не успела понять. Чужая близость, уверенность его действий завораживала, заставляла забыть обо всем, что твердили в пансионе, обо всем, что было непозволительно для леди... Да и то, что я – леди, вылетело из головы, стоило губам Мартина коснуться моих.

Сначала мягко, осторожно, словно проверял границы дозволенного, но, не встретив ни малейшего сопротивления, он изменился. Каким-то краем сознания я поняла, что его пальцы зарываются в мои волосы, разрушая прическу, и я не смогу избежать пересудов, стоит кому-то заметить, в каком беспорядке теперь пребывают волосы... но в следующий миг мне стало не до мнения общества. Мне вообще стало не до чего, кроме настойчивых губ, ласкающих мою кожу.

И платье, прекрасное утром, сейчас оно так раздражало ставшую слишком чувствительной кожу. Тело требовало освобождения, продолжения, выгибалось навстречу неведомым прежде ласкам...

– Приехали, господин, - смущенный донельзя, хриплый голос кучера вырвал меня из сладкого дурмана. Недовольный стон вторил словам слуги.

– Еще один круг, - приказал господин Клейн, отстраняясь от меня и занимая место напротив. Его дыхание было сбито, а в тоне, каким он обращался к кучеру, сквозило разочарование. – Вам нужно привести себя в порядок, - заметил мой – кем мне теперь следовало его называть? - спутник. – Если мы выйдем в люди сейчас, свадьбу придется играть на месте. - Я не видела, но готова была поспорить, что он довольно улыбается. А я...

Огонь вспыхнул сам, отзываясь на мое близкое к истерике состояние. Говорили же наставницы, что любопытство до добра не доведет, говорили, но плохо мы их слушали!

– Позвольте я помогу? – Мартин осторожно пересел ближе. Я вздрогнула, когда его пальцы задели мою шею, собирая выбившиеся пряди. Мне нужна была его помощь, сама я не сумела бы справиться с прической, но то, как быстро он устранял беспорядок, с какой сноровкой переплетал пряди, говорило о многом.

– Приношу вам свои, - он усмехнулся, - неискренние извинения.

– Вам даже не стыдно? - Моим нынешним голосом можно было читать эпитафии.

– Отчего мне должно быть стыдно? - Он тронул меня за плечо, заставляя повернуться к себе, взял за подбородок, не давая отвести взгляд, и заметил: – То, что произошло, является обычным проявлением человеческих чувств. Моих к вам и ваших ко мне. Было бы странно продолжать лишь держаться за руки, когда весь город знает, как я теряю от вас голову, моя дорогая невеста.

– Есть приличия...

– Верно, они существуют. Но разве вы думали о них, когда я... – Краска залила мое лицо, стоило вспомнить, что он заставлял меня чувствовать. – ...отдавал должное вашей соблазнительной юной красоте.

– Вы...

– Ваш жених, и в скором времени – муж, - закончил за меня Мартин.

– Ненастоящий, - напомнила я шепотом. На большее моих сил просто не хватило. Произошедшее слишком сильно выбило из колеи, и единственное, о чем я сейчас мечтала, – оказаться на чердаке, в полном одиночестве, и вдоволь поплакать, прежде чем решать, как мне следует поступать дальше. Слишком сильно меня задела собственная реакция и... почти полное спокойствие со стороны «жениха». Словно для него случившееся в порядке вещей!

– Но кто кроме нас с вами об этом знает? – шепнул мне на ушко Мартин, застегивая верхние пуговички на платье. - Эльтран будет молчать, а больше и некому раскрыть нашу с вами маленькую тайну, леди Рин.

– Я хочу домой, – попросила тихо, отворачиваясь и отстраняясь, насколько это было возможно в условиях тесноты экипажа.

– Посмотрите на меня.

Господин Клейн вернулся на свое место, верно понимая, что, пока он сидит рядом, я не решусь взглянуть на него. Даже так, понимая, что он напротив, мне потребовалось собрать все свои силы, чтобы поднять на него глаза.

«Только бы не расплакаться», - билась мысль в моей голове. И если раньше я чувствовала странное томлением, сейчас все внутри

сжималось от жалости к самой себе, противного осознания собственной неопытности и глупости, которой так легко воспользоваться.

– Леди Рин? – позвал Мартин, пытаясь выиграть в битве за мое внимание у охватившей меня паники. С каждой проведенной наедине с ним минутой, мне все больше хотелось бежать. И... огонь откликнулся на мою невысказанную просьбу.

Почувствовав запах паленой кожи, кучер остановился, где был, а я выскочила из кареты, радуясь, что мы остановились где-то, где не было людей, и бросилась бежать. Не задумываясь, что в карете остались перчатки и шляпка, что, пока мы ездил, на небе собралась огромная туча, и что я совсем не знаю этого места.

– Рин? Вернитесь!.. - Голос господина Клейна все отдалялся, пока наконец вовсе не исчез. И лишь тогда я смогла остановиться и выдохнуть.

ГЛАВА 16. Откровения

Разыгравшаяся гроза избавила меня от необходимости объясняться с прохожими. Только Мали, нашедшая меня спустя четверть часа, могла понять, что случилось что-то неправильное. Она успела заметить, как я нервно тереблю манжеты, стоя на небольшом мостике через Вельну, но не задала ни одного вопроса, протягивая руку и помогая забраться внутрь привезшего ее экипажа.

Мы ехали молча. Капли дождя барабанили по крыше кареты, разбавляя царящую внутри тишину. Не нарушили мы ее и когда выходили, недовольный вскрик – не в счет. Тут бы никто не удержался, наступив прямо в лужу и едва не оставив там туфлю.

Мне показалось, что кто-то меня окликнул, когда мы с Мали торопливо пересекали холл, чтобы подняться по лестнице. Но ведьмочка не дала мне оглянуться, обняла за плечи и без промедления увела наверх. И только в комнате, заперев дверь и подперев ее стулом, тихо сказала:

– Прости. – Я растерянно на нее посмотрела, но Мали на этом не остановилась: – Я не думала, что что-то случится. Мне пришел вестник, и я отвлеклась... Не думала, что он станет тебя обижать, после того, что вы устроили в ювелирном.

– Мы устроили что? - не поняла я. Мали печально улыбнулась.

– О том, сколько господин Клейн потратил, уже ходят легенды. Не знаю, сколько в них правды, но господин Филиас ходит довольный, будто все его конкуренты вмиг обанкротились, а ему выдали королевскую лицензию, и Локон кусает губы и думает, как они могли упустить такого щедрого жениха. – От последнего утверждения мне стало противно, и Мали, почувствовав, что ее слова меня расстраивают, сменила тему: – Но щедрость не главное. Она и показная бывает! – заявила ведьмочка, даже не понимая, насколько была права в своем утверждении. - Если он тебя обидел, я обещаю, мы ему отомстим. - И столько злого предвкушения было в ее голосе, что господину Клейну было впору не о своем проекте думать, а о собственном выживании.

Я грустно улыбнулась.

– Не надо, – тихо попросила. - Просто, я была не готова. К такому.

– К чему? - Мали с готовностью отвлеклась, прикинув к моим холодным мокрым пальцам. Поморщилась, поняв, что что-то упустила, и предложила: – Давай ты сначала примешь ванну? Госпожа Теравер не откажет. Там такой дождь... – Ведьмочка бросила быстрый взгляд в окно, где разыгравшаяся стихия напрочь отрезала замерших у окон зрителей от неудачливых прохожих. Вода лилась таким бурным потоком, что впору было заподозрить чей-то умысел, но, увы для магов, в Грастине подобные проливные дожди были в порядке вещей.

Я не стала отказываться. Во-первых, действительно продрогла. Во-вторых, мне нужно было время, чтобы все спокойно обдумать. Непроизвольно коснулась губ. Услужливая, когда это совсем не нужно, память подсказала, что нам с ними довелось испытать, и краска вновь брызнула на щеки. Вместе с ней вернулось и сожаление.

– Идем, – позвала Мали, помогая мне подняться. - Воду сами нагреем. Справишься?

Я кивнула. И грея воду, удерживая пламя прямо внутри водной стихии, чувствовала, как мне становится легче, как отпускает стыд, как внутри появляется уверенность. Жаль, что длилось это лишь до того момента, как я не отпустила огонь. Без него на меня снова накатило сожаление.

Мали с тревогой следила за изменениями на моем лице, но оставаться и смущать меня своим присутствием не стала. Мне не требовалась помощница, а у нее, верно, и свои дела имелись, кроме как нянчиться с одной непутевой недоведьмой.

– Я буду у нас в комнате, – предупредила ведьмочка, останавливаясь в дверях. - Если что-то потребуется... – Она сняла с руки плетенный браслет с подвеской. - Сожми ее, и я пойму, что тебе нужна моя помощь.

– Спасибо, – искренне поблагодарила я, аккуратно укладывая украшение, хотя правильнее было сказать – артефакт, на стоявший рядом с небольшой чугунной ванной столик, где уже имелась парочка зелий: для мытья волос, их ускоренного роста, удаления нежелательных и просто мыльная вода.

Мали кивнула и ушла, а я, закрыв за ней дверь за защелку, с удовольствием сбросила с себя мокрое платье и полезла в ванну. Вздрогнула от показавшейся мне обжигающей воды, но, переборов себя, опустила в нее.

Прикрыла глаза от удовольствия и, забывшись, попыталась выпрямиться. Увы, ванна даже для меня была мелковатой: плавать в ней смог бы разве что ребенок. «Но зато она есть», - подумала я, окончательно согревшись.

Так, в тишине, нарушаемой лишь плеском воды, вдыхая расслабляющие и успокаивающие ароматы зелий, я вновь возвращалась к событиям сегодняшнего дня. Отворачивалась, морщилась, поджимала губы, но кто бы мог увидеть мой мимический концерт.

Вдохнув поглубже, я ушла под воду, смачивая волосы и пытаюсь избавиться от жалости к самой себе. Не время. Вместо страданий стоило разобраться в себе. Так было правильнее, полезнее и вселяло надежду, что в будущем удастся избежать неприятных ситуаций. Ведь поцелуй мне понравился – этого нельзя было отрицать. Не перед самой собой.

Я вынырнула, чувствуя, как горят щеки. Стащила с подставки полотенце и протерла глаза. Открыла их, вдохнула полной грудью и выдала тихо:

– Ничего страшного не произошло. Все пары целуются. Особенно женатые пары. А мы почти женаты, - сообщила я самой себе, но не слишком уверенно. На последней фразе голос и вовсе дрогнул. И мне пришлось сжать кулачки, чтоб не дать странной дрожи внутри выйти на поверхность. Зажмурилась и... выдохнула с облегчением, вспомнив подписанный брачный контракт. Никакого супружеского долга без моего согласия. Вспомнила, и даже от сердца отлегло.

Правда, появилась другая мысль. Такая противная, отозвавшейся злостью и даже болью во мне. Слишком уж она пересекалась с тем, что мне довелось почувствовать, вспомнив, с какой сноровкой Мартин помогал мне привести себя в порядок. В его действиях чувствовался опыт – и это обстоятельство, пусть и полезное для меня лично, по моему здравому размышлению, вызывало ни с чем не сравнимое негодование. Словно своим опытом он меня предавал.

«У него ведь наверняка есть с кем целоваться, – думалось мне. - И, если мы не будем этого делать вместе, он найдет ту, что будет согласна».

Меня передернуло от одного только представления подобного. Я ведь уже успела привыкнуть к мысли, что мы с ним сочетаемся

браком. Пусть и вынуждено, пусть и ради выгоды, но... браком. А это значило, что как мужчина господин Клейн должен был быть только моим, а я – его. Кровь вновь прилила к щекам, но я не обратила на это никакого внимания, занятая своими размышлениями.

В себе я была уверена: устоять перед искушением подарить поцелуй кому-то другому я смогу. Но сможет ли господин Клейн? Наставницы, шептавшиеся порой, были твердо уверены, что ждать от мужчин верности не приходилось. И, глядя на самих наставниц, я даже отчасти понимала их несчастных супругов, но тогда речь не шла обо мне. А теперь я сама стояла на распутье: впереди меня ждал муж, брачный контракт с которым сильно ограничивал его права на супругу, то есть меня, а потому не следовало исключать и измен. И даже если между нами ничего не произойдет, испугавшись перспективы сгореть заживо, мой муж ко мне больше не полезет с поцелуями, в мою девичью честь никто просто не поверит. Не с таким красивым мужем.

Недовольно ударила по воде, с удивлением отмечая, что она начала остывать, а я и не заметила. Хмыкнула, и призвала пламя вновь. В конце концов, сквозь водную рябь оно было таким красивым. Считанные секунды понадобились, чтобы довести воду до приемлемой температуры, а потому пришлось отпустить прекрасное зрелище и вернуться к вопросам менее привлекательным.

Итак, я, будущий муж, брачный контракт, его возможная измена, уже сейчас заставлявшая меня кипеть от раздражения, и наше незавидное супружество. Я прищурилась, несогласная с перспективами. В Вальехе меня хвалили, пусть и не так, как Ларин, но без признания своих талантов я не оставалась, и пусть присутствие господина Клейна заставляло меня глупеть, сейчас то его рядом не было. Следовательно, нужно просто сосредоточиться на проблеме и рассуждать логически.

Отказаться от свадьбы невозможно, значит и изменить кандидатуру супруга. Соответственно, исходить нужно из того, что я и господин Клейн оказываемся женаты. Что я теряю в любом случае? Девичью честь в глазах общества. Что я приобретаю? Мужа, – не удержалась и хихикнула, – статус замужней дамы, больше возможностей, защиту от тетушки. А чего я хочу избежать? ИЗМЕНЫ.

Именно так, большими буквами, это проклятое слово само собой встало перед глазами, заставляя сжать кулаки и с трудом удержать рвущееся вместе с недовольством пламя. Глубоко вдохнула, успокаиваясь. Не следовало поддаваться на собственные провокации. Продолжаем решаем задачку.

Как избежать того, что я даже упоминать не хочу? Ответ выходил простым, но в то же время сложным. Супружеский долг. Верно, именно в нем крылся ответ на все мои вопросы. Именно с ним, исполненным до свадьбы, связывали грехопадение девушки и всячески ее оберегали. Но это до свадьбы.

В голове что-то щелкнуло. После свадьбы супружеский долг становился обоюдным правом. Разумеется, если иное не значилось в брачном договоре. А значит, если жена желает... Казалось, краска никогда не покинет моих щек... Итак, если жена желает, то отказать ей муж не сможет.

Я прищурилась, понимая, что опыт супруга может стать и для меня весьма полезным. Должен же хоть кто-то из нас знать, что стоит делать на супружеском ложе. Не одними же поцелуями этот долг отдается. Впрочем, поцелуи тоже были весьма хороши...

Неловкий смешок сорвался с губ, а после, когда я убедилась, что никто не слышит, их вырвалась целая процессия. Громкая, звонкая и заполонившая все. Только спустя пару минут, отсмеявшись, я немного пришла в себя и... успокоилась. Теперь, когда опыт будущего супруга тоже, можно сказать, принадлежал мне, оставалось лишь правильно его использовать, раз уж другого пути нет.

Потому встрепенувшейся от моего появления на пороге комнаты Мали было сходу заявлено:

– Нужны романы. И чем больше – тем лучше.

– Зачем? - Ведьмочка посмотрела на меня с подозрением. Впрочем, еще бы ей спокойно на меня смотреть. Кажется, в пылу разыгравшейся решительности я даже волосы до конца не думыла, а пены от зелья на поверхности плавало...

– Чтобы никакая кокетка не могла соблазнить *моего мужа!* – заявила я, проводя ладонью по волосам. Все было чисто. Только мокро.

– То есть все хорошо? - осторожно уточнила Мали, поднимаясь со стула.

– Нет, - уверенно заявила я и пояснила: – У нас мало времени. А мне нужно узнать как можно больше о супружеских долгах и способах их покрытия.

Мали подавилась. Хихикнула было, но перехватив мой серьезный, выжидающий взгляд, сглотнула и кивнула, напустив на себя маску торжественной чопорности.

– Окажу любую посильную помощь, - заверила меня ведьмочка. Впрочем, ее сил надолго не хватило, и, откинувшись на стул, она захохотала. И настолько это было заразительно, что скоро рыдала от смеха уже я.

– А из-за чего ты была сама не своя? - спустя четверть часа, когда мы, обессиленные, лежали на полу, чтобы я не замочила матрас мокрыми волосами, спросила Мали.

– Из-за поцелуя, - неохотно призналась я. Кажется, Мали вновь не приснула только от того, что сил смеяться уже не осталось. - Точнее, из-за того, что он слишком в этом хорош. И потом, когда помогал привести в порядок прическу, тоже был... слишком хорош.

– И это все будет твоим, - хмыкнула, раз уж смеяться не получалось, Мали, сжимая мою ладонь, а после спросила дрогнувшим голосом: – А целоваться приятно?

– С ним? Очень, - призналась я и отвернулась, чтобы собеседница не заметила моих покрасневших щек. Все же при Мали я старалась вести себя увереннее, чем то было на самом деле.

– Вот как, - проговорила девушка и выдала, поднимаясь и нависая надо мной: – Значит он тебе точно нравится! – И чуть виновато добавила: – А то мне иногда казалось, что ты замуж идешь только потому, что ведьмы настояли и у тебя неприятности дома.

– Оно... было так вначале, - тихо призналась я, повернувшись и перехватив взгляд подруги. – Но потом... он мне понравился. И, – я замялась, – от одной мысли, что кто-то другой будет с ним целоваться, у меня внутри все закипает. Не знаю почему, но... оно так.

– Ревнуешь, - со знанием дела, вероятнее всего напускным, заверила меня Мали и уточнила: – А это было до подписания вашего контракта или после? - Я побледнела, не находя приемлемого ответа, не испортившего бы наше с господином Клейном представление. – Не переживай ты так, – ведьмочка тронула меня за плечо, – эта тайна умрет вместе со мной. Старшим не обо всем нужно знать. Порой они

слишком навязчивы в своем стремлении устроить наше будущее себе на пользу.

– Ты его читала? - тихо спросила я. Господин Морган обещал, что никто из ведьм не сможет открыть папку, но вдруг Мали из-за того, что темная, смогла это сделать?

– Нет. - Мали резко качнула головой. – Только заголовок видела, когда ты его здесь читала. И, должна сказать, что полностью тебя поддерживаю. Лучше самой составить такой контракт, чем полагаться на чужую помощь.

– Спасибо, - проговорила я неуверенно и не выдержала: – Мали, я должна тебе кое в чем признаться, – начала я, с тоской глядя в посерьезневшие глаза подруги. – И я пойму, если больше ты не захочешь мне помогать.

Сказала, и поток слов, каждый раз подступавший к горлу, когда я улыбалась, не смея разорвать паутину лжи, в которой погрязла, хлынул наружу.

Мали слушала молча, терпеливо, давая мне выговориться, поделиться всем, что мучило меня последние дни. А когда я закончила, просто села рядом и обняла. И хоть я рассказала не обо всем – только о тетушке, настоящей Ларин и моей приезде в Грастин, мне стало удивительно легко.

– Ты хранишь мою тайну, а я сохраню твою, - пообещала она.

Я нашла в себе силы только кивнуть. Слова, ещё минуту лившиеся из меня бурной рекой, кончились, словно иссякли. Но я была счастлива: того, чего я так боялась, не произошло. Не хлопнула дверь, навсегда лишая меня общества обманутой в лучших чувствах Мали, не вспыхнул в глазах подруги огонь обиды и возмездия, она не стала меня обвинять или упрекать, хотя имела на то полное право. А потому, несмотря на все произошедшее днем, я могла заявить со всей ответственностью: этот день был хорошим.

ГЛАВА 17. Извинения

Утро выдалось неожиданно холодным. Стоило распахнуть окно, как на чердак проник пронизывающий ветер. Взметнулись занавески, укрывая меня с головой. Сквозь сон недовольно что-то пробормотала Мали, переворачиваясь на другой бок и укутываясь по сильнее. А я предприняла ещё одну попытку совладать со стихией. На этот раз удачную.

Сдула челку со лба, вывернулась из занавески и улыбнулась. Нет, меня по-прежнему не отпускало ощущение западни, куда я сама себя загнала, но, глядя на спящую Мали, я радовалась, понимая, что начала из нее выбираться. Теперь, когда наши с ней отношения не были завязаны на ложь, я чувствовала себя свободнее.

Увы, вместе с воспоминаниями о вечере в памяти всплыли и события минувшего дня. Представление у ювелира и его продолжение уже в экипаже. С трудом уняв внутреннюю дрожь и не желая мешать Мали спать, я переделалась в простое серое платье и спустилась на этаж ниже. Остальные жители дома то ли решили поспать, то ли просто отложили водные процедуры, но умывалась я в одиночестве. Холодная вода не смыла краски смущения, охватившей мои щеки, но дала иной повод для толкования ее происхождения.

Я тяжело вздохнула и посмотрела на саму себя в старое зеркало. Улыбнулась, отмечая, что уголки губ не слишком охотно поддаются, и отвернулась, больше не пытаюсь изображать того, чего не чувствовала. Мысли о неминуемой встрече с господином Клейном, необходимости смотреть ему в глаза, делая вид, что ничего не случилось...

Как бы я ни старалась убедить себя, что ничего чрезвычайного не случилось, но стоило вспомнить вкус его губ, то волнительное предвкушение, что охватывало меня в ответ на его ласки... Пришлось прикусить губу, чтобы вернуть себе здравость мышления. Увы, какие бы доводы я себе ни приводила, мысли металась от томительного предвкушения до банальнейшей паники. Неизвестность страшила, и то, в чем я себя вчера убедила, сегодня уже не казалось таким простым исходом.

В задумчивости я поднялась наверх и, заправив кровать, улеглась поверх одеяла, разглядывая появившуюся под потолком паутину. Ее стоило убрать, но я отчего-то медлила, чувствуя некоторое сродство с несчастным пауком, чей прежний привычный дом разрушили, заставляя строить новый в непонятных, ежедневно меняющихся условиях.

– Я не буду тебя трогать, если не станешь мне докучать, - тихо пообещала старому-новому жильцу, отворачиваясь к стене. Но сон не шел, сколько бы ни отзывалось в ушах тихое сопение Мали. Я не знала, во сколько она легла: сон сморил меня раньше, чем ведьмочка разобрала кровать, и теперь я не хотела ее будить.

Спустя четверть часа бесплодных попыток задремать, я смирилась с неизбежным и спустилась на первый этаж, намереваясь позавтракать. Ничего сверх меры: за небольшую доплату для жильцов имелся травяной отвар или компот с россыпью доставленных из булочной кондитерских изделий. Можно было перекусить чем-то и более весомым, но тогда и цена будет выше.

Выбрав для себя булочку с корицей и налив полную чашку отвара, я положила пару монет на столик служанки, приглядывавшей за трапезничающими, и села в углу. Зал пустовал, но стоило мне первый раз куснуть булочку, как на соседний стул опустилась знакомая фигура поверенного.

Господин Морган вежливо кивнул и, жестом подозвав служанку, приказал сервировать ему полный завтрак. Блеснувшая серебряная монета добавила привлекательности его заказу, и девушка умчалась на кухню, освобождая нас от своего присутствия и внимания.

– Мой друг приносит вам свои извинения, – спокойно начал блондин, пытаясь поймать мой взгляд, но я упрямо косилась в противоположную от него сторону.

– Я их принимаю, – помедлив, завершила я.

– Так легко? - Удивление, сквозившее в голосе собеседника, было столь ощутимым, что я не удержалась: повернулась к нему, желая проверить, и споткнулась взглядом о его вздернутые брови и недоверчивую улыбку.

– А что прикажете делать? Кричать на весь зал, привлекая к себе лишнее внимание?

– Это было бы ожидаемо, - хмыкнул господин Морган. - Значит, мне не стоило устранять иных желающих набить брюхо перед полным испытаний днем. Пожалуй, следует это даже записать: будущая госпожа Клейн отличается нравов спокойным и рассудительным. Определенно, Мартину незаслуженно с вами повезло.

– Так уж и повезло? – я не смогла удержаться от вопроса, но юрист и не думал меня за это наказывать или осуждать. Напротив, весь его вид показывал, что он рассчитывает на долгую, обстоятельную, ничего не значащую болтовню. Зачем? Пока мне этого было не понять.

– А вы сомневаетесь? – Мужчина фыркнул, не сводя с меня лукавого,искушающего взгляда. – Вы не запустили в меня вазой, - он кивнул в сторону оной, украшавшей стол и служившей местом обитания трех куцых цветочков, - не оглушили криками, не наградили живописными отметинами на лице и даже не разрыдались, пытаюсь вселить ужас и сострадание к вашей трагедии.

– Но ведь никто не умер, - хмыкнула я, оценив перечень ожидаемых неприятностей и чувствуя острое искушение все же продемонстрировать что-нибудь из озвученного. - Потому говорить о трагедии было бы неуместно, разве что о драме, но я никогда не была в ней хороша. Недостаток практики, - честно призналась.

– Где бы еще найти таких... с недостатком практики, - усмехнулся Эльтран, задумчиво глядя куда-то поверх меня. Повисло неловкое молчание, но было быстро отброшено собеседником, стоило ему заметить, что моя рука тянется к отложенной булочке. - Приятного аппетита, моя дорогая.

– И вам, - отозвалась я, но больше к булочке не тянулась. Под испытующим взглядом блондина кусок в горло не лез. – Вы хотели о чем-то еще поговорить?

– Немного позже, - признался собеседник. – После того, как вы поедите. Сытой леди гораздо сложнее отказать несчастному просителю.

– Еда делает нас добрее? - предположила я, но мое хрупкое понимание мира было разбито в дребезги прагматичностью собеседника.

– Неповоротливее на поворотах, – снисходительно пояснил поверенный. - Бегать в платье – и так тяжелое испытание, а после еды, когда завтрак так и норовит показать себя окружающим...

– Избавьте меня от подробностей, – оборвала его я, быстро сообразив, к чему клонит блондин. После его слов есть расхотелось вовсе. - Какую дурную весть вы принесли, что ожидаете моего побега?

– Вероятно ту, что я просил предупредить вас о своем желании присоединиться и загладить свою вину, - вмешался в наш разговор господин Клейн. Я обернулась на голос и утонула взглядом в роскошном, не иначе, букете из белых и нежно-розовых розочек, в обрамлении зеленых листьев. - Я не должен был идти на поводу у своих чувств.

Я смутилась. Самым предательским образом. Кровь прилила к щекам, выдавая мои чувства, и пришлось торопливо отворачиваться, чтобы это не было так очевидно. Увы, судя по снисходительному хмыканью со стороны господина Моргана, мой маневр был лишним.

– Ничего не говорите, – избавил меня от необходимости теряться, подбирая слова, господин Клейн, за что был удостоен благодарного взгляда. Возможно, происходи наша встреча без свидетелей, я бы рискнула что-то ему сказать, но под заинтересованным взглядом блондина, словно бы усевшегося в первом ряду партера, я чувствовала себя вдвойне неуютно.

– Эльтран, ты здесь лишний, – обошелся без намеков Мартин, занимая единственный свободный стул и размышляя, куда пристроить букет. Здешняя ваза была для него маловата.

– А мне казалось – наоборот, - хмыкнул блондин, но, перехватив взгляд друга, усмехнулся и, продемонстрировав пустые ладони, поднялся с места. - Заплатишь за мой завтрак, – бросил он Мартину напоследок и вышел, продефилировав мимо нас по ту сторону окна.

– Я могу рассчитывать на ваше снисхождение? – заглядывая мне в глаза, напряженно спросил господин Клейн.

Я поморщилась. Часть меня ликовала и требовала устроить несостоявшееся представление, заставляя собеседника осознать... А что, собственно, осознать? То, что поторопился? Или то, что неприятен мне, как мужчина? Я ведь не знала, о чем Мартин думал и к каким выводам пришел. Мы друг для друга были закрытыми книгами, поставленными рядом и вынужденными имитировать серию. А потому, другая моя часть, настаивала на разговоре. Честном и откровенном, который был бы в состоянии прояснить возникшее между нами... пусть будет недопонимание.

– Если позволите говорить откровенно, - тихо сказала я.

– Я весь во внимании. - Мартин даже подался вперед. Теперь, когда место блондина пустовало, ничто не мешало мужчине пристроить туда букет.

– И вы не должны смеяться. Знайте, что одна ваша улыбка, и я...

– Я приложу все усилия, - серьезно пообещал мне собеседник, мрачней.

– Я много думала о том, что вчера случилось. О вашем поступке и о своей реакции. - Губы пересохла от охватившего меня волнения, я замолчала, подбирая слова, но Мартин не перебивал, ожидая. - Меня испугала ваша... поспешность. И то, – я отвела взгляд, – как привычно для вас это было. Я понимаю, что вы в силу возраста и положения не испытывали недостатка внимания от дам, но для меня все это внове и...

– ... пугает? – предположил собеседник, ненавязчиво беря меня за руку. Только почувствовав его тепло, я поняла, какими холодными стали мои пальцы.

– Не знаю, - честно призналась. Интригует? Подзуживает любопытство? Заставляет сердце биться быстрее, порой срываясь на бег? Я не знала, как сказать об этом, да и стоило ли. Открывать душу всегда тяжело, а когда доверие к собеседнику только начинает зарождаться... Я отвернулась, уходя из-под власти внимательного, словно все понимающего взгляда.

– Я обещаю, что буду внимателен к вашим чувствам. Не стану торопиться и... – договорить Мартину было не суждено. Мали, проснувшись в пустой комнате, торопливо спускалась по лестнице, кого-то ища взглядом. Впрочем, стоило ей заметить нас, девушка прищурилась и целеустремленно направилась в нашу сторону.

– Господин Клейн? - Голосом Мали можно было заморозить Вельну и в самый жаркий день года.

– Леди Астельгейт. - Мартин поднялся еще до того, как Мали добралась до нашего стола, вежливо кивнул девушке и выразительно взглянул на ее руки. Ведьмочка поморщилась и руки для поцелуя не подала, буравя мужчину холодным, полным исследовательского интереса, взглядом из тех, о которых говорят «снял мерку для гроба». Но делец оказался не робкого десятка: господин Клейн только

усмехнулся такому яркому проявлению негодования со стороны девушки.

– Решила присоединиться за завтраком к своей *подруге*. – Последнее слово Мали выделила особенно, быстрым взглядом оценила занятые стулья, букету и вовсе досталось такое пристальное внимание, что я уже начала было волноваться, когда девушка молча подняла его и принялась.

– Что-то не так? – совершенно спокойно уточнил Мартин, не делая попыток сесть, пока Мали продолжала стоять.

– Нет, - спокойно, но не без разочарования в голосе отозвалась ведьмочка и приказала появившейся, наконец, из кухни служанке, груженной большим, уставленным тарелками, подносом: – Будьте добры, отнесите букет в нашу комнату.

– А господин?.. – Служанка растерялась, не зная, кому теперь следовало отдавать еду и, что волновало ее больше, кто теперь заплатит за завтрак.

– Это для меня, - успокоил ее Мартин, заслужив от девушки яркую, благодарную улыбку, вызвавшую во мне объяснимое, но не желаемое быть признанным негодование.

– Цветы, - напомнила Мали, растерявшейся девушке. Ее взгляд так и соскальзывал в сторону стоявшего Мартина, хотя той следовало уже закончить с сервировкой стола и удалиться.

– Да, конечно. - Девушка с неохотой забрала букет и медленно, словно ожидала, что ее окликнут, ушла.

– Не следовало ее отсылать, если вы планировали позавтракать, - осторожно заметил господин Клейн, присаживаясь следом за Мали. Ведьмочка неопределенно пожалала плечами, зевнула, прикрывав рот ладошкой, и вперила в Мартина тяжелый взгляд.

– Он уже извинился, - тихо сказала я, переводя внимание подруги на себя.

– И ты приняла его извинения? - осведомилась Мали.

– Да, - призналась.

– Жаль, - совершенно искренне расстроилась ведьмочка. – Значит, месть откладывается?

– Откладывается, – подтвердила я, смущенно. Раньше мне не доводилось говорить о ком-то такие вещи, но господин Клейн оказался на удивление безразличен к известию, что его спокойная жизнь могла в

одновременно рухнуть. Или привык иметь дело с ведьмами и знал об их мстительности?

– Тогда я не буду уничтожать составленный план, – заверила меня Мали и, если бы я не знала, что прошлым вечером мы не составляли талмуд с одноименным названием «Мечь», ни за что бы не поверила, что речь о воздухе.

– Я учту, – заверил нас господин Клейн, улыбаясь лукавой, снисходительной улыбкой человека, прекрасно осознающего, что его пытаются обмануть, но готового подыграть наивным созданиям. Тем не менее, про еду он, кажется, забыл, вертя в руках столовый нож и не притрагиваясь к вилке. – Моя дорогая невеста, – он отложил приборы и перевел взгляд исключительно на меня, – позвольте пригласить вас на прогулку. – Заметив, как дернулась, подаваясь вперед Мали, Мартин добавил: – Нам следует определиться с домом до свадьбы. Если я приведу молодую жену в гостиничный номер, едва ли не найдется тех, кто меня осудит. Леди Астельгейт, буду благодарен, если вы составите нам компанию, – полностью нейтрализовал недовольство Мали мужчина. – Как и госпожа Теравер. Аделаида обещала присоединиться к нам через полчаса, потому я все же возьму на себя смелость и рекомендую вам, леди Астельгейт, позавтракать. Разумеется, если вы решите к нам присоединиться.

Мали нехорошо прищурилась, но кивнула, давая понять, что от ее общества господину Клейну, как бы ни хотелось, но не суждено избавиться. Она лично сходила на кухню и вернулась оттуда с двумя тарелками. Омлет и салат – большего ей и не требовалось.

ГЛАВА 18. О жилье, супружеских долгах и способах их покрытия

К появлению госпожи Теравер мы с Мали успели не только поесть, но и переодеться. И, шурша пышной юбкой, я не могла избавиться от ощущения, что в мире происходит явная несправедливость. Почему нам, девушкам, чтобы не ударить в грязь лицом и сохранить видимость приличий, приходится менять наряд по несколько раз на дню, а нашим спутникам достаточно добавить шляпу, чтобы никто не усомнился, что он собрался выходить в свет.

Одно утешало: в силу возраста нам с Мали еще не приходилось носить тяжелые, статусные украшения, любое поспешное движение в которых могло закончиться трещиной в грудной клетке. Впрочем, учитывая, что замуж я выхожу не за лорда, то может мне и не придется оскорблять взоры благородных леди собственным лишь им «шармом».

– Господин Клейн, девочки. - Госпожа Теравер чуть склонила голову, приветствуя нас, и указала на выход, у которого стоял напряженный экипаж. Кучер уже ждал, готовый придержать дверь или помочь забраться внутрь, но мне его услуги не понадобились. Впрочем, это было предсказуемо: едва ли изображавший пылкого влюбленного Мартин позволил бы постороннему мужчине прикоснуться к своей невесте.

С трудом удержала лицо, когда ладонь господина Клейна дольше положенного задержалась на моей талии, – слишком свежи были в памяти воспоминания о нашей прошлой поездке. Но, благо, я первой садилась в экипаж. Следом, игнорируя недовольный вскрик госпожи Теравер, внутрь устремилась Мали, села рядом со мной и расправила юбку, намекая, что места на нашей стороне больше не осталось.

Вероятно, она хотела как лучше, но, оказавшись напротив, господин Клейн не упустил возможность продемонстрировать госпоже Теравер свою «искреннюю и нежную» страсть, не отводя от меня ласкового, словно бы замороженного взгляда. И мои щеки отчаянно краснели, выдавая, что мой взгляд пусть и устремлен на улицу, нет-нет да и соскальзывает на визави.

Мали, пытавшаяся завязать разговор с госпожой Теравер, потерпела неудачу. Женщине было интереснее наблюдать за нами с Мартином, а потому она не поддержала робкую попытку ведьмочки, переключить на себя внимание. А вот я... смирившись с неизбежным, посмотрела на будущего мужа и спросила:

– А какие дома мы намерены сегодня посмотреть? - Перевела взгляд с Мартина на госпожу Теравер и обратно. И, что удивительно, наша хозяйка тоже, прежде чем заговорить, бросила быстрый взгляд в сторону моего жениха и лишь после его одобрительного кивка ответила:

– Два дома в городской черте и одно поместье чуть дальше. Там большая территория, красивый дом, есть отдельная постройка для слуг, что очень удобно для молодой пары, - женщина с нарочитым пониманием покосилась на Мартина, но тот и бровью не повел, - но без экипажа добраться в город крайне затруднительно. Потому мы начнем осмотр именно с него, а после вернемся в Грастин.

– Ясно, – кратко откликнулась я, нахмурившись. Если Мартин остановится на загородном доме, то плакала моя работа: едва ли кто-то позволит мне пешком добираться до города, да и сама я вероятнее всего, пару раз так сходяв, навсегда откажусь от идеи месить глину в платье. Конечно, можно было бы добраться и на лошади, но это будет шоком для местной публики – дама в мужском седле. А в женском я, опять же, не рискну. Слишком уж оно не приспособлено для переездов, для прогулок – еще куда ни шло, но не для настоящей верховой езды.

Дорога до поместья заняла не меньше часа, заставив меня еще раз убедиться во мнении, что доверять торговцам, в чем бы ни заключался их товар, дело рискованное и неблагодарное. Поместье действительно было в пригороде. Том далеком пригороде, куда слуг следовало брать с проживанием (потому и отдельная постройка имелась, какое совпадение, верно?), а гостей приглашать раз в сезон – больше они все равно не пожелают являться: последние четверть часа дорога была сушей пыткой. Едва мы свернули с тракта, не было и минуты, когда нам не приходилось подскакивать на очередном ухабе. А потому появление в поле зрения приближающегося особняка было воспринято всеми нами с огромным облегчением.

Первой экипаж покинула госпожа Теравер, желавшая первой увидеть дом вблизи и убедиться, верно, что за ночь он не рухнул и ей

есть, что нахваливать. Вторым был Мартин. Именно ему, по правилам, следовало быть первым, но опередить госпожу Теравер едва ли смог бы даже самый ушлый торговец. Ведьмочка обошла меня всего на несколько секунд, легко выскользнув на выложенную камнем площадку. Вздохнув, я последовала за ней, последней выбираясь из экипажа и с благодарностью хватаясь за предложенную Мартином руку. Признаться, меня немного укачало, а потому хотелось присесть и подышать полной грудью. Некстати вспомнилось, сколько мне пришлось потратить на зелья во время поездки до Грастина, и стало совсем грустно.

– Дорогая, вы в порядке? – обеспокоенно спросил Мартин, когда я села на ближайшую парковую скамейку.

– Не совсем, – призналась я и почти сразу ощутила на себе внимательный, пробирающий до костей потемневший взгляд Мали. Лишь убедившись, что мое самочувствие не связано ни с чьим нападением, а над артефактом на шее топорщится ткань, она отвернулась и вновь уделила все свое внимание госпоже Теравер и изучению фасада дома.

Выждав, пока картинка перед глазами не обретет четкость, я поднялась, опираясь на руку господина Клейна, терпеливо замершего рядом со мной, и тоже отдала должное двухэтажному, не считая мезонина, особняку в классическом стиле. Множество окон не могло не радовать мою привыкшую в Вальехе к обилию света душу, а колонны намекали на монументальность и надежность постройки. Не знаю, так ли это было на самом деле, но, казалось, что поместье переживет не только нас, если мы пожелаем его приобрести.

– Кому оно принадлежит? – поинтересовалась я, когда мы поднялись на крыльцо и остановились в ожидании, пока госпожа Теравер искала ключи.

– Какому-то дельцу из столицы, – не слишком охотно отозвалась ведьма, и я заметила, как нахмурилась Мали.

– И что побудило его продать этот дом? – не упустил возможности задать неудобный вопрос Мартин.

– Слишком далеко от столицы, – буркнула госпожа Теравер и наконец справилась с ключами, но заходить не торопилась, выискивая что-то в сумочке. Лишь когда на свет был извлечен амулет, больше походивший на печать, и он занял место в выемке у двери, ведьма

стерла со лба выступившие бисеринки пота и, натянув на губы улыбку, сказала:

– Можем заходить.

Никто не шелохнулся. Поморщившись, госпожа Теравер первой шагнула на потускневший паркет холла.

– Неплохая защита, - заметила Мали, заходя последней. Хмыкнула, когда печать словно бы продавила стену, оказываясь по нашу сторону, и кивнула на лестницу: – Я поднимусь, осмотрю все там.

Мы не возражали. Мне даже показалось, что каждый из моих сопровождающих был рад избавиться от общества ведьмочки. Отчего так? Вероятно, госпожа Теравер знала об истинной силе подруги, а вот Мартин... Я задумчиво покосилась на жениха, пытаюсь понять его скрытые мотивы. Ведь даже избавившись от Мали, мы не оставались наедине.

– Начнем с гостиной, - предложила госпожа Теравер, дождаввшись, пока Мали скроется наверху. Мы кивнули.

О, если бы я знала, чем оно обернется, не стала бы улыбаться, ведь после, стоило мне хоть на миг нахмуриться, госпожа агент по недвижимости – а эта роль, едва мы пересекли порог дома, стала для госпожи Теравер основной – тут же уточняла, чем вызвано мое неудовольствие. И приходилось каждый раз заверять ее, что всему виной не цвет стен, которые оңа, по ощущениям, тут же готова была перекрасить, поблекший паркет (пара минут – и будет блестеть!) или солнечный свет, бивший прямо в глаза (проем можно заложить, бригада уже наготове!). В какой-то момент мне даже показалось, что я знаю секрет продаж этой ведьмы: если ты не хотел слушать сотни «можно исправить» и тысячи «дорогая, что-то не так?», дом следовало покупать сходу, еще не заходя внутрь. Потому что зайдя...

Я тоскливо посмотрела вверх и...

– Лепнина и правда неплохая. Не смотри, что немного тусклая, если вы выберете этот дом, я тотчас отправлю сюда бригаду и они все вымоют. Даже леди Марла не сможет лучше, - заверила меня госпожа Теравер.

– Полагаю, мы увидели, что хотели, - взял удар на себя Мартин. - Можем возвращаться в город и посмотреть другие варианты.

– Но мы же еще не прошли весь дом! – зашпорила госпожа Теравер, но ее прервала Мали, показавшаяся в дверном проеме.

– Я прошла весь дом, - заверила ведьмочка.

– Но ведь есть ещё дом для прислуги, - ухватила за возможность продолжить пытку женщина. – Его также необходимо осмотреть. Я ищу для своих клиентов лучшие варианты и ничего не скрываю. Вы должны знать обо всех недостатках...

Я хмыкнула. Когда мне продавали чердак, единственным, что интересовало госпожу, были моя платежеспособность и принадлежность к ведьмам. Но, видимо, когда на горизонте маячит более обеспеченный клиент, обойтись без «танцев» не позволяла гордость профессионала.

– Мы верим в вашу честность и профессионализм. Уверен, вы бы не стали показывать нам неподходящие варианты, лишь ради того, чтобы их оказалось больше, – спокойно заметил Мартин, а мне показалось, что лицо госпожи Теравер на мгновение дрогнуло, словно она как раз не могла согласиться со словами мужчины.

– Да, все верно, – натянув на губы улыбку, откликнулась ведьма и предложила: – Давайте вернемся в город.

Никто не возражал. Вот только на сей раз, Мали не успела проскользнуть внутрь ни первой, ни второй, оказавшись отеснена проявившей твердость госпожой агентом, и мы с женихом оказались по одну сторону экипажа.

– Устали? - шепнул мне Мартин, пока наши сопровождающие не успели забраться.

– Немного, - призналась я, правда, несколько преуменьшив.

– Я постараюсь сократить время просмотра, – пообещал мужчина, накрывая мою ладонь своей и согревая холодные пальцы. Убрать руку я не успела, да и, признаться, не хотела, но взгляд отвела, не желая видеть в глазах госпожи Теравер ни одобрения, ни порицания. Впрочем, последнее вряд ли бы последовало, учитывая, чем мы были заняты. Уж что-что, а серьезность намерений господин Клейн умел демонстрировать.

Я в задумчивости покосилась на Мартина, пытаюсь хоть немного рассчитать, в какую сумму ему уже обходится представление. По всему выходило, что потратился он изрядно: одна лавка ювелира чего стоила. При воспоминании о суммах, которые господин Филиас даже

не рисковал озвучивать вслух – показывал Мартину на бумажке, мне даже стало не по себе, но тут же пришло облегчение: ныне за сохранность покупок отвечал господин Клейн. А потому я могла не переживать, покидая чердак.

Дорога до города заняла меньше времени. Впрочем, наверное, я просто отвлеклась, думая о своей дальнейшей судьбе. Даже хмыкнула, не удержавшись. Тетушка хотела выдать меня замуж в кратчайшие сроки, а я справилась с этим сама и даже быстрее.

– Все хорошо? - словно почувствовав изменения в моем настроении, прошептал на ушко Мартин. Судя по игравшей на его губах улыбке, его забавляло то, как подается вперед госпожа Теравер, надеясь услышать хоть часть нашего разговора, и как Мали опасно щурится, обещая мужчине все кары, на какие только будет способна фантазия темной ведьмы.

– Меня пугает неизвестность, – тихо призналась, практически не разжимая губ, но Мартин услышал.

– Я бы обнял вас, чтобы утешить, но, боюсь, как бы меня ни поняли превратно, - отозвался он, сочувственно глядя на меня, и громче, чтобы слышали и наши наострившие уши спутницы, добавил: – Как бы ни страшила вас неизвестность, я обещаю, что не оставлю вас наедине с ней.

– Это-то и пугает, – хмыкнула Мали, не оценив признание господина Клейна, за что тут же получила тычок в бок от расплывшейся в улыбке госпоже Теравер. Оно, впрочем, и понятно: для старшего поколения муж был прежде всего стеной, отделявшей супругу от тягот мира. Вот только у этого была и обратная сторона: что происходило за этой стеной, также оставалось тайной, и часто весьма трагической, о которой не принято было говорить, чтобы не развеять иллюзию благополучия, за которую так любили цепляться в обществе.

– Я придерживаюсь прогрессивных взглядов, - заметил Мартин, глядя на Мали спокойным, уверенным взглядом. – И не собираюсь ни ограничивать общение своей будущей супруги с подругами, ни лишать ее права на самостоятельность и работу. Разумеется, если она пожелает утрудиться. В ином случае – я в состоянии обеспечить нашу семью.

– Конечно, вы будете прекрасным мужем, - быстро согласилась госпожа Теравер, пока Мали не успела сказать ничего, что могло бы рассердить Мартина.

– Счастлив, что ваше мнение совпадает с моим, – чуть насмешливо улыбнулся мужчина, соглашаясь.

– Только судить мне, – тихо, чтобы услышал один лишь Мартин, сказала я и отодвинула занавеску, пуская в экипаж больше солнца и заставляя не ожидавших подобного спутниц щуриться, привыкая к яркому свету.

– Надеюсь, вы не будете ко мне строги, – отозвался Мартин, награждая каждую из нас широкой, располагающей улыбкой.

– О, конечно, – ответила за всех госпожа Теравер. Она хотела было ещё что-то сказать, но не успела. Экипаж остановился на окраине города, и по тому, как заулыбались обе ведьмы, можно было понять, что эта часть города принадлежала сестринству. Впрочем, я бы очень удивилась, если бы наша ведьма повела состоятельного клиента покупать хоть медный гвоздь на территории соперниц.

– А вот и наш второй вариант, – чересчур бодро, чтобы это было правдой, обрадовалась госпожа Теравер и первой поднялась с места.

– Четверть часа, – пообещал мне Мартин, помогая выбраться.

И ему удалось сдержать слово. Такой пренебрежительной брезгливости, какая появилась на его лице при виде двухэтажного особняка, увитого плющом, мне еще не доводилось видеть. Видимо, впечатлилась и госпожа Теравер, быстро свернувшая показ и скомандовавшая кучеру править дальше. Увы ей, и третий дом не произвел на господина Клейна должного впечатления. Признаться, даже мне было не по себе от его пронизывающего, холодного взгляда, каким он награждал ведьму, стоило той лишь заикнуться о достоинствах дома.

Посему, никто не удивился, когда госпожа Теравер отказалась возвращаться с нами на улицу Текстильщиков, предпочитая пройтись пешком и прийти в себя.

– Вы были слишком грубы, – заметила Мали, не глядя на вновь занявшего место подле меня мужчину.

– Очевидно вы правы, – не стал отрицать Мартин. – Но Рин устала и заставлять ее страдать больше, когда уже определился с выбором, было бы жестоко по отношению к моей невесте. Но, – он покосился на меня, – если вы желаете продолжить осмотр, мы можем вернуться.

– Нет, – торопливо отказалась, поскольку кучер словно бы услышал нашу беседу и стал притормаживать.

– Вот видите, – усмехнулся Мартин. - Но, пожалуй, я не откажу себе в удовольствии воспользоваться этим в качестве предлога, чтобы пригласить вас в ресторан и загладить свою вину.

От подобной взятки даже Мали отказываться не стала, благосклонно кивнув. Я же и вовсе позволила себе улыбку, поскольку за часы просмотра изрядно проголодалась.

Вот только когда экипаж остановился у неизвестного мне ресторана и к нам выбежал лакей, готовый принять, судя по обреченности в глазах, все – от шляпки до удара меню, протянутого Мартину для ознакомления, - я сглотнула от волнения.

Бывать в «Лунном свете», как называли его владельцы, мне не приходилось. Ни в ресторане на первом этаже, ни в номерах – одна лишь вывеска буквально кричала, что за ночь тут я потрачу весь свой бюджет, а за обед – половину. Пойти на такое расточительство было выше моих сил. И сейчас я дотронулась до плеча Мартина, заставляя его наклониться ко мне, и прошептала тихо:

– Может не пойдём туда?

– Отчего же? - В глазах господина Клейна были смешинки. - Мы ещё не женаты, а вы уже принялись исполнять главный долг супруги. - Столкнувшись с непониманием в моем взгляде, Мартин вздохнул тяжело и пояснил: – Считаете мои деньги, дорогая? Они ещё не стали вашими, потому можете убедить свою скупость повременить с объятиями. Обещаю, после нашей свадьбы вы лично будете решать, какие заведения мы будем посещать, но пока позвольте пригласить вас туда, где мне не будет стыдно за свой выбор.

Он говорил тихо, не допуская в голос никаких иных, кроме заботливых ноток, но мне отчего-то было стыдно. И то, что он назвал долгом супруги... В пансионе считалось, что бережливость девушку красит, но в устах Мартина выходило, что вовсе нет.

Я отвернулась, переваривая чужое откровение, а потому лишь рассеянно улыбнулась лакею, придерживавшему нам дверь и оставшемуся стоять на крыльце в ожидании следующих гостей. Впрочем, его услуги были бы лишними, ибо стоило нам переступить порог, как уже официант оказался рядом и, уточнив, присоединится ли кто-нибудь к нам после, повел к уютному столику на троих, на террасе второго этажа. Быстро закончив с формальностями, официант – Лотар Ангвольд, судя по нашивке на форменной рубашке, – удалился, а мы с

Мали переглянулись. И официант, и Мартин определенно были уже хорошо знакомы.

– Вы остановились в этом отеле? - тихо уточнила я.

– Все верно, – с довольным видом подтвердил мои выводы господин Клейн, расправляя салфетку на коленях. - Это место мне рекомендовали в столице, и я решил последовать совету знающих людей. Потому, - он усмехнулся, – я прекрасно осведомлен о здешней кухне и ценах и могу безбоязненно пригласить двух прекрасных дам на поздний обед, желая загладить свою вину и произвести впечатление.

Он улыбнулся, но Мали не оценила широкого жеста.

– Вы слишком нарочиты в своем стремлении нам понравиться, - честно, что не исключало излишней резкости в голосе, сказала ведьмочка, поднимая столовый нож и глядя на острие. - Слишком, чтобы за вашей «влюбленностью» в Рин ничего не стояло. - Она перевела пристальный взгляд на Мартина. - И я предупреждаю, как ведьма рода Астельгейт, что не оставлю вас без внимания ни до, ни после вашей свадьбы.

– Я учту, леди Малиара, - очень серьезно ответил Мартин. Мне даже показалось, что на террасе похолодало, пока эти двое сверлили друг друга взглядами. И я не знала, чем бы кончилось их молчаливое противостояние, если бы не появился официант с напитками. Отпив из бокала, ведьмочка неожиданно улыбнулась и как ни в чем ни бывало принялась рассказывать, что она обнаружила во время осмотра второго этажа и домика для слуг.

Уже позже, когда мы вдвоем возвращались на улицу Текстильщиков, Мали призналась:

– Я понимаю, почему тебе надо выйти замуж и понимаю, почему именно за него, но мне неспокойно. Он не просто так добивается расположения леди Кондиды, впрочем, уже добился, а потому, – Мали сжала мои ладони и заглянула в глаза, – если увидишь что-то, что покажется тебе странным, или узнаешь о чем-то, расскажи мне. Мне нужно знать, зачем он идет на такие траты. Это может касаться всех нас.

Я обещала.

ГЛАВА 19. О свадьбе и чужом опыте

Следующие дни прошли как в тумане. Мы с Мали только и делали, что ходили на приемы к каждой из ведьм, кто прислал приглашение. К «Локону» не ходили. Их карточки, начавшие приходить, едва господин Клейн зарезервировал и оплатил аренду Зала Собраний, а также сопутствующий банкет, Мали рвала на клочки и выкидывала в мусорную корзину. Иного, впрочем, никто не ожидал. Правда, теперь, когда мы с ведьмочкой навещали госпожу Дарай, встреченные нами аристократки не забывали улыбнуться и приветливо нам кивнуть.

– Ищут твоего расположения, - хмыкнула Мали, недовольная моей резко возросшей популярностью. – Будь с ними осторожна. Это настоящий вызов – увести жениха из-под брачного ига, а для этого все методы хороши: даже подружиться с невестой, чтобы чаще видеть объект охоты и иметь больше простора. Я бы на месте господина Клейн поостереглась есть по ресторанам. За хорошую плату зелье подлить никто не откажется. Впрочем, - в голосе Мали так и слышались довольные нотки, - твой жених каждый день посещает дом мэра, а чего ему там в чашку наливают...

– Надеюсь, после свадьбы ему не придется лежать, несколько месяцев поправляя здоровье.

– Отчего нет. За это время ты приберешь к рукам все его состояние, а там супругу можно и не приходить в сознание. Год-два – и никто тебя даже не обвинит. – Мали говорила так обыденно уверенно, что я с трудом удержала дрожь, слушая ее откровения.

– Давай обойдемся без этого, - попросила я, надеясь, что ко мне прислушаются.

– Как хочешь. - Ведьмочка пожала плечами. – Но не сбрасывай этот вариант со счетов.

– Леди Марла говорила о разводе.

– Темные ведьмы не разводятся, - вздохнув, призналась Мали. – Либо любовь до гробовой доски, либо тоже до нее, но только супруга. Хотя порой он выживает, и тут уже ведьме приходится инсценировать свою смерть.

– Для меня это слишком.

– И ему стоит это ценить, - фыркнула ведьмочка и больше мы к данному разговору не возвращались.

Но отчего-то именно он всплыл в памяти, когда я стояла в комнате для невесты. Если бы не платье, длинное, в пол, с огромным шлейфом, я бы едва ли удержалась от искушения померить шагами комнату, но подметать пусть и чистый, но подозрительно гладким пол не было никакого желания. Храмающая невеста – жалкое зрелище, а мне не хотелось ни почувствовать, ни выглядеть жалкой в этот день.

– Еще немного, - заверила меня Мали, сунув голову в комнату. С самого утра ведьмочка выполняла с дюжину ролей: от простых вроде горничной – у меня все из рук валилось, и Мали просто усадила меня на табурет в центре комнаты, наказав ничего не трогать, - до сложных вроде Храбрости, Смелости и Глупости, без которой первые две были бы обречены на провал.

– Почти пришел, – глядя в противоположную сторону, сообщила Мали. - Все, я побежала. Лорд Эдингтон придет за тобой с минуты на минуту. Если решишь сбегать – шлейф можно отстегнуть, а под окном стоит лестница. Третья ступенька расшатана, так что будь аккуратна.

Она все же не выдержала и, проскользнув внутрь, обняла меня. Очень аккуратно, чтобы не повредить прическу – хотя ее бы и ураган не смог одолеть, Мали крепко прижала меня к себе, и я не отказала себе в удовольствии повторить ее маневр.

– Ненавижу свадьбы, – призналась Мали, вкладывая в мою руку потертую, явно не раз использованную, открывашку для окон. – Похороны мне ближе.

– И там, и там толпа родственников рыдает и делит будущее наследство? - предположила я, пытаясь улыбнуться.

– Ты даже не представляешь, насколько права, - серьезно кивнула Мали и выскользнула из моих объятий. Я же осталась наедине с собой. Признаться, в этот миг я бы даже согласилась на встречу со своими демонами. Их хотя бы можно было погонять в хвост и гриву, или перекинуться парой словечек, или... попросить придержать лестницу, чтобы в процессе побега она не упала навзничь.

Воровато обернувшись и убедившись, что дверь закрыта, я быстрыми перебежками отправилась к окну. Теперь я понимала, почему комнату для невесты вынесли на второй этаж, а под окнами

высадили высокие колючие розы. Впрочем, они мало меня смущали, поскольку Мали не обманула: к моему окну была приставлена старая лестница, выдавшая многое на своем жизненном пути.

И... не знаю, чем бы обернулась минутная задержка лорда Эдингтона, ибо в миг, когда ручка двери наклонилась вниз, я напряженно думала, чем можно вынести окно, если оно не пожелает поддаваться уговорам и открывашке.

– Леди. - Лорд Эдингтон был сегодня при полном параде. Откуда-то на нем появилась форма королевской гвардии, определенно шитая на заказ – гвардейцев таких габаритов на службе не держали, наградная лента пересекала грудь мэра, а усы, которые лорд отрастил по случаю своей ответственной роли на торжестве, были завиты и уложены по моде тридцатилетней давности.

– Ваша Светлость. - Я присела в реверансе. Учитывая количество заколок в прическе – больше дань традициям, чем необходимость, – я не рисковала лишний раз опускать голову, держа осанку. Увы, даже мысль о том, что моя голова сейчас в прямом смысле слова стоит дороже заказанного банкета, не делала мою ношу легче. Потому я в прямом смысле чувствовала тяжесть традиций, ибо каждая из ведьм города, под чутким и не предвещавшим ничего хорошего взглядом Мали, вручала мне по инкрустированной драгоценными камнями заколке. Каждая из них несла в себе пожелание дарительницы и... защиту от определенного вида чар.

Я прикусила губу, бросая быстрый взгляд на окно, вздохнула и шагнула к терпеливо ожидавшему лорду Эдингтону. Удивительно, но мэр не подгонял меня, ни когда мы спускались по широкой мраморной лестнице, чьи перилла были обвиты праздничными белыми и алыми лентами в тон моему платью, ни когда я застыла в нерешительности за притворенными дверьми, из-за которых доносился оживленный гул голос.

– Вы готовы? - уточнил лорд Эдингтон, а я вместо того, чтобы согласиться, честно сказала:

– Нет.

Он усмехнулся в усы, поразительно ему шедшие, и подал мне руку.

– Тогда позвольте пригласить вас на прогулку. – Он даже поклонился учтиво, словно моя нерешительность его вовсе не

раздражала. – Давно хотел провести для кого-нибудь экскурсию, но ни желающих не находилось, ни времени, – пожаловался мужчина.

– Я с радостью составлю вам компанию, - все еще не веря в отсрочку, сказала я.

Повторять дважды не пришлось. Шлейф волочился за мной, устраивая местным слугам испытание на преданность своему делу. Я не рисковала смотреть на подол, боясь увидеть свидетельства их халатности. Впрочем, едва ли я смогу сегодня посадить на платье хоть одно пятно: одна из заколок была подарена леди Марлой с пожеланием лучшей свадьбы, не омрачаемой никакими бытовыми трудностями.

– Я вас понимаю, – неожиданно произнес лорд Эдингтон, когда шум гостей перестал доноситься до нас. Мы медленно шли по галерее, уставленной бюстами покойных мэров Грастина. - Признаться, мне самому не хватало смелости переступить порог Зала Церемоний Малого дворца. - Я сбилась с шага, услышав, где проходила церемония бракосочетания лорда Эдингтона. - Да, вы не ослышались. Мы должны были жениться именно во дворце. Но, - губы лорда растянулись в улыбке, - ни я, ни Конди не смогли пересилить себя и переступить его порог.

– Но как тогда?..

– Не перебивайте. Эта нетерпеливая молодежь... – посетовал мэр, мечтательно улыбаясь. - То, о чем я вам рассказываю, семейная тайна, потому будьте ее достойны!

– Простите. - Я покраснела, чувствуя себя неловко. Лорд Эдингтон благосклонно кивнул, принимая извинения, и продолжил:

– Мы сбежали. Оба. Не сговариваясь и не зная друг друга. Чтобы выиграть для меня время, мой товарищ заменил меня в комнате жениха. Мы были изрядно похожи в нашу юность с дорогим Эдуардом, и так дружны, что он готов был рискнуть ради меня своей свободой. Юные, пылкие, такие наивные и непроходимо глупые, – он хохотнул. - Думали обыграть судьбу, но она провела нас сама.

Эд принес мне форму конюха, чтобы было легче раздобыть лошадей. А камеристка Конди раздобыла для госпожи платье служанки с черной кухни. Оба наших пути проходили через нее, и мы оба показались друг другу очень подозрительными, а уж когда встретились в конюшне... Моя честь офицера не позволила мне смотреть, как воруют лошадей из конюшни его величества, гордость

члена королевской семьи потребовала от Конди вмешаться, когда я попытался отвязать своего скакуна... До тех пор я и не знал, что у леди может быть поставлен удар. - Лорд Эдингтон провел по абсолютно чистой скуле, но я догадалась, что именно туда пришелся удар. - Нас застали в разгар выяснения, кто из нас имеет право на лошадь, а кто вор и изменник. Как вы помните, леди, мы оба выглядели не слишком презентабельно, а после драки... У меня разбита губы и синяк на скуле, у леди сено в волосах и запястье вывихнуто. Нас обоих отволокли в казематы – до выяснения. Говоря по-простому: начальнику стражи было недосуг спускаться, чтобы разбираться с преступлениями слуг, когда одна из племянниц короля замуж выходит, а уж когда оказалось, что леди исчезла, да и жених сбежал... Забросили нас в тюрьме с Конди на целые сутки, а там уж мы сами не нашли ничего лучше, чем к богам воззвать и попросить нас поженить, чтоб я одной курице высокородной не достался, а она павлину расфуфыренному.

Так и живем, она – с павлином, я – с курицей. И ни о чем не жалею, – закончил мэр и хитро мне подмигнул. – Успокоились леди?

– Да, - неожиданно для себя призналась я, чувствуя, что улыбаюсь. – Иногда надо положиться на судьбу.

– Ее все равно не обманешь, - подтвердил лорд Густав и повел меня к выходу из галереи.

Вот только, даже несмотря на историю мэра и его супруги, чем ближе мы подходили к заветным дверям, тем сильнее тряслись у меня колени. Волевым усилием я кивнула лорду Эдингтону, и он толкнул створки, обрывая царивший в Зале Собраний гул.

Все замерли, всё замерло, я будто попала в чье-то полотно.

Гости из «Локона» в лучших своих нарядах, вытянувшие шеи в мою сторону, ведьмы, с интересом косящиеся на меня, но презрительно взирающие на не сдержавших свое любопытство противниц, мужья и первых, и вторых, больше увлеченные припрятанными под скамейками впередисидящих газетами.

Мали, чье лицо непоколебимо, словно скала, но глаза полны слез.

Господин Морган, глядящий прямо и с нескрываемым любопытством, если не сказать вызовом. Вызовом всем и мне лично. Он словно одним лишь взглядом спрашивал: неужели трусишь?

Я поджала губы и решительно шагнула вперед, разрывая повисшую было завесу молчания. Все пришло в движение, все отмерло... и лучше бы этого не было, ибо смешавшиеся в пусть и просторном, но тесном для такого количества желающих Зале Собраний ароматы отбили мне нюх в тот же миг. От обилия красок голова закружилась, и я с трудом сосредоточилась на усыпанной лепестками дорожке.

– Смотри на жениха, - подсказал мэр, коснувшись свободной рукой моих пальцев, буквально впившихся ему в локоть.

Я последовала его совету. Нашла глазами Мартина. Его неожиданно напряженное лицо. И с трудом отогнала от себя мысли, что и для него предстоящая церемония не просто часть сделки. Едва ли ему приходилось раньше поступаться свободой ради работы. Впрочем, о прошлом господина Клейна я была недостаточно осведомлена, чтобы делать какие-то выводы.

– Вверяю дочь свою твоим заботам, - произнес ритуальную фразу лорд, не без усилий отцепляя мои негнущиеся пальцы от себя и вкладывая мою не слишком изящную в этот миг ладонь в пальцы Мартина. Вот так просто и ни слова о каких-то чувствах – предки были до ужаса практичны.

– Принимаю заботы ваши и делю радости, - в тон ему ответил Мартин, давая тем самым знак жрецу начинать ритуал. А мне даже плакать захотелось. Сотни лет прошли с момента появления ритуальных фраз, считается, что и общество изменилось, но все так же дочери – это заботы и вложенные средства – для отца, которые порой – для мужа – сочетаются с радостями.

– Я не разделяю этого мнения, - шепнул мне Мартин, когда лорд Эдингтон занял свое место рядом с супругой и не мог слышать, о чем мы говорим.

– Жрец? - тихо спросила я, послушно кладя руку на артефакт истины – неперменный атрибут брачных церемоний и такой же бесполезный, ибо никогда не пребывал в рабочем состоянии, чтобы не позорить ни родителей девицы, выдававших кровинушку ради выгоды, ни жениха редко искреннего в своих намерениях.

– Приехал накануне и после нашей свадьбы снова отбывает в столицу, - успокоил меня Мартин и заверил: – Элай знает свое дело, не волнуйтесь, моя дорогая. - Он положил ладонь рядом.

А я перевела взгляд с жениха на подмигнувшего мне жреца. Внешне – слишком молодого для данной должности, но, впрочем, ни для кого не было секретом, что в храмы на служение предпочитали брать одаренных: те и жили дольше, и выглядели лучше, и подношений на храм собирали больше. Как же это – жрецу, вылечившему кровинушку не пожертвовать: сэкономили же на целителе! Не пошли к ироду колдунскому, божьей волей спаслись!

Я хмыкнула, со все нарастающим удивлением глядя, как легко обходит скользкие места жрец. Ни разу не назвав меня по имени, чтобы не подвести под подлог, он сумел получить и мое согласие, отозвавшееся на артефакте «истины» ровным голубым светом, и Мартина, вызвавшее бурный восторг среди ведьм и такой же слаженный стон Локона.

Не удержалась и покосилась на них, пока Элай заканчивал с молитвой и хвалой Всевышнему – разумеется, без указаний, какому именно пантеону Всевышний принадлежал.

Леди Локона сидели с кислыми – словно одним лимоном не обошлось – лицами. Они могли бы испортить настроение и отбить аппетит любому, но не мне: их разочарование только подкрепляло уверенность в том, что жених остался верен сделке и мне. И это обнадеживало.

– Еще немного, - виновато проговорил Мартин, когда Элай возложил на алтарь брачные браслеты. И вновь молитва, длинная, монотонная, которую перестаёшь слушать уже на четвертой строке и понимаешь, что туфли натерли, спина устала и чешется, а шея вот-вот сломается под тяжестью парадной прически. Теперь я как никогда раньше понимала вдов, яростно отстаивавших свою независимость: проходить через подобное ещё раз – да ни в жизнь. Разве что церемония будет проходить на свежем воздухе, в простом платье без корсета и босиком, чтоб уж наверняка не натерло.

– ... мужем и женой, – закончил на одном дыхании жрец, одновременно защелкивая на наших запястьях брачные браслеты и кивком давая отмашку тут же обнявшему меня... мужу.

Наш поцелуй был прекрасен. Особенно в той ее части, где Мартин, нежно касаясь моих губ, не забывал одной рукой почесывать мне спинку, а другой придерживать за подбородок, забирая часть веса прически на себя.

– Мне кажется, я вас люблю, – честно призналась, когда мужчина, пользуясь своим правом, начал по одной доставать из моих волос заколки и вкладывать их в мою раскрытую ладонь. И никто ему и слова не сказал, ибо теперь за мою защиту отвечал целиком и полностью он.

– Так лучше? – Склонившись к моему уху, Мартин вынул последнее украшение.

– Определенно, - выдохнула я и больше ничего сказать не успела. Меня снова поцеловали, уже не так осторожно, скорее решительно, заявляя права на данную территорию и вызывая слаженный завистливо-негодующий стон у гостей.

– Прошу... меня извинить, – отступив от меня на шаг, обратился к невольным зрителям муж. – Но я не в силах больше терпеть, а потому, – он хитро мне подмигнул, - похищаю свою жену.

Даже вскрикнуть не успела, оказавшись на руках Мартина, а он, будто специально тренировался или и вовсе был известным похитителем девиц брачным способом, вынес меня из Зала Собраний.

– Вам не помешало бы... – начал Мартин, аккуратно ставя меня на ноги на крыльце и подавая сигнал задремавшему кучеру.

– Похудеть? – сузив глаза, предположила я.

– Покушать, – усмехнулся мужчина. – Теперь, когда мы не связаны светскими условностями, полагаю, мне будет позволено говорить откровенно?

– На свой страх и риск, - хмыкнула я, а внутри все напряглось.

– Что ж, я знал, что будет нелегко, - фыркнул он, но, враз посерьезнев, добавил: – Вам беречь фигуру нет смысла, а вот позаботиться о ее появлении не помешает. Впрочем, если здоровье для вас на втором месте...

– Я не сижу на диетах, – оборвала я, понимая, куда он клонит. - И здесь все в порядке с моим аппетитом, не волнуйтесь. В том, что вы морили жену голодом, вас никто обвинять не станет, если, конечно, это не был ваш план по избавлению от супруги.

Слова срывались вроде бы легко, но я напряженно следила за выражением лица собеседника.

– Я предпочитаю расставаться с партнерами полюбовно, – заверил меня Мартин. – Можете не волноваться о своем будущем, о нем уже позаботился господин Морган.

– Вот как?

– Именно так, - весело подтвердил означенный господин, появляясь в дверях и неся на перекинутой через плечо трости туго набитый мешок. - Ваш побег вызвал бурю восторгов. Хотя еще немного – и за вами снарядят погоню.

– Незачем, банкет я уже оплатил, так что, полагаю, им будет чем заняться.

– А чем займетесь вы? - усмехнулся блондин и смерил нас таким лукавым взглядом, что смутил бы и праведников, но Мартин праведником определенно не был и в тон собеседнику ответил:

– Пойдем на поводу у традиций. У нас ведь сегодня первая брачная ночь. - У меня от слов мужа дыхание перехватило, а щеки накалились так, что на них, верно, можно было яичницу приготовить.

– Он говорит о подсчетах, - милостиво просветил меня господин Морган, сгружая на руки Мартину мешок. – Не рискуй подкидывать, можно запястье вывихнуть, - предупредил его блондин и напомнил: – Кучер вас заждался.

– А ты? – кивая мне на экипаж, уточнил Мартин.

– Как же я могу покинуть столь эмоциональное общество? – деланно удивился блондин, отчего-то с предвкушением облизываясь. – Мое любимое место, столько слухов рождается в уголках банкетных залов...

– Столько слухов ты лично запускаешь...

– Не без того. Но – поспешите. Я уже слышу, как сюда идут. Еще немного и ты потеряешь дорогую супругу на сутки, а то и двое. - Он к чему-то прислушался и добавил: – Рин, будьте готовы к полуночи. Ваши «сестры» собираются вас чествовать.

– В таком случае мне даже не стыдно, что я вас похитил, - сообщил мне Мартин, положив мешок с подарками на пол и подавая мне руку. Впрочем, очень быстро эта рука сместилась ниже – шлейф сам себя укладывать в карету не пожелал.

– Дорогая, - оказавшись внутри и чудом не наступив на шелковую ткань, обратился ко мне супруг, - что вы собираетесь делать с вашим нарядом после?

– Вы уже и его дальнейшую судьбу продумали? - хмыкнула я.

– Как можно. - Мартин поднял руки в защитной жесте. - Разве что чуть-чуть, но теперь не уверен, что вы позволите.

– Говорите уже.

– Ваш шлейф чудесно бы смотрелся на окнах. Такими занавесками мало кто мог бы похвастаться.

– Это часть платья! – сквозь зубы напомнила я.

– Жаль, а могли бы сэкономить, – тяжело вздохнул Мартин, но, заметив немую борьбу на моем лице, отбросил притворство: – Прошу меня извинить, увлекся. Но так вы хоть на миг отвлеклись и перестали хмуриться.

– Давайте лучше о деньгах, – попросила я, вспомнив о том, с чего начался разговор. Супружеских долг, брачная ночь... Да уж, тут есть отчего распереживаться. – Господин Морган не соврал, говоря о традиции?

– Нет, он был абсолютно честен. Разве что мы немного сместили акценты. Обычно пары проводят с гостями несколько часов прежде, чем решиться на побег. Но я и так ждал слишком долго, – он усмехнулся, – потому позволил себе вольность ускорить события. И раз уж разговор зашел о подарках... Какую часть вы хотите? Готов оставить вам двадцать процентов.

– При разводе положена половина, – напомнила я.

– Но мы же не разводимся, – фыркнул собеседник. – А мне еще долгих два года предстоит обеспечивать весьма немаленькие, я надеюсь, аппетиты супруги. – Моим взглядом, вероятно, можно было убивать. – Какая жалость, – тяжело вздохнул Мартин, но глаза его смеялись, – мое обаяние вдруг перестало действовать. Как я теперь прокормлю свою семью?..

– Придется нам пойти работать, – хмыкнула я. – Поступиться честью и встать на сей достойный путь.

– И моя жена простит меня за подобное?

– Ваша жена на этом настаивает. И готова показать пример.

– Какая прогрессивная мне досталась супруга, – хмыкнул Мартин и, откинувшись на спинку сидения, воздел очи к потолку. – За что мне такое счастье?

– Грешили много, – предположила я, полностью отдаваясь процессу пикировок с мужем. Все же он был прав, обмениваясь шпильками, я меньше переживала о ближайшем будущем.

ГЛАВА 20. Лучшая ведьма года

Элай навел нас ближе к ночи. Сменивший рясу на модные черные брюки и ярко-оранжевую (где только раздобыл) рубашку, он в первый момент показался мне вором, проспавшим будильник и одевавшимся впопыхах.

– Ваше свидетельство о браке, госпожа, господин. – Мужчина склонился в поклоне, словно был слугой, и протянул Мартину заверенную храмовой печатью бумагу. В противоположном ее конце уже стоял и оттиск городской. – Поставил заранее, – пояснил мне жрец. Подобно господину Моргану Элай тоже был блондином и отдаленно походил на поверенного. – Нет, мы не родственники, – заметив мой интерес, поспешил откреститься от родства с юристом жрец. – Меня не первый раз об этом спрашивают, – пояснил поспешность ответа на невысказанный вопрос Элай. – Хотя я бы не отказался приходиться ему хоть кем-нибудь.

– Рискуете, Элай, – усмехнулся Мартин, пряча бумагу в прикроватную тумбочку. – И вам следовало бы постучать, прежде чем входить. Спальня молодоженов не то место, куда посторонние могут вламываться.

– Искренне извиняюсь, но вы сами настаивали на том, чтобы я явился, едва будет покончено с делами.

– И?

– Выгорело почти все. Свидетельств о том, что сегодня был заключен брак между вами и Ларин Загресси не осталось. На вашем экземпляре имена верные, потому, если не желаете обнародовать вашу тайну, не показывайте его посторонним, – предупредил Элай.

– А наш брак хоть настоящий? – Я потеряла теплый браслет, наблюдая за мужчинами с кровати, на которой сидела, сменив свадебное платье на обычное, домашнее, с воротником под горлышко, длинными узкими рукавами и широкой юбкой. Настолько широкой, что она полностью скрывала мои ноги, как бы я ни пожелала сесть.

– Еще какой, – усмехнулся жрец и поклонился. – Моя работа закончена?

– Иди, - отпустил позднего посетителя Мартин. Подошел к окну, ещё без занавесок, прищурился, глядя на полную, как на заказ, луну и мрачно усмехнулся. - Вы не устали, моя дорогая супруга? - Мартин обернулся, улыбаясь, но мне показалось, что в его глазах промелькнуло сожаление. Впрочем, стоило мне моргнуть, как от него не осталось и следа.

– Хотите утаить часть подарков? - хмыкнула я, отводя взгляд, чтобы не видеть, мелькнет ли в них вновь сожаление. Отчего-то мне было больно думать, что Мартин может сожалеть о нашей «сделке», неприятно было осознавать, что для него все произошедшее было лишь маленькой остановкой на пути к далекой цели.

– Хочу дать вам шанс немного отдохнуть, - серьезно ответил муж. – Эльтран редко ошибается, и раз он уверен, что с наступлением полуночи вас похитит ведьминская община, - так тому и быть.

– Осталось совсем немного, - взглянув на часы, сказала я. – Да и я не смогу заснуть, даже если бы попыталась. Мне... все ещё не верится, что...

– Мы женаты? – с печальной усмешкой подсказал Мартин. - Не придавайте этому большого значения. Вы вольны поступать так же, как и до ритуала.

– Вы не правы. - Я отрицательно покачала головой. Тяжело вздохнула при виде разложенного на покрывале богатства и тихо призналась: – Мне стыдно за наш обман.

– Я и не обещал, что будет легко.

Кровать за моей спиной прогнулась, принимая на себя вес, севшего рядом мужа. По спине пробежали мурашки, стоило ему коснуться моей щеки, убрать за ушко выбившуюся прядь – еще влажную после недавнего мытья головы, и обнять, согревая своим теплом.

– Не думай о том, почему мы оказались здесь, думай, что нам это даст, – посоветовал Мартин, не разжимая кольца обхвативших меня рук. - Как изменится жизнь города, когда сотни людей смогут его увидеть, а кто-то – и остаться.

– А вдруг они этого не хотят? – Вырвалось у меня. - Я же правильно понимаю, что никто вас не поддержал? И только для того, чтобы к вам стали относиться иначе...

– Это болезнь маленьких городков, – не слишком довольно перебил меня Мартин. - Отрицать все новое лишь из-за его нетрадиционности. Даже ваше платье, - он провел по моим плечам, рукам, останавливаясь на холодных пальцах и накрывая их своими, – когда-то вызывало бурные всплески негодования, а уж те, в каких столичные дамы щеголяют, не закованные в броню корсета... Для местного светского общества это до сих пор вызов.

– Не для ведьм, – вступилась я за Мали, леди Марлу и остальных.

– Ведьмы консервативны в ином, - согласился со мной Мартин. - Но факт остается фактом. Из-за глупых предрассудков десятки, сотни девушек и женщин готовы рисковать здоровьем ради соблюдения глупых традиций, забирающих их жизни.

– Вы слишком убедительны, но я не могу избавиться от ощущения, что вы говорите мне не все.

– К чему вам знать, насколько сократится время доставки товаров и их стоимость? - вопросом ответил Мартин, переплетая свои пальцы с моими и поднося их к губам. Я чувствовала его горячее, неровное дыхание, и внутри все замирало от неизвестности... и предвкушения. Вот только его слова...

– Вы считаете меня глупой? - Я с трудом, в первую очередь из-за борьбы с собственным напряженным любопытством, отстранилась от мужчины. Отодвинулась и, пользуясь тем, что сидела на кровати, перебралась на противоположный ее край.

– Наивной, – мягко поправил Мартин, не делая попыток сократить расстояние между нами. - Но рассудительной. Не ваша вина, что леди Шарлотта не готовила вас к иной роли, кроме украшения общества. Впрочем, и с ней справится не каждая.

– Я хочу иного, - призналась, игнорируя попытку мужчины польстить. Впрочем, если говорить откровенно, его трактовка моей ценности, заставило сердце болезненно сжаться, и я быстро отвернулась, не желая показывать, что его слова задели меня больше, чем следовало.

– Вы это получите, - пообещал Мартин. Я слышала, как он поднялся, как звук его шагов становится ближе, а после – сильные руки коснулись моей талии, поднимая и ставя на ноги. - Посмотрите на меня, леди Рин, – ласково попросил он, придерживая мой подбородок и не давая отвернуться. И я хотела было возразить, что более не имею

права называться леди, но, стоило лишь разомкнуть губы, чтобы начать говорить, как меня заставили забыть обо всем. Обида, злость, разочарование, отчаянное желание быть хоть кому-то нужной и важной – все это осталось где-то в стороне, утонуло в мягком поцелуе, захлебнулось в необъяснимой для меня нежности, исчезло в томительном волнении, охватившем всю меня.

И когда Мартин отстранился, стон разочарования сам сорвался с губ.

– Мы могли бы продолжить, – хрипло сказал мужчина, отворачиваясь и делая глубокий вдох, чтобы выровнять дыхание, - но тогда не успеем закончить здесь. – Он с усмешкой кивнул на кровать, где ровные ранее пирамидки монет рассыпались по всему покрывалу. – Мы были не аккуратны, - заметил он и, усмехаясь, добавил: – Ринталь, я более вам не опасен. Можете отпустить свой огонь.

И лишь после его слов, взглянув вниз, на свои руки, я поняла, что по коже скачут искорки, не зная, где себя лучше применить: стать пламенем или так и остаться украшением бледной кожи.

– Простите, - только и смогла я сказать, сжимая пальцы в кулаки, закрывая глаза и представляя, как успокаивается, исчезает огонь.

– Потребуется время, чтобы вы взяли свою силу под полный контроль, - подтвердил Мартин. - И я бы мог порекомендовать вам учителя, но не стану.

– Почему нет? - Я удивленно открыла глаза, посмотрев на мужа с обидой.

– Ревную, - помедлив, словно произнесенное стало и для него открытием, признался мужчина и добавил: – Каждый раз, когда вижу вас рядом с Эльтраном, с трудом удерживаюсь, чтобы не вмешаться.

– Обычно вы вмешиваетесь, - напомнила я. – И господин Морган удаляется.

– Верно, но вы же не станете спорить, что питаете к нему чувства?

– Это другое. – Я отвернулась. - Как бы то ни было, мой муж – вы, и я буду хранить вам верность, как и положено супруге.

– Мне жаль. – В голосе Мартина скользнула грусть.

– Вы слишком к себе суровы.

– Отнюдь, - усмехнулся чему-то мужчина и заметил: – Я не стану пользоваться вашей добротой и вызывать к себе жалость. Это

унизительно для нас обоих, потому давайте на этом закончим. Мы женаты, этого пока не изменить, так давайте извлечем из стечения обстоятельств максимум пользы.

– Если это не будет во вред городу и его жителям.

– Прогресс всегда связан с чьим-то неудобством, - хмыкнул Мартин. - Мне казалось, мы уже покончили с этим вопросом. Но если для вас так важно убедиться в моих добрых намерениях... – Рука мужчины скользнула в карман брюк и на свет появился складной нож. Признаться, в первый миг я не сдержалась и отступила на шаг, не зная, как муж собирается использовать оружие. Щелчок, с которым лезвие вышло из ручки, отдался громом в моих ушах. Как замороженная, я смотрела, как острие приближается к коже Мартина, как медленно – хотя в реальности не прошло и секунды – разрезает кожу, как рана наполняется кровью, а тишину комнаты разрывает уверенный голос супруга: – Я, Мартин Даэлис Клейн, клянусь, что не причиню вреда ни одному из известных мне жителей Грастина, если того не потребует защита моей чести и жизни, а также если опасность не будет угрожать тем, за чье благополучие я в ответе. *Атэрис.*

Слово-закрепитель легко сорвалось с его уст, словно он клялся не впервые. Поморщился, пережидая, пока срастутся края раны, отзываясь на принесенный обет, и взглянул на меня.

– Теперь вы мне верите? - Я кивнула, молча, в каком-то странном оцепенении глядя на кровавые капли, успевшие упасть на пол. - Я рад, – с толикой облегчения в голосе, проговорил Мартин. – И если вопросов ко мне более нет, пожалуй, я вас оставлю.

И пользуясь моим молчаливым согласием, казалось, на все, мужчина один за одним взял все четыре угла покрывала и, перекинув за спину получившийся баул, покинул супружескую спальню. С его уходом исчезли и мои силы. Ноги подкосились, и я рухнула на расправленную кровать, чувствуя, как все тело наливается тяжестью. Глаза закрылись раньше, чем я нащупала подушку, а открылись...

По ощущениям не прошло и минуты прежде, чем меня потрясли за плечо и знакомый голос Мали осведомился:

– Неужели настолько устала...

– Узнаешь после своей свадьбы, – сонно ответила я, зевая и пытаясь отвернуться.

– Значит, никогда, - хмыкнула ведьмочка и сунула мне под нос нечто, отчего по нервам прошла неприятная волна, а я не смогла сдержать чихание. – Просыпайся, старшие ждут, – сказала она и зашуршала чем-то. - Так и знала, что понадобится. Ты даже не представляешь, каких усилий мне стоило его добыть. Отчего-то ни леди Марла, ни леди Кондида, ни даже госпожа Теравер, успевшая понаблюдать за вами, не верила, что я прошу зелье не для себя. - С звучным чпоком пробка вышла из горлышка, знаменуя победу ведьмы над бутылкой. - Три глотка, больше – не стоит, а то свалишься потом на сутки, – предупредила Мали, тоже зевая.

Отпив два глотка – не рискнула приближаться к порогу, я протянула откупоренную бутылочку ведьмочке, но там лишь головой покачала.

– Себе оставь. Я же сказала, что для тебя беру. У меня увидят – подумают, что обманула. - И она вновь зевнула, вызывая во мне муки совести. Сама я чувствовала, как силы наполняют мое тело, изгоняя все намеки на усталость. Неожиданно захотелось отправиться на пробежку, благо полная луна давала достаточно света, чтобы не сломать ноги на утоптанной дорожке.

– А куда мы пойдём? - спросила я, подрываясь и с удивлением обнаруживая себя не в глухом платье, в котором считала монеты, а в нижней рубашке, что была под ним. Покраснела, предположив, кто мог меня раздеть в отсутствие слуг, но предпочла промолчать, благо и Мали сделала вид, что не заметила, как я покраснела.

– Держи, переоденься. И волосы заплети.

Она протянула мне сверток. К счастью, там оказалось не очередное платье, а мужские брюки, которые мне пришлось подвернуть, и рубашка. К счастью, ибо к окну была приставлена лестница, по которой Мали забралась в комнату, а теперь нам предстояло ее покинуть.

Первой спускалась ведьмочка, демонстрируя, что ничего сложного в подобном спуске нет. Вздохнув и напомнив себе, что не полагается выпускнице Вальеха трусить, я последовала ее примеру, благо во время моего спуска лестницу уже держали.

– Ты такая медленная, - заметила ведьмочка недовольно, но, видимо, вспомнила мой рассказ о тетушке, школе и каникулах, и

протянула: – Я бы с тобой позанималась, но для замужней дамы это будет непозволительным ребячеством.

– Если найдутся свидетели, – поправила я ее. С каждой минутой мое настроение все улучшалось. И если поначалу я хотела просто бежать, то ныне моя кипучая энергия обрела направление – хотелось бежать и обнять Мали, Ларин, леди Марлу, Рен-ши... да хоть бы кого, кто был ко мне добр.

– Кажется, тебе и двух капель было многовато, – задумчиво протянула Мали. – Но чего уж теперь.

Я пропустила ее слова мимо ушей, спрыгнув с последней ступеньки и приземлившись одновременно на обе ноги.

– Не увлекайся, – попросила Мали, ненавязчиво беря меня за руку и уводя в сторону домика для слуг – белого пятна на фоне мрачного леса, у начала которого он стоял. Впрочем, я очень быстро отвлеклась от разглядывания контрастного пятна, переведя взгляд на кое-что более близкое, аккуратно приставленное к стене дома и вызывающее во мне жгучее любопытство вкупе с предвкушением.

– Со мной полетишь, – несколько уменьшила мой восторг Мали, перехватывая метлу за древко. – Здесь в отличие от столицы воздушные коридоры заказывать не нужно. А если бы и нужно было, – ведьмочка с любовью провела по лакированной поверхности, – главное лететь аккуратно. Или напротив, – Мали усмехнулась, – неаккуратно, но быстро.

– А она нас выдержит? – на секунду засомневалась я, больше беспокоясь за дорогую подруге вещь, чем за собственную сохранность. Определенно, зелья, даже самые, казалось, безобидные, пить не стоит.

– Вряд ли ты весишь больше двух центнеров, – хмыкнула ведьмочка, напряженно о чем-то думая.

Скорее всего ее мысли занимал вовсе не мой вопрос, а творимое колдовство. Для таких недоучек как я – недоступное, но для опытных ведьм, контролирующих свою немаленькую силу, – вполне осуществимое. Потому я не удивилась, когда метла зависла в воздухе, чуть ниже уровня моей талии. Тут уж стало понятно, почему для «побега» Мали принесла мне мужские штаны, да и сама ныне демонстрировала стройные ноги, – в платье, да на метле... тут уж любой сук может стать причиной незапланированного изменения курса.

– Забирайся. - Мали кивком указала на метлу и, дождавшись, пока я перекину ногу через древко, устроилась сзади, обнимая меня за талию. Чуть наклонилась, дотягиваясь до вспыхнувших от ее касания букв на древке, и метла начала набирать высоту. Как и мое любопытство.

– И леди Кондида тоже?..

– Нет, - верно поняла мой незаконченный вопрос Мали. - Леди летает не как колдуны, а как и положено леди, перекинув ноги в одну сторону и демонстрируя гордой профиль, устремленный по ходу движения. Не слишком удобно, зато соответствует статусу. Правда, - ведьмочка понизила голос, – до меня доходили слухи, что в Билене начали изготавливать ступы. Чтобы леди не приходилось демонстрировать ноги, да и для безопасности полетов. Ступа такую скорость, как метла, не развивает и при столкновении удар приходится не в одно место, а по всей площади. А то и вовсе обходится без потерь: это с метлы защитные чары только так слетают: скорость берет свое. Так что тебе на первое время лучше ступу брать, – подытожила Мали, выравнивая полет.

Я кивнула, отмечая про себя, что траты предстоят немалые. Все, к чему прикасалась рука одаренного, повышалось в цене в разы, даже неудачные экземпляры, которыми торговали при академии и которые с охотой покупали девочки-пансионерки. Разумеется, речь не шла о чем-то боевом, а вот условно безопасные изделия факультета алхимиков найти можно было практически в каждой комнате.

– Далеко нам лететь? - громко, чтобы перекрыть шум ветра в ушах, спросила я.

– Это пешком далеко, - рассмеялась Мали. – Будем через четверть часа, если не торопиться, – заверила она и замолчала, давая мне в полной мере ощутить полет. Со свистом в ушах, с удивленной совой, чуть не познакомившейся со мной поближе, но в последний момент изменившей направление и сердито ухнувшей нам в след, с ветром, так и норовившим растрепать мои волосы, но не одолевшим тугую ленту. А еще было небо, усыпанное миллионами ярких искорок, словно кто-то, вдоволь поиграв с котом, накинул испещренный метками темный платок на ночник.

Мы пошли на снижение неожиданно. Еще не показалось ни крыши домов, ни очертания вырубленного в лесу тракта, а древко метлы

уверенно указывало путь к земле.

Я покрутила головой, пытаюсь разобраться, куда мы прилетели, но ничего запоминающегося, кроме покосившейся ели не нашла. Да и сама ель стояла в окружении таких же, разве что чуть более стройных товарок. И ничего больше. Тишина, ночь, аромат леса и едва уловимый шорох покидавшей поляну мыши.

– Где это мы?

– Вертамский лес. Это за Грастином, на лошади не меньше часа, – откликнулась Мали, оглядывая метлу и гася руны. – Идем, мы немного задержались, но, думаю, тебя простят.

Я напряглась, но послушно последовала за ведьмочкой. До сих пор у меня не было причин ей не доверять, и мрачный еловый лес, в который по бытовавшим среди простых людей поверьям ходить следовало лишь для продажи души, не должен был стать новым поводом. По крайней мере, я очень на это надеялась.

– А здесь нет змей? – шепотом уточнила я, стараясь ступать след в след за Мали. Ведьмочка обернулась, и луна осветила ее лицо. Насмешливое, с какой-то диковатой, незнакомой мне прежде ухмылкой, и глаза... их словно не было – одни лишь темные провалы.

– Есть, конечно, – откликнулась она и добавила: – Но они боятся нас больше, чем мы их. Знаешь, сколько всего можно приготовить из гадюки? Никакая трава тебе такого простора не даст, – мечтательно прикрыла глаза Мали. – Ползите к нам, гады болотные да подколотные, твари ползучие да кусучие... – Ведьмочка потрянула головой, словно вспомнила о чем-то, и с сожалением вздохнула: – Нет, сейчас не время, – разочарованно протянула она и ускорила шаг. Мне не оставалось иного, как забыть об осторожности и бежать за ней, благо обувью меня тоже снабдила ведьмочка, потому обошлось без высоких каблуков, узких колодок или широких горловин.

Момент, когда мы пересекли невидимую защиту, стал последним, когда мои уши еще могли уловить шорохи, ибо в следующую секунду я закрыла их руками, спасаясь от оглушительного рева горна, выдавшего собравшимся наше присутствие. Мали отскочила в ту же секунду, не желая участвовать в общей церемонии приветствия, а я... у меня даже шанса уклониться не было, оказываясь в окружении знакомых и одновременно чужих лиц.

Чьи-то руки, крепкие объятия, похлопывания по плечу, легкие поцелуи в щеку, удачные и не очень попытки вырвать у меня пару волос, радостные крики и степенные поздравления – все это, казалось, длилось целую вечность. И когда наконец волна схлынула, я чувствовала себя опустошенной, как никогда прежде, словно бодрящее зелье в один миг утратило свою силу. Ноги подкашивались, и я бы позорно плюхнулась на мокрую траву, если бы не появившиеся рядом Мали и леди Марла, подхватившие меня под руки и посадившие куда.

Судя по тому, что с моего нового места открывался вид на всю поляну, место было явно почетным, но мне, признаться, было не до торжества.

– Еще немного потерпи, - шепнула мне леди Марла, сжимая мое плечо. Я безвольно кивнула, переводя взгляд с нее на непривычно одетых ведьм. На них не было ни корсетов, ни нижних юбок, ни каких-либо украшений – только хлопковые платья, широкие, подпоясанные на талии обычными тонкими веревками. И все до одной – босые, с распущенными волосами. Даже Мали успела где-то переодеться, хотя скорее – раздеться, сменив брюки на такое же платье, как и у остальных участников мероприятия. Разве что веревка на ее поясе была черной, чего больше себе никто не позволил.

Остальные тем временем по очереди подходили к строящейся прямо на глазах башне, складывая в общую кучу принесенный хворост или полноценный брусочек. Наконец последняя из ведьм внесла свою лепту и отошла, занимая место в круге, а я как-то неожиданно осталась одна: и Мали, и леди Марла уже стояли в общем кругу, оставляя его разомкнутым. Для меня?

Мали перехватила мой вопросительный взгляд и кивнула в сторону сложенной башни. Они все чего-то ждали, не сводя с меня взглядов, и я поднялась со своего «трона». Неуверенно, не зная, правильно ли поступаю, но решив довериться интуиции и Мали, я медленно подошла к будущему кострищу и призвала пламя, в тайне надеясь, что вспыхнувший костер не станет моим погребальным саваном. Впрочем, если верить рассказам леди Марлы и моему скромному опыту – огненную ведьму пламенем не убить. Вот только человек во мне все равно был напуган. И лишь когда затрещали брусочки, когда в темное небо взмыл первый язык пламени, а меня подхватил хоровод, я с облегчением выдохнула. Правда, ненадолго.

То, как развлекались ведьмы, больше не скованные рамками общества, было диким для моего неподготовленного сознания и в то же время правильным. Именно таким и должен был быть шабаш – пьянящим свободой, наполняющим силой и обещающим единство, без сословных рамок, без оглядки на чужое мнение, где жена мэра, наследница королевской крови, почтенная дама в возрасте сбрасывает с себя все ограничения, выплясывая под рваные ритмы бубна, а после прыгая через чуть поухший костер.

Я и сама через него прыгала, чувствуя, как пламя лижет уже босые пятки. На каком круге на меня нахлобучили платье, а в руку сунули красный шнурок, я не помнила. Сила вновь переполняла меня, требовала кричать и танцевать, в круге таких же, полных безудержной энергии девушек и женщин, совсем юных и умудренных сединами, но словно растерявших их все в процессе общего танца.

Лишь с первыми лучами солнца дикие пляски, сотрясавшие поляну, стихли, и девушки упали прямо на вытопанную землю, более опытные дошли до края поляны, где заранее были расстелены покрывала.

А я лежала на влажной траве, держа за руку Мали и с тоской смотрела в небо. Ночь кончилась, оставляя на прощание лишь воспоминания и повязанную мне после четвертого прыжка через костер ленту «Лучшая ведьма года». Как пояснила хохочущая Мали, то была награда за самое быстрое исполнение священного долга.

Увы, я не чувствовала себя достойной награды. Скорее это было символом обмана, немым укором, видеть который мне было тяжело, но и избавиться от которого я не смела.

ГЛАВА 21. Новые обстоятельства

Как я оказалась в поместье, память отказывалась подсказывать. Лишь поделилась кратким намеком, в котором сонный взгляд цепляется за знакомую фигуру, а нос ловит знакомый запах. А после – белый потолок имения, изрядно посеревших в предзакатных сумерках, и чье-то тихое дыхание. Стоило мне пошевелиться, ему на смену пришел стук отодвигаемого кресла и звон от встречи чашки с блюдцем.

– Вам уже лучше? – Мартин присел на край кровати. Длинные пальцы ухватили меня за запястье, и мужчина чуть прикрыл веки, прислушиваясь.

– Я долго... спала?

– Весь день. Но меня предупредили, что вы можете проспять и пару дней. Полагаю, это такая месть мужу за то, что посмел претендовать на внимание ведьмы, – усмехнулся Мартин, но, заметив, как от удивления у меня широко раскрылись глаза, уже серьезно пояснил: – В силу своей профессии я осведомлен о многом. Потому для меня не является секретом, что во время ведьминских встреч, шабашей, как угодно было это называть крестьянам, все присутствующие дамы обмениваются не только поздравлениями, но и открывают источники, делясь силой друг с другом и черпая ее из окружающего мира. В первый раз, а, смею предположить для вас он таковым и являлся, очень тяжело сохранить здравость рассудка и выйти из коллективного транса, в который впадают ведьмы, без последствий. Впрочем, судя по тому, что ведьмы стремятся повторять подобные «единения» не реже раза в год, а темные и чаще, вы должны получить что-то полезное после пережитых волнений. – Мартин поднялся, на прощание прикоснувшись губами к моему лбу. – Отдыхайте. Я пришлю служанку, если вам что-то понадобится, не стесняйтесь говорить. Пусть официального представления слугам еще не было, все они знают, кто теперь их госпожа. И еще, – он остановился в дверях, – ваше платье в гардеробной. Его уже привели в достойный вид.

– Спасибо, - вот и все, что я смогла сказать. Мартин кивнул, принимая благодарность,и наконец удалился, оставляя меня наедине со своими мыслями.

Одиночество не продлилось долго. Как он и обещал, служанка постучала в дверь уже через пару минут.

– Госпожа, вы позволите? – Молодая темноволосая девушка замерла на пороге. На ней было черное, доходившее до щиколотки, платье, белый фартук с кружевами, чепчик и натертые до блеска туфли, выдававшие в ней слугу обеспеченного дома.

– Заходи, - кивнула я, откидываясь на подушки. Чувствовала я себя неплохо, но опасения вновь отрешиться от этого мира, заставляли вздрагивать. Глубоко вдохнула и медленно выдохнула, прогоняя наваждение, и, натянув на губы улыбку, попросила: – Помогите мне одеться?

– Конечно, госпожа, - с охотой отозвалась девушка, проشمгнув внутрь, и представилась: – Меня Дженни зовут, но если госпожа желает, то может не запоминать и звать Мэри, как везде.

– Я запомню, - пообещала я, заслужив благодарный взгляд девушки. Да уж, аристократы и подражавшие им зажиточные люди редко опускались не то до разговоров с прислугой, но и до банального запоминания их имен, потому дворецких традиционно именовали Джонами, а служанок Мэри, как бы их ни звали на самом деле. Но для меня это всегда было дикостью. Да, если у тебя работает сотня человек,то запомнить их имена тяжело, но с десятков имен можно и выучить.

– Что моя госпожа желает надеть? - Дженни улыбнулась и, преодолев половину комнаты, остановилась у спрятанной в стене двери. Только ручка выдавала ее присутствие

– А у меня здесь есть из чего выбирать? – удивилась я,ибо не помнила, чтобы успела перевести свои вещи.

– Разумеется. - Дженни обернулась и подмигнула мне. – Еще вчера доставили полдюжины вариантов из «Атласа». Там были ваши мерки, потому хозяин обратился именно туда, распорядившись продублировать то, что вы уже заказывали, но в иной цветовой гамме. Рен-ши обещала исполнить в лучшем виде, и, по ходящим в Грастине слухам, на ее вкус действительно можно положиться, - отчиталась Дженни.

– Можно, - подтвердила я, вспомнив пустынную.

– В таком случае, - напустив на себя неподобающую серьезность, начала служанка, – могу предложить вам платье с корсетом темно-зеленное, без корсета, но с воротником – темно-синее, или домашнее платье в персиковых или розовых тонах.

– Домашнее, на твой выбор, – хмыкнула я, прислушиваясь к шевелениям в гардеробной и выбираясь из кровати. - А господин Клейн один? – неожиданно даже для самой себя, уточнила я, напряженно ожидая ответа.

– Нет, - донеслось из соседней комнаты, а я юркнула в домашние туфли, не желая становиться на холодный пол спальни. - Прибыл господин Морган. И, судя по распоряжению хозяина, он задержится у нас на ночь. Покои для него уже подготовили.

– А сколько слуг прибыло в этот дом?

– Пятнадцать человек.

– Так много... – протянула я, потягиваясь.

– Совсем нет, – рассмеялась Дженни, показываясь в дверях. – Мне рассказывали, что раньше здесь не меньше двух дюжин работало. Но господин Агдор решил, что пока хватит и пятнадцати. А для приемов можно нанять и дополнительную прислугу на пару дней.

– Господин Агдор? - Удивление мое вышло неподдельным. – То есть ты служишь не Мартину?

– Нет, – покачала головой Дженни. - Все слуги прибыли по распоряжению Виктора Агдора. Владельца этого дома.

– Владельца? – переспросила я, зябко передергивая плечами. Проклятие больших домов – вечные проблемы с отоплением.

– Все верно, - спокойно подтвердила Дженни. - Вы не знали?

– Полагаю, Мартин говорил об этом, но я была слишком поглощена мыслями о свадьбе... – пробормотала я первое, что пришло на ум, и отвернулась, чтобы взгляд не выдал моих сомнений в собственных словах.

– О, да, такое событие затмевает все незначительные детали, – мечтательно согласилась Дженни, но быстро себя одернула: – Платье. Давайте уже оденемся, и вы сможете прогуляться по дому.

Я кивнула, соглашаясь. Прогуляться не повредит. В конце концов, во время прогулки всегда можно увидеть или услышать что-то тебе не предназначенное, но очень важное.

Удивительно, но персиковое платье мне подошло. Я не стала в нем бледной немощью, как это часто случалось, а напротив – на коже словно появился румянец, а в глазах искорки жизни. Возможно оттого, что наряд не сковывал движений, но подчеркивал фигуру, и отражение в зеркале не могло меня не радовать.

– Господину Клейну так незаслуженно повезло! – всплеснула руками Дженни.

– Вы давно знакомы? - ухватила я за возможность узнать о Мартине чуть больше.

– Мы – нет, но он довольно давно работает на хозяина. Раньше, правда, обходился своими силами, но раз ему в помощь отправили господина Моргана, дело действительно важное. - Заметив, как я изменилась в лице, Дженни спохватилась: – Да вы не переживайте. Господин Клейн справится, и хозяин подарит вам этот дом. Или другой. За верную службу господин Агдор никогда не жалеет награды, а уж тут...

– Что тут? Дженни, милая, - я взяла девушку за оба запястья, - мне нужно знать. Я хочу помочь своему мужу, а он такой человек, – притворно вздохнула, – что не хочет меня лишней раз волновать. Но я и так волнуюсь. Даже больше.

Девушка замялась. Было заметно, что она раздумывает: делиться хозяйскими секретами для нее было пусть и привычно, но не с посторонними. И я поступила дурно: дала одинокой слезинке скатиться по щеке.

– Ну не плачьте. - Служанка вырвала свои руки, и теперь уже она держала меня за плечи. - Слуги многого не знают, но из того, что удалось услышать: ваш муж должен повлиять на горожан и помочь им осознать необходимость железной дороги. Это ведь на самом деле очень хорошо. У нас так много неодаренных, а страна такая большая, что и за неделю порой не доберешься. А господин Агдор хочет сделать путешествия доступнее. И, уверена, все очень быстро поймут, какая это хорошая идея. Из Вилькоста в Лорид уже с полгода ходит два вагона, и, я слышала, собираются еще три добавлять. Спрос растет, просто нужно дать людям убедиться, что это быстро и безопасно. Но наши традиции... они мешают прогрессу.

– А господин Агдор и есть прогресс.

– Верно. - Дженни обрадовалась, будто я озвучила ее мысли. - Работать на него – большая честь. Но вы сами все поймете, когда с ним познакомитесь. Как жена его сотрудника, вы сможете с ним встретиться.

– Очень жду этого момента, - подхватила я, мысленно вздрагивая от чрезмерной, как мне казалось, активности Дженни. Она любила хозяина слишком пылко для обычной служанки, но веских причин заподозрить ее в связи с незнакомым мужчиной у меня не было.

– И она обязательно состоится. - Дженни наградила меня многообещающей улыбкой, которая, впрочем, быстро схлынула, когда девушка о чем-то вспомнила. – Я бы вам показала его портрет, но в этом доме нет ни одного.

– Очень жаль, - согласилась я и, глубоко вдохнув, попросила: – Не могла бы ты сходить на кухню и распорядиться об ужине для меня.

– А куда подавать? - тут же вспомнила о своих обязанностях служанка.

– Сюда.

– И вы не присоединитесь к мужу за ужином? – удивилась Дженни.

– А разве они не заняты делами?

– Заняты, но ужин приказали подавать в столовую. Как говорит хозяин, кабинет – не лучшее место для трапезы.

– Слишком много забот навевает? – предположила я, но Дженни была более прагматична, либо таким был господин Агдор, которого она не забывала вспоминать:

– Слишком легко отравить.

– Мне казалось, все иначе. В столовой больше возможностей подать отравленное блюдо.

– Подать – да, но разве хоть кто-то из господ не носит с собой артефакты? Особенно намереваясь разделить трапезу с деловым партнером? В кабинетах слишком много посторонней магии, еще больше предметов ее блокирующих, потому отравить посетителя или хозяина дома, подсыпав ему что-то или подав отравленный напиток гораздо легче, чем в столовой. – Дженни с тревогой посмотрела на меня. - Никогда не соглашайтесь есть с кем-то в кабинете. Пообещайте, госпожа!

– Обещаю, - поспешно сказала я, внутренне вздрогнув. И ведь верно, никто кроме леди Марлы не угощал меня едой в кабинете. Правда, в случае ведьмы, мы перекусывали сдобой в ее лаборатории, да и травить меня она не собиралась. Тогда, да и сейчас, любой из ведьм это было бы легко проверить. Не с моим начальным, если можно себе так польстить, магическим образованием было противостоять желаниям обученных одаренных.

Я потеряла шею и с радостью поняла, что защитный амулет, подаренный Мали, все еще при мне. Неужели Мартин надел? Или ведьмы, передавая с рук на руки непутевую свою подругу, позаботились? В любом случае, в груди потеплело, а на губах сама собой появилась улыбка. Словно в ответ на мою радость, кулон нагрелся, согревая мои холодные пальцы своим теплом.

– Проводить вас в столовую? - предложила Дженни, терпеливо ожидая, пока я вновь вспомню о ней. От повисшей неловкости я смущенно покраснела и тихо проговорила:

– Все в порядке. Я помню дорогу. И после ужина ты можешь быть свободна. Твоя помощь не потребуется, - сказала я, подумав и поняв, что смогу снять платье и расчесать волосы самостоятельно. Но, судя по хитрой усмешке, промелькнувшей на губах Дженни, она подумала вовсе не о моей самостоятельности. Щеки вмиг налились краской, и я торопливо отвернулась, чтобы не потерять лицо окончательно. Все же слугам не стоило быть свидетелями слишком много, хотя и утаить от них даже самую малость было делом почти невыполнимым.

Присев в книксене, Дженни еще раз наградила меня лукавым взглядом и все же оставила наедине с самой собой. Пару минут я только и делала что вдыхала и выдыхала, восстанавливая душевное здоровье и, лишь убедившись, что лицо перестало меня выдавать, вышла из комнаты.

В коридоре стояла оглушительная тишина, но, несмотря на сумерки за окном, в доме не было и следа полумрака. Осветительные шары, уже напитанные магией, дарили пространству теплый, мягкий свет. Выставленные с равными промежутками высокие кованые горшки с домашними растениями отбрасывали причудливые тени. На стенах, пустых когда мы осматривали дом, уже висели картины. Старые, если не сказать древние, рамы заботливо оберегали вверенные им произведения искусства. Едва ли они были куплены за последние

пару дней – скорее извлечены из запасников самого дома. И, если принять идею, что дом на самом деле не продавался, а лишь передавался во временное пользование Мартина, пусть и таким экстравагантным способом, давая господину Клейну продемонстрировать свою материальную обеспеченность, то выбор именно этого поместья становится легко объясним. За остальные дома пришлось бы платить, а этот – был готов принять «молодоженов» в тот миг, едва в нем появится надобность.

Мои раздумья нарушил звон посуды. Едва слышный, такой, что не утопай коридор в тишине, я не различила бы ни звука, но ныне едва не вздрогнула. Сжала кулачки, приходя в себя, и, бросив быстрый взгляд на полотно, судя по манере письма, двухсотлетней давности, пошла на звук.

Столовую оказалось найти легко. Туда то и дело сновали слуги, а из самой комнаты доносились приглушенные голоса.

– ...ты дал ей клятву? Не слишком ли это большое расточительство? - Голос господина Моргана нельзя было спутать ни с одним другим. Осуждающие нотки в нем чередовались с лукавым намеком, словно в тайне Эльтран одобрял, а то и подзуживал собеседника поступить наперекор своим же словам.

– Не хочу в своем доме войны, - устало отозвался Мартин. – В конце концов, ты сам хвалил мою жену, так отчего я не должен воспользоваться выпавшим на мою долю счастьем.

– Как бы твое счастье не стало твоим проклятием, - заметил его собеседник и замолчал, словно специально давая мне возможность воспользоваться повисшей паузой и заявить о своем присутствии.

Полуоткрытая дверь даже не скрипнула, когда я толкнула ее вперед. Мужчины, уже стоявшие и, верно, ожидавшие моего появления, учтиво кивнули.

– Рад видеть вас вновь, леди Рин. – Блондин первым шагнул в мою сторону и, перехватив ладонь, запечатлел на ней поцелуй. Именно поцелуй, на проявление обычной вежливости его действия не походили. Но я смотрела только на мужа. На то, как мрачнеет его лицо, как в глазах появляется непонятная мне тоска и как он отворачивается, не желая наблюдать за своим гостем.

– Госпожа Клейн, - поправила я, забирая ладонь из мягкого плена. - Я вышла замуж. Вы, верно, лучше иных осведомлены о причинах, и

пользоваться своим прошлым статусом для меня более неприемлемо.

– Все так, - согласился блондин, но на мгновение в его глазах мне почудилась насмешливая улыбка, будто он знал больше, чем говорил. – Но позвольте мне по старой памяти обратиться к вам по–прежнему. Слишком уж вы запали в мою душу, леди Рин.

– Будто она у тебя есть, – вмешался в разговор Мартин, словно принимая для себя какое-то решение, подошел ближе и подал мне руку. - Моя дорогая супруга, позвольте за вами поухаживать.

Как бы между прочим, господин Клейн плечом отодвинул не желавшего покидать мое личное пространство блондина, вызвав у последнего покровительственную улыбку. Пассаж про отсутствие души господин Морган, видимо, решил собеседнику простить. Либо не счел нужным спорить. Мне отчего-то показалось, что второй вариант больше походил на истину, ибо я верила, что при желании Эльтран Морган может даже короля убедить в его полной несостоятельности.

– Благодарю. - Я кивнула мужу и позволила увести себя к столу, где уже были выставлены приборы на троих. – Дженни успела сообщить, что я собираюсь к вам присоединиться?

– Нет, но втайне мы надеялись, что вы почтите нас своим визитом, – вновь вмешался Эльтран, занимая место напротив моего. Мартину пришлось сесть во главе стола, но почетность места очевидно не могла компенсировать ему отдаленность от нас с гостем.

Хмыкнув, мужчина подхватил свой стул и, заставив слуг замереть от изумления, обошел стол, останавливаясь рядом со мной.

– Я обещал поухаживать за вами, моя дорогая, - пояснил свой поступок Мартин, ожидая, пока слуги переставят приборы. – Оттуда я не смог бы уделять вам должного внимания. Не сочтите нарушение этикета грубостью...

– Я все понимаю, – оборвала его я, накрывая ладонь мужа своей и кивая. От меня не укрылось, что наш гость, не дожидаясь предложения, налил себе вина и теперь цедил его, поглядывая на развернувшееся перед ним представление с видом бывалого критика.

К счастью, всю нашу трапезу господин Морган хранил молчание, что, правда, не мешало ему смотреть на нас столь выразительно, что, казалось, даже мои уши покраснели. И ведь блондин должен был быть осведомлен о реальном положении дел.

– Пожалуй, на сегодня закончим с делами, – заявил гость, поднимаясь и небрежным жестом бросая салфетку на спинку стула.

Он уходил не оборачиваясь, но ни у меня, ни у Мартина не возникло желания его остановить. Напротив, мы оба словно ждали, пока господин Морган покинет комнату, чтобы посмотреть друг на друга. Чего в моем взгляде было больше – неловкости, смущения или непонятого томления после выпитого вина, а может и не вино было тому причиной – мне было не суждено узнать, поскольку все мысли вылетели из головы, едва муж, - я медленно выдохнула, мысленно произнеся про себя это слово, – перехватил мой взгляд. И воспоминание о поцелуе, мягком, нежном, сменилось ощущением сладости на губах, когда Мартин подался вперед. А может я шагнула к нему первой... Увы, о том, кто сделал этот первый шаг, мы оба больше не помнили.

ГЛАВА 22. О новом статусе и устройстве на работу

Утро ворвалось в спальню внезапно, легким, но настойчивым ветерком раздвинуло шторы, освобождая себе путь, и, настойчиво лизнув мои закрытые веки, прочно обосновалось в комнате. Мне не хотелось вставать. Казалось, прошло всего пара часов с того момента, как моя голова коснулась подушки, но летнее – уже летнее! – солнце было неумолимо. Как, впрочем, и Дженни, заглянувшая в комнату. И пусть лицо ее было, как и положено служанке, нейтральным, глаза хитро улыбались, словно она знала больше, чем следовало, о минувшей ночи.

– Мартин? - Мой первый вопрос неожиданно касался именно мужа.

– Господин Клейн вместе с господином Морганом уехали час назад. Ваш супруг распорядился вас не будить, - отчиталась Дженни. - Прикажете подавать завтрак сюда или спуститесь в столовую?

– Сюда, - помедлив, попросила я, чувствуя себя странно. С одной стороны, мне не хотелось смотреть Мартину в глаза после того, что случилось ночью. Я боялась, что не смогу выносить его взгляд как прежде спокойно. Хотя, если не врать самой себе, мне и раньше было не просто удерживать лицо, когда господин Клейн смотрел с лукавой, искушающей улыбкой человека, прекрасно понимающего, как я на него реагирую. С другой стороны, отсутствие мужа рядом порождало сомнения, было ли произошедшее между нами чем-то важным не только для меня? Или для господина Клейна вся наша ночь стала обычной рутинной, необходимостью на пути к его цели, досадной помехой, устранить которую следовало в кратчайшие сроки.

Я отвернулась, не желая видеть ни понимания, ни сочувствия в глазах Дженни. А в памяти предательски всплыл немой вопрос Мартина, замершего на миг, отстранившегося, лишившего меня своего тепла и молча смотревшего долгим, напряженным взглядом. Его хриплое, сорвавшееся на бег дыхание, и полный мольбы взгляд, обещавший все удовольствия мира за одно только слово.

– Да, – шепотом сорвалось у меня с губ, и больше я не могла думать ни о чем, кроме его прикосновений, рождавших внутри уже знакомое, но ещё никогда не испытанное до конца блаженство. И боль, прорезавшаяся внутри волны удовольствия, но погребенная под ней же...

Я бросила беспомощный взгляд на постель, понимая, что та ещё хранит свидетельства минувшей ночи, и размышляя, как лучше избавиться от внимания Дженни и...

– Моя госпожа, все в порядке. - Девушка появилась в поле моего зрения и опустилась на колени, глядя на меня снизу вверх. - Вы не должны ни о чем переживать. Лучше идемте в столовую, или в гостиную. Посмотрите подарки.

– Подарки? - недоуменно протянула я, под давлением Дженни, отвлекшись от смущающих мыслей.

– Подарки от вашего супруга, – повторила девушка и заговорщицки подмигнула. - Если что-то не понравится – можно вернуть. Я распорядилась, чтобы бирки не срезали, а чеки не выбрасывали. Цветы, правда, вернуть не выйдет, но, если вы пожелаете, можем их выбросить в окно. Господин хотел, чтобы вам начали их приносить за завтраком, но вы такая грустная, что я не удержалась. Вы уж простите меня и не выдавайте. - Дженни взяла мои руки в свои. - Всеми богами вас заклинаю. Обещайте, что не выдадите меня господину.

– Обещаю, - не смогла отказать я настойчивым просьбам Дженни. Особенно, когда та о богах заговорила. И пусть я не слишком верила ни в Милосердную Мать, ни во Всепрощающего Отца, ни даже в их отпрысков, не хотелось переходить им дорогу, ежели они существуют.

– Благодарю премного, - с деланным облегчением выдохнула Дженни и по-деловому осведомилась: – Идем смотреть подарки?

Шансов отказаться у меня не было. Ни единого. Не тогда, когда служанка, видя мою нерешительность, распахнула дверь в коридор во всю ширь и грозно возопила: «Несем все сюда!». Розовое платье, отвергнутое мною накануне, пришлось как нельзя кстати.

Гостиная утопала в цветах. Были здесь и алые розы, и белые, и нежно-розовые, и темно-фиолетовые, практически черные, считавшиеся одними из самых дорогих. Утонченные лилии соседствовали с хрупкими тюльпанами, а пионы спорили своей

пышностью со ставшими привычными мне гортензиями. Вот только стоя посреди всего этого цветочного великолепия, я чувствовала мучительную боль в сердце. Я чувствовала себя одним из этих же цветов, купленных и поставленных в вазу, чтобы дарили мимолетную радость покупателю.

– Госпожа, - тихо позвала меня Дженни, и я поспешила смахнуть непрошенные слезы. - Господин просил перед вам лично в руки, - серьезно сказала девушка и протянула мне небольшой букетик полевых цветов. Ромашки, зверобой, васильки – где только они нашлись? - перевязанные простым шнурком, они вызвали у меня улыбку. - Ваш муж сам их собиралась, - поделилась секретом Дженни. – Старый Дик все видел. Он у нас от бессонницы страдает, вот и заметил, как господин Мартин в лес пошел. Сам. Даже господина Моргана с собой не взял, хотя тот и набивался в компанию, - не без мстительного удовлетворения заметила Дженни. – Те цветы, - она кивнула на розы, - господин Морган заказал. А ваш муж букетик лично собирал. И, видели бы вы, как они друг на друга рычали... Давно таких страстей между этими двумя не видела, оба как зелья какого выпили и до сих пор успокоиться не могут. Только когда Варта – повариха наша – с кухни вышла и пригрозила на обоих ведро колодезной воды вылить и вас разбудить, замолчали оба и уехали, чтобы сон ваш не тревожить. - Я с сомнением покосилась на разошедшуюся в откровениях служанку. – Так оно и было. Богами клянусь, – заверила меня Дженни. Правда, хитрое выражение ни на миг не покинуло ее лица. – Извольте здесь позавтракать или в столовую пойдете?

– В столовую, – отозвалась я, оглядывая заполонившие гостиную цветы, и вдохнула мягкий аромат полевых цветов. Именно их я, прижимая букетик к груди, вынесла из пахучего ада, в который превратилась комната.

– А после прикажете подавать экипаж? - то ли подсказала, то ли предложила Дженни, отодвигая для меня стул. - Господин велел передать, что открыл на ваше имя счет в банке, а это... – передо мной на стол лег туго набитый кошель, - на мелкие расходы. Господин сожалеет, но к обеду вернуться не успеет, потому надеется, что вы сможете провести время по велению сердца и не будете скучать в его

отсутствие. – И почти без перехода: – Так я распорядюсь подготовить экипаж?

– Распорядись, – согласилась я, да и кто бы устоял под напором суевающейся Дженни.

Впрочем, бедного кучера можно было и не тревожить. Едва последний кусочек сырника исчез с моей тарелки, Дженни, отлучившаяся по знаку одного из слуг, вернулась и объявила, что к нам прибыла нанести визит леди Астельгейт и ожидает в гостиной.

Несколько секунд потребовалось мне, чтобы вспомнить, кто скрывается под этим именем, но стоило сообразить, как столовая тут же осталась позади, а я влетела во временный склад цветов, желая спасти оттуда во что бы то ни стало мою дорогую Мали. Впрочем, судя по ее отсутствию там, ведьмочка предпочла спасти себя сама и громко кашлянула из холла, привлекая к себе внимание.

– Как ты? – прошептала Мали, обнимая и приныкая к самому вжбежбб моему уху.

– Все хорошо, – дежурно ответила я, возвращая ведьмочке крепкие объятия. И уже громче добавила: – Я так рада, что ты приехала!

– Встретила твоего мужа, – усмехнулась Мали. – И он очень просил развлечь тебя в свое отсутствие.

– А где вы встретились? – Мои брови удивленно вздернулись, хотя ответ ведьмочки оказался вполне закономерным.

– Дома у леди Кондиды. Господин Клейн с самого утра обсуждает дела насущные в компании мэра и своего юриста. Судя по кислой mine на лице лорда Эдингтона, он бы рад избавиться от гостей, но жена не велит – приходится слушать и внимать. А там... – Мали поджала губы. – Думаю, он сможет протолкнуть свои идеи. Теперь, когда ему благоволит наша леди... – Ведьмочка задумчиво посмотрела на меня. – Ваш брак для него – прямо подарок богов.

– Наверное, – пробормотала я, испытывая острый приступ стыда. О тетушке и причинах, побудивших меня сбежать из столицы, я ей рассказала, а о нашем с Мартином договоре – промолчала. Да и как я могла сказать об этом, если по контракту не должна была распространяться об истинных причинах, да и ведьмы хотели от меня того же, что и господин Клейн. А потому я перевела тему: – Ты уже завтракала?

– Разумеется. Моя леди решила, что теперь, когда твоя личная жизнь устроена, следует заняться моей. И занялась. – Мали тяжело вздохнула. – Теперь каждое утро меня будит служанка и под бдительным оком моей леди я совершаю утренний моцион вокруг дома в количестве нескольких десятков раз. Не самое приятное действие по утрам, но кто меня спрашивает? – пожаловалась Мали, но выглядела при этом довольной донельзя.

– Никто, – сочувственно вздохнула я и попросила: – Покажешь мне, где работает супруг леди Дилары? Кажется, под его началом мне обещали работу?

– Ты так хочешь работать? – притворно удивилась Мали, но взгляд у нее был серьезным.

– Да, я хочу иметь что-то свое в этом доме, а для этого нужны деньги.

Ведьмочка согласно кивнула.

– Тогда поехали. Представлю тебя лорду Эшану, – решительно заявила Мали и добавила для выглянувшей из столовой Дженни, старавшейся не выпускать меня из виду, но и не подходившей близко к темной ведьме: – Ваша госпожа уезжает в город. На обед и ужин не вернется. Распорядитесь прислать экипаж к шести, к городскому дому лорда Эдингтона. Это рядом с ратушей.

Дженни молча кивнула. Она вообще стала на редкость неразговорчива с самого появления ведьмочки. Словно опасалась сказать лишнего. И Мали нервозность служанки видела: слишком задумчивым был взгляд, каким ведьмочка провожала Дженни.

– С ней что-то не так, – сказала Мали, когда я переоделась в выходное темно-зеленое платье и мы покинули дом.

За окном потянулись начавшие расцветать поля.

– Тебе так показалось?

– Да, – кивнула ведьмочка, задумчиво глядя куда-то поверх моей головы. – Но это могут быть последствия клятвы. Не обязательно заключать сделку с демоном, чтобы в ауре был такой след. Но чем-то она мне не нравится. Разумом мне сложно это понять, но чувства вопят во всю мощь, словно твоя служанка покусилась на мое, хотя я впервые в жизни ее вижу. Где господин Клейн их только нашел?

Я пожала плечами, не решаясь рассказать Мали о подоплеке выбора дома.

– Впрочем, это неважно. Но, - ведьмочка посмотрела на меня серьезно, словно размышляла, можно ли мне доверять, - если заметишь за ней что-то странное, сообщи мне. Интуиция темной ведьмы – не пустой звук, и я привыкла на нее полагаться.

– Обещаю, - вздохнула я и приоткрыла часть правды: – Дженни говорила, что они служили прежнему хозяину этого дома. Возможно, Мартин просто обратился к нему за рекомендациями и нанял часть слуг. Они уже работали в этом доме и лучше иных знают о его плюсах и минусах.

– Может и так. - Мали поджала губы. - Но ты все равно не спускай с нее глаз. Она пусть и неодаренная, но и простой человек порой доставляет много проблем.

– Хорошо. Я буду внимательна, - снова пообещала я и отвернулась к окну, благо Мали больше не стала поднимать тему внезапно появившихся слуг, полностью сосредотачиваясь на собственных мыслях. Лишь когда карета, подскочив, въехала в город, ведьмочка моргнула и перевела взгляд на меня, возвращаясь в реальность.

– Куда теперь? - крикнул с козел кучер.

– К ратуше, - приказала Мали, и экипаж выехал на мостовую.

Последний этап нашего пути не должен был занять много времени, и я уже всюду разглядывала знакомые пейзажи, когда сердце пропустило удар. Всего одно мгновение, один рассеянный взгляд, брошенный на шестой дом по улице Текстильщиков, и с моего лица схлынули все краски кроме одной – полотняно-белой.

– Рин? – Мали тут же оказалась рядом, сжимая мою похолодевшую ладонь, а я... я, как зачарованная, смотрела в окошко, хотя за ним уже мелькал совсем другой пейзаж.

– Она здесь, - прошептала я, чувствуя, как дурнота подбирается к моему сознанию.

– И очень об этом пожалеет, - зло выдохнула Мали, впиваясь пальцами в мочку моего уха. Пронзившая тело боль заставила меня вздрогнуть. Ошарашенный взгляд натолкнулся на чужой сосредоточенный, и ведьмочка с облегчением заявила: – Думала, ты в обморок упадешь. Так побледнела...

– Мне могло показаться, - пробормотала себе под нос, не слишком, Впрочем, веря собственным словам.

– Могло, – поддержала Мали, но, судя по интонации, она тоже не верила в такие совпадения. - Думаешь,твоя леди Шарлотта пожаловала?

– Я не знаю. И я бы многое отдала, чтобы ошибиться...

– А и не надо ошибаться, – с неожиданной яростью оборвала меня Мали. - Пусть приходит.

– А если она не одна? – Во мне говорил страх.

– Еще лучше, - заявила Мали,и даже я немного прониклась ее уверенностью. - Матушка ту ведьму не знает, значит, либо пришлая – и правила нарушила, либо самородок – тут уж учить надо своим не пакостить. В любом случае, я в своем праве. Пусть только что-нибудь утворят, в Грастине – мы закон и порядок. Ведьмы своих не отдают! – закончила ведьмочка. И очень вовремя.

Экипаж остановился у самых ступенек ратуши. Лучшего места для выхода найти было просто нельзя, да и останавливаться здесь надолго – тоже. Разумеется, если вы не прибыли в экипаже мэра и он сам не ваш дражайший родственник. Стражник, подскочивший было со своего места, чтобы прикрикнуть на наглецов, едва разглядев герб,тут же вытянулся по струнке, перехватив пику неудобно, зато эффектно – на манер штандарта. Впрочем, когда из экипажа показалась Мали, первой соскользнув на ступени, стражник с облегчением выдохнул и чуть не уронил нависавшую над ним пику, но вовремя успел ее перехватить.

– Идем. - Ведьмочка потянула меня ко входу, не давая возможности разглядеть вспотевшее лицо стражника под шлемом. Зато я успела заметить грубо сколоченный табурет, на котором страж, вероятно,и проводил основное время пребывания на посту. Оно и правильно, когда опасность постучит в твои двери, нужно быть готовым отразить удар, а не искать зелье для растирания затекших конечностей.

Второй этаж ратуши навевал воспоминания,и я порадовалась, что путь наш лежал не в сторону комнаты для невесты, а в совсем иное крыло. Здесь нам навстречу даже выскакивали люди, что-то торопливо бормоча себе под нос и пытаясь не растерять по дороге бумаги.

Мали остановилась у грозного вида деревянной двери с золоченной табличкой и, напустив на лицо самую обаятельную из своих улыбок – хотя я бы назвала ее угрожающей, впрочем, если

сравнивать по результативности, обаяния у нее было хоть отбавляй, постучала. Ответа дожидаться ведьмочка не стала, словно знала, что таких вот нерешительных просителей принято было игнорировать, чтобы не утруждать себя дополнительной работой.

Дверь поддавалась легко: на масле в ратуше не экономили, то ли жалея собственный слух, то ли опасаясь проверок начальства, решившего выяснить, куда уходят выделенные на содержание здания деньги. В любом случае, нам с Мали оставалось только порадоваться.

– Леди Астельгейт. – Секретарь с профессиональной сноровкой подорвался с места, даже не расплескав чернил и отточенным движением пристроив смоченное перо на подставку. Стул, отставленный назад, каким-то чудом – опытом, не иначе, – не встретился со стеной. – Чем могу быть вам полезен?

– Лорд Эшан у себя? – Мали легко сменила оскал на дружелюбную улыбку.

– Прибыл четверть часа назад, – отчитался юноша лет двадцати – двадцати трех, вытягиваясь во фрунт, чтобы продемонстрировать и рост, и разворот плеч, и горящий желанием помочь прекрасной леди взгляд.

– И никто так и не занял его внимание? – уточнила Мали, ободрительно взирая на служащего.

– Как можно! Первые полчаса лорд Эшан никого не принимает. Разве что лорда Эдингтона, но тут уж милорд сам навещает уважаемого начальника.

– Понятно, – протянула Мали, поправляя манжеты. – Мы займем несколько минут его драгоценного времени, – то ли предупредила, то ли пообещала ведьмочка и, заглянув в зеркало и убедившись, что по-прежнему хороша, постучала в следующую, уже не такую торжественную, зато окованную железом и снабженную с десятком защит дверь.

– Кого там уже нелегкая принесла?

– Это мы, – игнорируя недовольный тон хозяина кабинета, сообщила Мали, распахивая дверь и являя себя во всей красе. Я даже не удивилась, когда лорд Эшан вздрогнул и, отправив в верхний ящик стола поздний завтрак, торопливо поднялся со своего места.

– Леди Астельгейт, какая честь видеть вас сегодня здесь, – сообщил мужчина, не слишком кривясь при этом, что выдавало в нем

профессионала. – Чем могу быть полезен воспитаннице моего дорогого друга?

– А разве Дилара вам не говорила? - притворно удивилась Мали, кивком головы указывая в мою сторону. – Мы обещали помочь с работой вот этой чудесной девушке. Вы, верно, о ней уже слышали.

– И даже присутствовал на свадьбе, – кивнул лорд Эшан, изучая меня. - Что ж... Полагаю, госпоже следует подобрать что-нибудь несложное, но очень ответственное. Все верно?

– Что-нибудь нужное, – вмешалась я в разговор, пока меня не зачислили на должность второго почетного мухосчетчика.

– Вот как? - Лорд Эшан удивленно вздернул брови. – И работы не боитесь?

– Боюсь, - призналась я и добавила: – Но приложу все усилия, чтобы справиться и оправдать ваше доверие.

– И вам не нужен отдельный кабинет?

– Совсем нет, - подтвердила я.

– И личный секретарь?

– Вы пока не дали мне ни одного задания, с которым бы я не могла справиться самостоятельно.

– Я и заданий вам пока не давал, - усмехнулся лорд Эшан, но было заметно, как от моих ответов морщинка на лбу мужчины разглаживается. - Хорошо. Позовите ко мне Нарта и подождите пару минут в приемной, я отдам распоряжения, и мой секретарь вас проводит. Но, помните, вы сами отказались от простой и незатейливой миссии украшать мою приемную.

– Я запомню, - пообещала, внутренне расслабляясь. Хоть я еще и не знала, куда меня пристроит лорд Эшан, мысль о том, что вся моя «работа» не будет сводиться к подсчету зевков и получения жалованья ни за что, грела душу. Вот только...

– А ваш супруг не будет против вашей работы? – запоздало уточнил лорд Эшан, опускаясь в кресло.

– Нет, - ответила за меня Мали. - Господин Клейн приверженец прогрессивных взглядов.

– Вот как... как бы наш гость не пожалел о своей небрежности, - пробормотал себе под нос мужчина и прикрикнул, явно не рассчитывая на нас: – Нарт, для тебя есть работа!

С беднягой секретарем мы разминулись в дверях, и вид у него был обреченным и отчасти осуждающим. Словно он ждал, что его место вот-вот отдадут кому-то из нас, и внутренне боролся с самим собой, понимая, что сговору высших эшелонов местной власти противопоставить ничего не сможет, как бы усердно ни работал.

– Рин, давай подождем в приемной, пока лорд Эшан решит, куда пристроить твои таланты? Все же чистописанием ты не отличаешься, - сочувственно протянула Мали, успокаивая, не иначе, таким образом бледного секретаря. Его отчего-то мое «несовершенство» обрадовало и даже придало уверенности. По крайней мере, больше он не собирался убивать ни меня, ни Мали взглядом.

– Ты это специально для него сказала? – Я кивнула на закрывшуюся дверь, за которой скрылся бедняга Нарт.

– И для нас. Люди, даже неодаренные, могут проклясть не хуже иного мага или ведьмы. И пусть ты носишь мой амулет, лучше не тратить его силу на глупые обиды, - пояснила Мали, опираясь на край массивного стола, за которым прежде сидел секретарь. Чуть наклонилась, желая рассмотреть, над чем он корпел, но разочарованно вздохнула: – Заговоренная бумага.

– А на обычной в мэрии не пишут? - заинтересовалась я, подходя ближе и тоже изучая оставленное рабочее место. Карандаши и перья – каждое занимало свое место на подставках, чернила все закрыты во избежание случайного проливания гостями, стопка чистых листов ровно на углу стола. Шкафчик с папками первой необходимости стоял закрытым на все замки и артефакты – не придраться. И вот этот человек боялся увольнения из-за одной рассеянной леди?

– Увы, большинство *леди* назначаются на должности за красивые глаза и выдающиеся, – Мали хмыкнула, опустив взгляд в район своего декольте, – способности. Не совсем те, что пристало иметь секретарю, но порой это и не важно. Особенно если *леди* не обделена правильной родословной.

– Звучит, словно о собаках разговариваем, - поморщилась я.

– Когда главное достоинство сотрудника сводится к его родословной, иначе сказать и не получается, – отмахнулась Мали. – Потому радость лорда Эшана вполне понятна. В мэрии не меньше дюжины сотрудниц, и работают из них только две. Ты будешь третьей.

– А остальные?

– Навещают время от времени своих мужей – если речь о ведьмах, или любовников – если вспомнить о Локоне, – не без затаенного злорадства сказала Мали.

– А кто те две, кто работает? - заинтересовалась я коллегами. Ведь если они заходят в ратушу не для пустых разговоров и делают свою работу на постоянной основе, мы обязательно познакомимся.

– Уборщица и архивариус, - поделилась сведениями ведьмочка. – Первой даже лорд Эдингтон боится и никогда, – она особенно выделила последнее слово, - слышишь, никогда не выходит из своего кабинета, когда госпожа Элеонора изволит прибираться.

– А вторая?

– Госпожа Кларисса, с этого дня ваша начальница, - вмешался в беседу довольный, как после выдачи довольствия, Нарт, появляясь в дверях и стирая капельки пота со лба. - Мне приказано вас проводить и помочь устроиться, – деловито начал парень, но стоило двери за его спиной закрыться, как он прикрыл глаза, досчитал до десяти и уже спокойнее и тише продолжил: – Если вы справитесь сами – я буду очень благодарен. Леди Астельгейт?

– Я могу отвести Рин в архив, но без вашего присутствия госпожа Кларисса может нам не поверить. - Мали пожала плечами, всеми силами демонстрируя дружелюбие.

– Я напишу письмо, – нашелся парень, проскользнув за свой стол. Не прошло и пары минут, как в руки ведьмочки – мне, очевидно, Нарт пока не доверял – опустился запечатанный конверт с восковой печатью. - Теперь поверит. Но, - он хитро усмехнулся, - я не ставил даты, с какой вам предписано приступить к работе. Завтра или через неделю – лорд Эшан оставляет это на ваше усмотрение.

– Сегодня мы ознакомимся с условиями труда, - ответила за меня Мали. - И познакомимся с госпожой Клариссой.

– Как вам будет угодно. - Нарт поднялся, без труда обтек стол и открыл перед нами дверь, словно желал убедиться, что мы наконец покинем приемную и не будем покушаться на его выстраданное и сдобренное семью потоми место.

Несмотря на заявление Мали о том, что мы отправимся к госпоже Клариссе, меньше чем через пять минут мы выходили из здания мэрии. Впрочем, путь наш лежал недалеко – к расположившейся по другую сторону городской площади кондитерскую.

– Знакомство с начальством нужно начинать с подкупа, - пояснила Мали, указывая лакированным ногтем на понравившиеся булочки. - Особенно, если работать предстоит с женщинами.

Я усмехнулась, но от комментариев отказалась. Мали виднее, как правильно вести себя в женском коллективе, ведь в отличие от меня она выросла среди самых выдающихся и грозных его представительниц.

Быстро расплатившись – я успела перехватить руку подруги и первой выложила на стол монеты, мы покинули храм ванили и корицы и целеустремленно направились обратно. Теперь уже не сворачивая и радуясь, что архив не поместили в подвалы, как это часто бывало, а расположили на третьем этаже. Над кабинетами чиновников всех мастей и вдали от скандалов.

Госпожа Кларисса оказалась невысокой сухопарой женщиной лет сорока, облаченной в темное, не новое, но очень приличное платье, на котором, к моему удивлению, не было ни пылинки. Последнее обстоятельство было настоящим откровением, поскольку я ожидала от архива хотя бы пыль на полках, без контакта с которой не обходился ни один визит в библиотеку Вальеха.

Несмотря на мое волнение, госпожа Кларисса приняла нас благосклонно. Особенно почувствовав ароматы, распространившиеся по просторному, уставленному стеллажами помещению. Кажется, Мали точно знала, как поразить в самое сердце начальственную даму, и ради меня решила воспользоваться лазейкой.

– Поставлю чайник, - сообщила госпожа Кларисса, проводив нас в затерявшуюся среди счетных книг и подшивок газет комнату. Небольшую, рассчитанную не более чем на трех человек, два из которых здесь уже явно обосновались. - Госпожа Элеонора скоро вернется, - степенно сообщила хозяйка архива, оборачиваясь и кивая на один из стульев, на спинке которого висела накидка.

Госпожа Элеонора успела как раз вовремя. Словно знала, что чай уже разлит по чашкам, со стола убраны оставшиеся после завтрака крошки, а тяжелые стулья подтянуты из углов поближе к угощению. А глазам было где разгуляться: Мали выбирала с королевской щедростью. Впрочем, наши траты были оправданы. И госпожа Кларисса, и госпожа Элеонора, отведав круассанов и насладившись эклерами, подобрели и готовы были с распростертыми объятиями принять новенькую в своей обители. Разумеется, если та – я, не станет

мусорить по углам, разносить уличную грязь, громко разговаривать и проявлять неуважение к обитателям библиотеки.

Я обещала.

ГЛАВА 23. О ведьмах настоящих и людях хуже ведьм

Расставались мы довольные друг другом и пирожными. Последними, мне показалось, в большей степени, но я надеялась со временем заработать преимущество. И все бы хорошо, но стоило мне покинуть мэрию, вдохнуть жаркий, южный, полуденный воздух, как улыбка схлынула с моего лица. Перед глазами вновь возник виденный утром силуэт, от очертаний которого сердце зашло в оглушительной гонке.

– Все хорошо, - успокаивающе начала Мали, уводя меня в тень и усаживая на скамейку под платаном. Она почувствовала изменения моего настроения мгновенно и не преминула вмешаться. - Я с тобой, и, пока я рядом, это твоей тетушке нужно опасаться за свое благополучие, - чересчур уверенно для голословного заявления сказала ведьмочка. И я не смогла ей не поверить.

– Я в порядке, – заверила я спустя пару минут, когда мир вновь обрел свои естественные черты, а дыхание восстановилось.

– Непохоже на то. – Мали отрицательно покачала головой. – Посидим ещё немного, пока ты окончательно не придешь в себя, и навестим лавку Дженнифер. Зелья – ее сильная сторона, а уж успокоительное – почти самый ходовой товар.

– Почти?

– Чем ближе лето, тем больше спрос на похудательные микстуры. - Мали поморщилась. Разговоры о фигуре всегда наводили на нее тоску.

– Разве они действуют? - удивилась я.

– Как элемент самовнушения, – вздохнула Мали. – Но если ты ведьма и что-то смыслишь в составах... Там то же успокоительное, но с другой отдушкой, - печально закончила ведьмочка. – Не существует быстрого способа избавиться от лишнего веса. Просто от веса – легко, но, боюсь, на него никто не пойдет в здравом уме. - Перехватив мой недоумевающий взгляд, Мали пояснила: – Ампутация. Способ быстрый, безотказный, но вернуть утраченное больше не удастся.

– Добрая Мали, – протянула я, тряхнув головой. Но, увы, это не помогло. Видение отделенных от тела конечностей заняло мое

сознание, напрочь вытесняя сомнения по поводу тетушки.

– Такая уж уродилась. – Мали отвесила шутовской поклон и внезапно прищурилась, словно высматривала кого-то. На миг мне даже показалось, что ее глаза нехорошо полыхнули, но стоило моргнуть и следов раздражения более не было на лице подруги. – Если пришла в себя – идем. Я бы не хотела опаздывать на обед к моей леди. И твой муж, определенно, будет там.

– И господин Морган? – осторожно уточнила я, поднимаясь и отряхивая платье. Но обошлось. Видимо, никто не решился пакостить вблизи мэрии и портить общественный скарб не стал.

– Блондин? – Мали обернулась ко мне. Я кивнула, подтверждая. – Кажется, у него нашлись какие-то дела, и он покинул особняк меньше чем через четверть часа с момента прихода. Что, впрочем, логично. Лорд Эдингтон терпеть не может этих пройдох.

Больше никто из нас не поднимал эту тему. Зато Мали, поняв, что я уже отдохнула и достаточно отошла от потрясения после заявленного ею способа похудеть, целеустремленно направилась к выходу с городской площади. Мне не оставалось ничего иного, как последовать за ней. Благо, подруга не спешила и, заметив, что я чуть подотстала, снизила свою скорость.

В лавке незнакомой мне ведьмы было не протолкнуться. Способствовало ли тому яркое солнце, или прибытие в город завидных холостяков, а может пресловутая столичная мода, выдвигавшая вперед обладательниц хрупких, почти болезненных форм, – все это оставалось для меня загадкой, но спрос на похудательные зелья был очевиден.

– Мали?! – Удивленный возглас вклинился в торговый шум.

Я обернулась и успела лишь заметить, как мелькнул край фиолетового платья и кончик темно-русой косы мазнул меня по щеке, а уже в следующее мгновение мою подругу самым бессовестным образом обнимали за плечи и вели к притаившейся за прилавком двери.

– Я не одна, – заметила ведьмочка, останавливаясь и кидая на меня выразительный взгляд. Ее спутница замерла и наградила меня взглядом, не предвещавшим ничего хорошего. Впрочем, стоило ей прищуриться и изучить меня внимательнее, на место оскала пришла вполне доброжелательная улыбка.

– Приглашаю тебя войти. – Она кивнула мне и, больше не оборачиваясь, потянула Мали по прежнему маршруту. Моя ведьмочка виновато развела руками, но отбиваться не стала. Видимо, в их отношениях с Дженнифер что-то строилось на традициях, нарушать которые не следовало.

Уже пересекая порог, отделявший пространство лавки и личные комнаты хозяйки, я поняла, почему ее слова звучали так странно. Волна чужой силы окутала меня и, словно увидев в ауре какой-то знак, отступила, пропуская внутрь.

– ... не виделась. – Я расслышала лишь самый конец реплики хозяйки, суетящейся у столика. На нем уже имелось три бокала, а в руках Дженнифер держала открытую бутылку. Судя по запаху, алкоголя в содержимом не было.

– Прости, я была занята, – отозвалась Мали. Ведьмочка не стала присаживаться, а потому с интересом изучала выставленные на обозрение незапечатанные бутылки с разноцветным содержимым. – Мне нужно что-нибудь успокоительное.

– Тебе? – Дженнифер обернулась, вздернув тонкие брови.

– Рин. – Подруга кивнула в мою сторону. – И не делай вид, что ничего о ней не знаешь. Думаешь, я не видела твой любопытный нос на банкете? И на нашем... «собрании».

– Считаю, что представление должно быть официальным, – хмыкнула хозяйка лавки. – Меня зовут Дженнифер, но лучше зови меня Фер, Дженни – это слишком просто.

– Рин. – Я кивнула и протянула руку собеседнице. Та, напустив на лицо серьезное, если не сказать чопорное, выражение, ее пожалала.

– И зачем тебе успокоительное? – Дженнифер, хотя теперь было лучше звать ее просто Фер, вернулась к прерванному занятию.

– Мне кажется, что я видела в городе свою... – Я замялась, не зная, как будет правильнее назвать леди Шарлотту. – Своего бывшего опекуна.

– Только ли кажется? – Нахмурилась девушка, щедро плеснув в бокалы из другой, вытянутой из-под стола бутылки.

– Пока сложно судить, я не успела никого отправить по гостиницам.

– Так почему бы не сделать этого сейчас? – Фер подмигнула мне. – Сейчас кого-нибудь и снарядим. А лучше... – В руки ведьмочки сам

собой впорхнул белый вестник. - Напишем Арди. У него должны быть списки всех въехавших в город.

– А если она пришла порталом?

– Если воспользовалась городским, то тем более сведения о ее прибытии уже есть, - отмахнулась Фер.

– Арди – ее муж, – тихо подсказала Мали в ответ на мой недоумевающий взгляд. – Отвечает за учет всех въезжающих в город.

Пояснению Мали я даже не удивилась. Кажется, начала привыкать, что весь город в той или иной степени был связан с ведьмами и узы эти были брачные.

– Вот и все, – закончив писать, Фер подкинула листок бумаги. Он прямо в полете превратился и белым сгустком то ли тумана, то ли огня унесся к приоткрытому окну. – Теперь подождем немного и узнаем точно, прибыла ли в город...

– Леди Шарлотта Калиори, - подсказала я. Хозяйка лавки нахмурила лобик, словно в попытке вспомнить, но быстро сдалась.

– Никогда не слышала, - заявила она и вновь посмотрела на неполные бокалы. - Пожалуй, хватит. – Ведьма решительно отставила бутылку подальше и протянула Мали напиток. – Только маленькими глоточками, чтобы в голову не ударило.

Уточнение заставило меня снова принюхаться, но ничем подозрительным бокал не пах. Разве что травами...

– Это не шабашное зелье, но эффект схожий. Эйфория, веселье и небывалая храбрость, - пояснила мне Мали, отпивая. Я с опаской взяла свою порцию. С одной стороны, любопытство требовало попробовать – к тому же обе ведьмочки уже довольно щурились, в другой – мне не хотелось снова выпасть из жизни на сутки.

– Да пей уже, - недовольно буркнула Фер, обиженная недоверием к своему искусству. - Не отравлю. И последствий – только если сама куда-нибудь встрянешь. А так посидим здесь часок – и все выветрится. Мне вечером ещё работать, так что стала бы я планы менять из-за вас.

Я вздрогнула от отповеди девушки и торопливо отпила. Слишком много. Закашлялась, пытаюсь добраться до воздуха и перехватив обреченный взгляд Фер. Кажется, в меня она больше не верила. Весь ее вид говорил: за что мне это недоразумение в гостях? Увы, избавить обеих ведьм от своего присутствия я пока не могла.

– Маленькими глотками, - напомнила Мали, сжимая мою ладонь. Я виновато улыбнулась и последовала рекомендациям. На сей раз внутри потеплело, словно моя сила откликнулась на подношение. Захотелось улыбаться всему миру, а лучше – идти и изменять его к лучшему. И даже явление тетушки больше не казалось проблемой – так, досадным недоразумением на пути к великому счастью. В чем это счастье должно было заключаться, я пока не знала, но появилась странная вера, что обязательно разберусь.

Впорхнувший в комнату вестник чуть поумерил мой энтузиазм. Фер протянула руку, перехватывая послание, и прямо в ее пальцах белый сгусток превратился в небольшой лист бумаги, исписанный тонкими рунами.

– Так, посмотрим, - протянула ведьма и пробежала глазами по строкам. – Нет, нет, нет... – Она взглянула на меня и виновато кивнула. - Да, леди Калиори есть в списке.

Мое сердце пропустило удар. Предполагать появление тетушки в городе было одним, а знать наверняка... Тут уж я с трудом заставила себя улыбнуться Фер. Она ведь мне помогла и достойна хотя бы такой благодарности, но взять себя в руки после известия... Наверное, если бы не выпитое зелье я бы сейчас с трудом справлялась с охватившей меня тревогой, стремительно перестающей в панику, но мне повезло. Глядя на сосредоточенное, словно готовое к бою, лицо Мали, на Фер, переставшую смотреть на меня укоризненно, я тихо, но твердо сказала:

– Я справлюсь.

– Мы поможем, - уверенно заявила Мали, обнимая меня за плечи. Пустой бокал был отставлен на столик.

– Она остановилась в гостинице Такоев, - поморщившись, не дожидаясь вопроса, сообщила Фер, сверившись с записями мужа. - Как знала, что к нам соваться не следует.

Ведьмочка воинственно сжала кулачки.

– Знала, – кивнула Мали и пояснила: – Она уже пыталась добраться до Рин. Не без помощи темной ведьмы. Не нашей. Такая аура матушке не знакома оказалась.

– Вот как, – задумчиво протянула Фер. – Значит, мы в своем праве. Защищать сестринство – наш второй, после священного, долг. Нужно поставить остальных в известность. Я беру это на себя, -

заявила хозяйка алхимической лавки. – А вы сообщите леди Кондиде. Старшая должна решить, каким будет наказание.

– Разве мы суд, чтобы назначать кару? – выходя из лавки, спросила я у Мали. Фер не собиралась откладывать в долгий ящик свою связную деятельность, потому тут же, едва действие зелья немного поутихло, выпроводила нас на улицу.

– За преступления против одной из нас – да. К тому же, – она усмехнулась, – судья женат на Надин... Такои... Специально выбрала место, куда нам ходу нет.

Мали недовольно поджала губы, сворачивая за угол. Как я уже знала, до городского особняка лорда Эдингтона идти было совсем немного.

– Они из Локона?

– Хуже. До того, как приехать в Грастин, Георг Такой был охотником на одаренных. Разумеется, на преступников. Но со временем все одаренные в его глазах стали преступниками. И где бы он ни селился, вокруг ему виделись враги. Грастин не первое место, где он пытается укрыться, и мне хотелось бы думать, что не последнее. Этот старик пусть и выходит из своей гостиницы раз в месяц на базар, все равно успевает кому-нибудь дорогу перейти.

– И ведьмы ничего не могут с ним поделаться? - удивилась я. Постоянно слыша о связях, протянувшихся по всей вертикали власти, я, грешным делом, решила, что ведьмы здесь едва ли не единственная власть.

– Нет. - Мали покачала головой. - Законов он не нарушает, а что нам неприятен – это не повод для выселения. Землю под свою гостиницу он выкупил, здание возвел на заработанные законно средства, а что склочный такой – так за это штраф положен, и он их исправно платит. Как и все другие налоги. Штраф за сквернословие у нас так и прозвали – налог Такоя. Это если услышишь случайно, чтобы понимала, о чем речь.

– Но почему нам ходу нет в его гостинцу? Это же общественное место, должно для всех быть открыто.

– Оно и открыто, - хмыкнула Мали. - Только зайти внутрь ты не сможешь, если силой наделен. Где только он столько индариума нашел...

Я поморщилась. О свойствах этого священного для инквизиции металла я была наслышана из курса истории. Официально его продажа запрещена не была, но, чтобы купить хоть пару граммов, нужно было пройти столько инстанций, что легче было сходить к магам и заказать артефакт с похожими свойствами. Это было бы дешевле и гуманнее. Даже в небольшой концентрации индариум вызывал у одаренных головокружение, а если тем доводилось коснуться изделий из «священного» металла, то на коже могли появиться и ожоги, не сходившие после контакта еще несколько месяцев. Кажется, пару сотен лет назад инквизиция так и выявляла одаренных – превентивными рейдами по деревушкам, где всех подряд заставляли лбом касаться крестов из индариума. Отказаться от процедуры равнялось признанию.

Меня передернуло при мысли, что где-то в городе есть подобный металл. Я и раньше не одобряла действий инквизиции прошлого, а уж теперь, когда индариум стал опасен для меня лично... Я как никогда понимала, почему гостиницу Такоев обходят стороной.

– Подожди. Но ты ведь сказала Такои, значит, он не один представитель своей семьи?

– Да, у него ещё жена есть и малолетний сын. Но в городе их почти не видно. Девушка из Таласки, там иные нравы. Хотя никакая другая за него и не пошла бы, а так съездил в пустыню, купил себе жену и из дома не выпускает. И не сделаешь ему ничего... Законы нужно менять. К одаренным они более милосердны, а если ты женщина и силой обделена... – Мали скрипнула зубами. - Бесит.

Мы миновали еще один перекресток, и городской дом семейства Эдингтон появился во всем своем великолепии. На балконе, словно только и ждала нашего появления, сидела леди Кондида в компании моего мужа и пила чай. Лорда Эдингтона рядом не наблюдалось: видимо, мэр воспользовался благовидным предлогом и ретировался от настойчивого гостя, а сам гость, в свою очередь, сбежать от пожилой леди был не в силах.

– Мои дорогие. - Леди Кондида поднялась и благосклонно нам кивнула. - Присоединяйтесь. Мэри, подайте им чай.

Стоя внизу, служанку я разглядеть не могла, но сомневаться, что к тому времени, как мы поднимемся наверх, чай уже будет разлит по чашкам, не приходилось. Мы поднялись по лестнице: Мали уверенно

вела, кивая особо доверенным слугам, кому позволялось показываться на глаза хозяевам. На меня косились с любопытством, и отчего-то не на лицо, а на живот, словно ожидали, что я за пару дней наем сотню килограммов.

– Сплетни, – шепотом пояснила Мали, когда я остановилась в недоумении. – Те, кто не знает о *нашем* долге, считают, что ты воспользовалась *положением* и поспешила окрутить завидного холостяка. И, чтобы он не ушел от тебя, разглядев, как прогадал, ты, по их мнению, должна побыстрее привязать его к себе ребенком.

– Вот еще, – буркнула я. – Дети не должны быть инструментом, что бы ни стояло на кону.

– Не все обладают такими принципами, – уклончиво ответила Мали и продолжила путь. Видимо, тема детей была для нее больной. Впрочем, зная ее историю и отношение родной семьи, она слишком хорошо понимала, о чем говорит.

Мы прошли еще пару ступенек, свернули за угол, и я буквально влетела в объятия вышедшего навстречу Мартина. Теплое дыхание опалило кончик уха, когда он прошептал:

– Спаси меня. – И уже громче, чтобы все слышали, добавил: – Вы так прекрасны, моя дорогая, что я сам себе завидую.

– И есть отчего, – подтвердила довольная леди Кондида, выглядывая в коридор и любуясь представлением. А Мартин не мелочился: обнял меня, приподняв в воздух, и закружил. И, наверное, со стороны это было мило, но у меня закружилась голова и захотелось прилечь.

– Не смею вам противоречить, – не отводя от меня глаз, согласился господин Клейн.

– Мои девочки, – с толикой идеально вымеренного превосходства сказала леди Кондида. – Присоединяйтесь. Мы с нашим дорогим Мартином как раз обсуждали новые веяния в столице. Представляете, мой милый племянник одобрил проект этого...

– Виктора Агдора, – устало, словно не в первый раз, подсказал Мартин.

– Верно, проект Виктора Агдора о создании железной дороги. И какое совпадение – одна из станций будет находиться в Грастина. Мы с нашим дорогим Мартином как раз размышляли, где лучше расположить станцию, чтобы шум прибывающих экипажей...

– Поездов.

– Да, верно, поездов. - Леди Кондида лукаво усмехнулась, не скрывая, что ее забывчивость – простая уловка, чтобы выяснить, как далеко распространяется терпение собеседника. Судя по довольному взгляду, за те несколько часов, что шел разговор, господин Клейн не успел ее разочаровать. – Мой драгоценный Густав считает, что шум от этих громадин – в них ни капли магии нет, представляете? – представляет большую опасность для нашего города, чем нашествие необразованных господ, стремящихся приобщиться к провинциальному быту и вернуться в свои золотые годы.

– Мне кажется, город выстоит, - вмешалась в разговор Мали.

– И изрядно выиграет, - поддержал ее Мартин. – Только представьте, всего пара лет и...

И кажется, свою речь господин Клейн уже заучил наизусть со всеми охами, вздохами, жестами и закатыванием глаз. Тем не менее, несмотря на его актерство, спорить с ним было затруднительно. Словно он и возражения уже отработал и на каждый чих выделил свой платок.

– С вами отчаянно невозможно спорить, - спустя четверть часа сказала леди Кондида, обмахиваясь веером. - Так и быть, мы одобряем ваш проект. Деньги, которые вы обещаете городу, лишними ни для кого не будут. Но вы должны пообещать, а лучше подписать бумаги, что ваше предприятие будет сотрудничать только с теми людьми, на которых укажет мэрия. И никакой самодеятельности. – Супруга мэра недовольно поджала губы, и мы с Мали понятливо переглянулись: ни одна ведьма не хотела, чтобы обещанные барыши уплыли в руки к Локону. А ведь появление в городе нового мощного игрока определенно вызовет передел сфер влияния.

– Разумеется. Господин Агдор предпочитает работать именно с одаренными, - охотно заверил господин Клейн и сменил тему: – Любовь моя, вы выглядите обеспокоенной. Я так наскучил вам своими речами?

– Вовсе нет. - Я покачала головой. Перехватила взгляд Мали и, глубоко вдохнув, сообщила: – Моя тетушка... леди Шарлотта, от чьего внимания и опеки мне пришлось сбежать, приехала в Грастин.

– Пусть уезжает обратно, - отрезала леди Кондида, поджимая губы.

– Едва ли она согласится на это так легко, - хмыкнул Мартин, но под тяжелым взглядом леди добавил: – Это не стоит вашего внимания. Как муж, я несу всякую ответственность за мою Рин.

– Мы не отказываем в помощи своим. - Леди нехорошо прищурилась. – Ринталь, – я вздрогнула от своего имени в устах старшей ведьмы города, но та лишь успокаивающе улыбнулась, – твой супруг нам все объяснил, пока ты отдыхала после... встречи в кругу сестер. Конечно, было бы лучше, если бы ты сама призналась, но мы понимаем, одинокой девушке, которую предаст близкий человек, трудно поверить кому-то, но, полагаю, мы заслужили твою откровенность теперь?

– Да, - пересохшим от волнения голосом, сказал я. – Заслужили, более чем. - По щекам потекли первые капли вины и облегчения. - И... спасибо вам.

– Полноте. - Леди отмахнулась веером, хотя определенно ей понравилось мое раскаяние. Суровость из ее глаз ушла, и женщина напомнила: – Я хочу знать всю твою историю. Как наше бедное дитя оказалось в Грастине?

– Все время, что я помню, – я начала с первых воспоминаний, раз уж леди пожелала слушать, – меня звали Ринталь Калиори. Тетушка... До тех пор, пока я не доросла до возраста, когда начали брать на обучение в Вальех, она одна занималась мною. И я была ей благодарна, хоть моя подруга – Ларин – не разделяла моих чувств. - Я сделала паузу, чтобы набрать в грудь побольше воздуха. - Мне не хотелось верить, что я лишняя даже для своей тети. Ведь она меня вырастила. Она была всем, что у меня было. Кроме Ларин, - я улыбнулась. - Именно Ларин помогла мне убежать, когда леди Шарлотта, – я попыталась произнести имя тетушки твердо, но голос дрогнул, - решила выдать меня замуж по своему усмотрению.

– И ты не знала, почему она приняла такое решение?

– Нет. - Я отрицательно покачала головой. - Мне не хотелось верить, что за ее мотивами скрывается...

– Жажда наживы? – подсказал Мартин. Я вздрогнула, почувствовав его руку на своем плече. Погруженная в себя, я не заметила, когда он успел подняться и встать за моей спиной. – Мне доводилось встречать леди Калиори в обществе, и я не могу порекомендовать знакомство с ней в качестве удачного. Признаться,

долгое время ни я, ни мои друзья не были осведомлены о наличии у леди Калиори племянницы.

– Она не выводила вас в свет? - уточнила у меня леди Кондида.

– Мы почти не ездили в гости, а когда ездили... Я бы не хотела больше там бывать, - призналась. – Общество, в котором мне приходилось бывать с леди Шарлоттой, разительно отличалось от Вальеха. И... совсем не такое, как здесь. - Я улыбнулась, но улыбка моя быстро померкла, стоило вспомнить о леди Шарлотте. – Но, когда меня приглашали девочки, она всегда отвечала им отказом. У нас всегда, – я горько усмехнулась, – «находились дела».

– Ясно. – Леди кивнула и приказала: – Продолжайте, Мартин.

– Мне сложно что-то добавить. Разве что о том, как я был удивлен, когда узнал, что моя возлюбленная находилась под опекой леди Калиори. Признаться, я бы ей и щенка на день не оставил. Эта женщина не из тех, кто заботится об окружающих из человеколюбия или высоких идеалов.

– Вот как. - Голос старшей ведьмы города был холоднее льда. – Что ж, господин Клейн, как муж нашей милой Ринталь, вы можете рассчитывать на любую поддержку в деле избавления ее от «родственницы». Я не услышала лжи в ваших словах и чувствах, я вижу, как тяжело нашей милой Ринталь самой говорить об этой даме, потому я полагаю нелишним будет связаться с моим драгоценным племянником, чтобы он поспособствовал в выяснении всех обстоятельств дела.

– Премного вам благодарен. Я уже успел составить запрос в столицу, но не мог отправить его без согласия Ринталь.

– Я согласна, - тихо откликнулась, когда все взгляды скрестились на мне. И пусть я не знала, что задумал Мартин, его участие подкупало. Правда, мне не совсем были понятны слова леди Эдингтон о чувствах. Впрочем, Мартин Клейн мог быть просто хорошим человеком, искренне желавшим помочь мне. Ведь так?

– Тогда пришлите документы к ужину, - подумав, решила леди. - Георг не любит, когда его тревожат пустяковыми делами до вечернего чая.

Я промолчала: пусть свою судьбу я пустяком не считала, но для короля она действительно ничего не значила.

– Благодарю за участие в нашей судьбе. - Мартин поднялся и поклонился. Ровно настолько, чтобы глубокая благодарность не превратилась в унижительное раболепие.

– Мы вернемся домой, если позволите, - проговорила я, поняв, к чему клонит Мартин, и решив, что дома смогу узнать от него больше подробностей. Ведь мне он про составленный запрос ничего не говорил. Да и разглашение моей тайны, пусть и такое удачное, он должен был как-то объяснить.

– Разумеется. Но к вечеру жду от вас все бумаги. И, - леди Кондида серьезно кивнула мне, - не беспокойся, девочка моя, ведьмы своих не отдают. Что бы ни придумала эта шарлатанка, пойти против королевской воли ни один суд не сможет.

– Спасибо. – Я улыбнулась. Чуть виновато, поскольку стыд жег меня изнутри, но искренне.

– Идите, - разрешила леди, подавая знак служанке, тут же наполнившей чашку леди горячим чаем. Мали хотела было пойти следом, чтобы проводить нас, но старшая ведьма одним взглядом заставила младшую остановиться. – Они сами найдут дорогу.

Мартин согласно кивнул, и мне не оставалось ничего иного, кроме как положить ладонь на его локоть и позволить себя увести.

Всю дорогу до экипажа мы молчали. Мартин выглядел задумчивым, но на мой вопросительный взгляд улыбнулся и чуть сжал мои пальцы, словно говоря: все в порядке, переживать не о чем, мы со всем справимся. И отчего-то само его присутствие рядом придавало мне уверенности.

– Прошу. - Он помог мне забраться в экипаж, сам буквально влетев следом, и приказал: – Домой.

Кучер и не думал спорить. Не прошло и минуты, как карета покинула окружавший городской особняк мэра небольшой парк.

– О каком запросе вы говорили? – бросив быстрый взгляд на удаляющийся дом старшей ведьмы, спросила я.

– О самом очевидном, - нехотя признался Мартин. - Я женился на вас и имею право знать, какое приданое вам положено. Пока вы не стали совершеннолетней по законам Балиара или пока не вышли замуж, всем своим наследством, а я полагаю дело именно в нем, распорядилась леди Шарлотта на правах вашего опекуна. Полагаю, пару дней назад, как только Элай вернулся в столицу и внес наши

имена в главную книгу регистрации браков, на денежном потоке, следовавшем к леди Шарлотте, был поставлен крест. И теперь, - он усмехнулся, - она поторопилась сюда, чтобы вернуть блудную подопечную в лоно семьи, опротестовав наш брак, либо предложить мне сделку.

- Вы же не станете с ней сотрудничать? - охрипшим от волнения голоса спросила я, сминая пальцами юбку.

- Разумеется, нет, - заверил меня Мартин. - Я не бросаю своих партнеров, отчего должен поступить подобным образом с женой?

- Даже если вам сделают выгодное предложение? - Я попыталась улыбнуться, но настроения шутить не было, и шутка вышла грустной.

- Выгоднее, чем у нас с вами, уже не будет, - успокоил меня господин Клейн, одной рукой разжимая мой кулак, и поцеловал каждый пальчик по очереди. Другая его рука приобнимала меня за плечи, не давая отстраниться. Хотя, признаться, я и не собиралась этого делать. В объятьях мужа, пусть и фиктивного, я чувствовала себя куда спокойнее.

- Вы уверены?

- Конечно. - Лицо Мартина оказалось так близко, что я чувствовала его дыхание на своих губах. - Вы - моя жена, и все, что принадлежит вам, принадлежит и мне. По крайней мере, при разводе частично станет моим, - не упустил возможности пощекотать мне нервы муж. - И лучше я помогу вам, увеличивая благосостояние нашей семьи и смогу рассчитывать на свою долю, чем уступлю хоть медяк и потеряю ваше расположение.

- Оно и так ваше, - призналась я, смущенно краснея, слишком уж близко друг от друга мы находились. Так близко, что я слышала, как стучит его сердце, и уверена, он слышал, как замирает мое...

Ему снова пришлось помогать мне с прической, благо предусмотрительно захваченный мужем веер давал возможность скрыть припухшие губы от глаз любопытных. Увы, я не рассчитывала сохранить наши поцелуи в тайне от прислуги - кучер наверняка слышал многое, но соблюсти хоть какие-то приличия следовало. А потому пришлось выпрямиться и с гордо поднятой головой, будто в экипаже мы обсуждали одну лишь погоду, направиться в свои покои, оставляя мужа раздать указания высыпающим на крыльцо слугам.

К несчастью, мои планы на уединение были разрушены. Бледная Дженни, в глазах которой было столько раскаяния, заступила мне дорогу и быстро предупредила:

– К вам гостья, госпожа Клейн. Уже полчаса она ожидает вас в гостиной.

ГЛАВА 24. Леди Шарлотта

Внутри все похолодело. Я не ждала ничего хорошего от неожиданного визита. Особенно в свете появления в городе леди Шарлотты. И даже не видя лица, просто стоя на пороге гостиной, из которой уже успели убрать букеты цветов, по одной лишь осанке, легкому повороту головы, когда гостя услышала наши шаги, но не посчитала нужным оборачиваться, я узнала ее.

Перед глазами поплыло, и я с трудом удержалась на ногах. Имя эти трудов было прекрасно мне известно. Мартин, к которому поспешила Дженни сразу после сообщения мне новости, успел подхватить меня сзади и теперь приобнимал за талию, вселяя уверенность и делаясь своей храбростью.

– Какие неожиданные у нас посетители, - протянул он, не скрывая раздражения.

Поняв, что мы не собираемся чинно ее обходить и усаживаться на диван напротив, в позе раскаяния и покорности, леди недовольно поджала губы и поднялась. Красивое некогда лицо уже отметили морщинки, а потому тетушка старалась не демонстрировать никаких эмоций, опасаясь усугубить старческие изменения. А сколько она тратила на попытки остановить собственное увядание... вот уж кто был рад посещению поместья Калиори, так это целители красоты.

– Вам следовало пригласить меня на свадьбу, – попеняла леди. Раздражение и злость безраздельно властвовали в ее глазах, и, возможно, именно они заставили лицо леди заостриться, теряя всякую привлекательность и столь любимый в обществе лоск милой дурочки. И если последней леди Шарлотта не была никогда, то милой ее ныне не рискнул бы назвать и слепой.

– Мы приглашали лишь тех, кого хотели видеть, - отмахнулся от обвинения Мартин, переплетая наши пальцы. И только поэтому я поняла, что успела отчаянно вцепиться в юбку.

– И ту, что вырастила вашу жену, вы не сочли нужным даже пригласить? – Леди Шарлотта взяла себя в руки и притворно вздернула брови, будто бы отсутствие приглашения стало для нее серьезной обидой. Правда, рисковать и пускать слезу женщина не стала.

– Вы как никогда правы, - с готовностью подтвердил Мартин и запечатлел легкий поцелуй на моей щеке, а я, глядя на то, как темнеют от гнева глаза белокурой леди, первый раз в жизни смогла выдержать ее взгляд.

– Ринталь. - Голос гостьи был столь холоден, что, мне казалось, в нашей гостиной наступила зима. - Посмотри на меня, – приказала леди Шарлотта, а я вздрогнула от знакомых интонаций, не суливших мне ранее ничего хорошего. Обычно после такого тона слуги по приказу тетушки уводили меня в мою комнату и пару дней мне не позволялось ее покидать. – Смелее. Набралась дурости сбегать от меня, так имей смелость посмотреть в глаза той, кого ты заставила переживать.

– Я запрещаю вам говорить в подобном тоне с моей супругой, – вновь взял слово Мартин. – Любая угроза с вашей стороны, и вас выкинут отсюда без оглядки на титулы и заслуги.

– Не слишком ли ты много на себя берешь? – Гадюка позавидовала бы леди Шарлотте, поторопившись записаться на мастер-класс.

– Нет, - коротко ответил Мартиц, не став распространяться о том, что закон дает ему крайне широкие полномочия в отношении жены.

Леди Шарлотта прищурилась, смеривая мужчину цепким взглядом, и усмехнулась. Улыбка вновь скользнула по ее губам.

– В таком случае, отправьте Ринталь наверх и поговорим, как взрослые люди.

– Рин останется, - не согласился Мартин.

– Зачем же посвящать глупышку в разговоры старших?

– Вероятно затем, чтобы она перестала быть такой в ваших глазах, - хмыкнула Мартин и приказал: – Ричард, распорядись, чтобы в кабинет подали ужин на троих.

– Вы всерьез полагаете, что я стану принимать подобное предложение от человека вашей репутации? - притворно удивилась леди Шарлотта.

– Отчего нет? - усмехнулся Мартин. - Я же рискнул пустить вас на порог.

– Вы оскорбляете мать своей жены.

– Вы не мать Ринталь. И даже не тетка.

– Я отдала девочке лучшие годы! – Я вздохнула: в чем-то леди Шарлотта была права. Я ещё помнила ее молодой, яркой, полной

жизни женщиной. Но так было лишь до появления первой морщинки.

– Она вас об этом не просила, - отрезал Мартин, успокаивающе прижимая меня к себе.

– Но...

– Ребенок – заложник амбиций своих родителей. Разве Рин просила вас брать над собой опеку? Так к чему эти заламывания рук, если вы приняли решение добровольно, принимая на себя все его последствия. Скорее уж моя дорогая супруга может выставить вам счет за нерациональное пользование ее наследством.

Я растерянно взглянула на Мартина, после – на леди Шарлотту, и на миг мне показалось, что гостья вот-вот сорвется, обрушив на наши головы то ли проклятия, то ли поток обидных сравнений, но нет. Она словно меняла маски, пробуя разные стратегии и выбирая верную. Ту, что принесет ей больше пользы. И каждое такое изменение заставляло меня сжимать зубы, потому что я все их видела, но наивно полагала, что вызывала их своим «неправильным» поведением.

– Мне жаль, что я не смогла дать моей воспитаннице того, чего ей не хватало. Но, детка, - она посмотрела на меня, и глаза ее увлажнились, как по команде, - я всегда хотела для тебя лучшего. Понимаю, пока ты не в состоянии оценить мою строгость, но, когда станешь матерью, поймешь, что все мои ошибки были из страха. Страх за тебя. Я так боялась потерять...

– ...твое наследство, - вмешался Мартин, и леди Шарлотту передернуло. Даже мне стало понятно, что тему с наследством она старательно обходила, что лучше иных слов доказывало, в каком направлении нужно думать.

Некстати, а может очень даже своевременно, в голове всплыл составленный господином Эльтраном контракт. То ли случайно, то ли намеренно юрист не обошел стороной вопрос наследства, которое, по договору, полностью переходило в мое распоряжение, сказываясь на Мартине лишь в момент развода, когда сторона, оказавшаяся в более выигрышной ситуации, платила потерпевшей неустойку.

Тогда я думала, что этот пункт составлен, чтобы не пустить меня по ветру, когда у меня не останется ни репутации, ни денег, но, из груди непроизвольно вырвался смешок, кажется, господин Морган знал о нас с Мартином больше, чем мы сами. Точнее – знал обо мне. И по тому же условию брачного контракта, ни Мартин, ни леди

Шарлотта не могли претендовать на положенное мне по праву рождения. Вот только, похоже, наша гостья не была осведомлена о наличии брачного контракта, потому и игнорировала меня.

Я перехватила лукавый взгляд Мартина, который словно бы догадался о вертевшихся в моей голове мыслях.

– Вы слишком меркантильны. – Леди Шарлотта поморщилась. – Я же думаю о моей дорогой воспитаннице. Бедная девочка пошла на поводу у этой недопустимой в приличном обществе Загресси и сбежала из пансиона. А вы, – женщина недобро погрозила указательным пальцем Мартину, – воспользовались неопытностью несчастной, вскружили ей голову и заставили выйти за вас замуж. – Я открыла было рот, чтобы возразить, но Мартин отрицательно качнул головой, давая понять, что желает дослушать. – А теперь вы мешаете нашему воссоединению, чтобы я не могла помочь моей бедной девочке вырваться из ваших лап. – Леди Шарлотта бросила на меня быстрый взгляд, словно оценивала, достаточно ли я прониклась ее идеями. Недовольно поджала губы, натолкнувшись на мой усталый и нисколько не благодарный взгляд, и заявила: – Вы определенно на нее воздействуете. Но знайте, – леди всплеснула руками, – я этого так не оставлю.

– И не рассчитывал на ваше благоразумие, – спокойно откликнулся Мартин, аккуратно оттесняя меня себе за спину. Во избежание. – Но должен предупредить, что больше не желаю видеть вас в этом доме без присутствия стражи. В противном случае, уж не обессудьте, вы не сможете пересечь порог этого дома.

Леди Шарлотта недовольно дернула носом, словно забыв на мгновение о своем статусе.

– Бедная Ринталь, – протянула она, сделав последнюю попытку достучаться до неблагодарной меня, но сделать шаг в мою сторону ей помешал Мартин.

– Ричард, проводите гостью и убедитесь, что она не оставила нам никаких подарков, – приказал Марин, обернувшись на вернувшегося и ожидавшего в дверях дворецкого. Тот молча кивнул и смерил внимательным, если не сказать оценивающим, взглядом леди. И оценка это была не слишком приятной, Ричард словно бы не только запоминал параметры фигуры леди, но и размышлял попутно, где можно заказать домовину и нельзя ли сэкономить на материале.

– Вам это с рук не сойдет, – прошипела леди, тем не менее самостоятельно, без посторонней помощи – взгляды не в счет, покидая гостиную.

Едва за ней закрылась дверь, мои ноги подкосились. Даже молчаливое присутствие, разбавленное парой незначительных реплик, выпило все мои силы. Хватило лишь на то, чтобы упасть на диван и откинуться на спинку.

– У меня есть наследство? - В моем вопросе было больше молчаливого смирения, чем жажды узнать ответ.

– Полагаю, так оно и есть. – Мартин присел рядом. – В противном случае, при всем моем уважении и хотя лично для меня такой вопрос не актуален, я не знаю, что нашла в вас леди Калиори.

– Господин Морган знает, - тоскливо протянула я.

– Вероятно, - не стал спорить со мной супруг. - Эльтран хранит столько тайн, что порой мне кажется: именно они продлевают его существование.

– Разве он стар? - Удивление вышло не слишком ярким, но искренним.

– Немолод, – уклончиво ответил Мартин. - Но сколько бы раз я ни видел его, он никогда не меняется. Не знаю, кому из богов он продал душу, но те не поскупились.

– Тогда он заключил сделку не с богами, а с демонами, – фыркнула я, немного приходя в себя. - Кажется, они легче откликаются на призывы и дают людям то, чего те желают.

– Не просто так, - заметил Мартин устало. - Потому лучше их избегать.

– Вы правы, - протянула я, вспомнив рассказ Мали. - Демоны непредсказуемы, но и люди порой открываются с неожиданной стороны.

– Как леди Шарлотта?

– Как вы, - не согласилась я, чуть сползая и поворачиваясь к замершему в ожидании собеседнику. - Ведь мы оба подписали тот контракт, и что бы мне ни принадлежало, вашим оно не станет, но... – Я замялась, не зная, какое слово лучше подойдет, чтобы описать решительность Мартина и его равнодушие. И пусть он и обещал взять на себя мои проблемы, признаться, в глубине души я боялась, что это был лишь предлог, удочка, пропустить которую я была не в силах.

Я подняла взгляд на Мартина, неотрывно следившего за мной в ожидании продолжения. На его лице замерла непроницаемая маска, словно он не мог позволить себе и тени эмоций, словно боялся показать что-то, что может лишить его... Чего?

– Если вы поступили так из-за того, что произошло тогда. - Я отчаянно покраснела, но сказала твердо: – Вы ничего мне не должны. Это было моим желанием и...

– А мое желание – оберегать вас, - хрипло признался Мартин, расстегивая верхнюю пуговицу рубашки. - От притязаний леди Калиори, цепких лап моего коллеги или собственной глупости.

– Глупости? - Я смотрела на Мартина широко раскрытыми глазами. – Вы не показались мне глупым. Кто угодно, но не вы...

– Вы слишком добры, госпожа Клейн. – Из уст мужчины моя новая фамилия звучала неожиданно приятно. Да и в целом его тон рождал ещё не исследованное мною до конца чувство томительного ожидания. Словно все вокруг уже знало о чем-то, в отличие от мучительно краснеющей под взглядами мужа меня. - Но я не столь благороден, как вам кажется.

– То есть вы рассчитываете на благодарность с моей стороны? - Вырвалось будто бы произвольно, вызывая новый прилив краски к щекам.

– Определенно, - заверил меня Мартин таким тоном, что по коже пробежали мурашки.

– И какую благодарность вы бы желали? - Губы пересохли, а голос предательски охрип.

– Искреннюю, - сжимая пальцы в кулаки и порывисто поднимаясь с дивана, выдохнул Мартин. – Боги, в чем я перед вами провинился?

Вопрос Мартина должен был повиснуть в воздухе, но вместо этого знакомый ехидный голос не преминул сообщить:

– Озвучить весь список ваших прегрешений, мой дорогой друг?

Господин Эльтран остановился на пороге, прислонившись спиной к дверному косяку и чуть приподняв трость, на набалдашник которой он и смотрел. Впрочем, стоило ему почувствовать мой взгляд, как мужчина подмигнул и, перекинув трость из одной руки в другую, отбивая ею ритм, вошел в гостиную.

– Полагаю, моя старая знакомая нанесла вам визит. – Господин Морган глубоко вдохнул и усмехнулся. - Чувствую запах ее духов. – И

Мартину: – Распорядись, чтобы здесь проветрились. Шарлотта предпочитает использовать все доступные ей средства, в том числе и условно законные. – Он развернулся на каблуках, ожидая, когда Мартин уйдет, но тот не торопился выполнять совет. – И чего же ты ждешь? Пока у нашей милой Ринталь заболит голова? Это для нас с тобой привычно иметь дело с подавляющими волю ароматами, но не для юной девы.

– Ты в порядке? – одними губами спросил Мартин. Я быстро кивнула, но господин Эльтран не собирался молчать:

– Ты уверен, что твоя юная супруга не врет? Смотри, как покраснела кожа, как глубоко она дышит – еще чуть и бросится вслед за родственницей.

– Вы не правы, – одернула я мужчину. Получилось чересчур грубо, но этого словно бы никто и не заметил.

– Так уже лучше, – склонив голову на бок, удовлетворенно заметил блондин. – И раз уж дело не в дурмане, считать ли мне, грешным делом, что вы, моя дорогая, не устояли перед обаянием моего коллеги? – Вопрос мужчины был столь вызывающ, что, задай он его в обществе и адресуй незамужней леди, репутация последней была бы разрушена. Но, – я вовремя себе об этом напомнила, – сейчас дело касалось моего законного мужа, а значит я могла быть откровенна, насколько сама того желала.

– А если и так? – с вызовом заявила я, с каждым словом собеседника все больше убеждаясь, что из них двоих именно Мартин заслуживает доверия.

– Тогда я искренне вас поздравляю, – ничуть не обиделся блондин, зажимая трость под мышкой и демонстративно нам аплодируя. Впрочем, представление долго не продлилось, и уже спустя минуту взгляд блондина стал серьезным и сосредоточенным. – Вы не отправили запрос леди Кондиде, – напомнил блондин, хотя ему не полагалось знать таких подробностей.

– Сейчас распоряжусь, – отмер Мартин. С неохотой посмотрел на коллегу, но вынужден был покинуть гостиную. Видимо, к некоторым документам у слуг не было доступа, и требовалось личное присутствие хозяина, чтобы его получить.

– Леди Рин. – Блондин шагнул ко мне, но, заметив, как я нахмурилась, тяжело вздохнул и отступил. – Вы разбиваете мне сердце

своим недоверием.

– Скорее обоснованной опаской, - заметила я и, не сводя взгляда, наблюдала, как мужчина спокойно занимает опустевшее после ухода леди Шарлотты кресло, любовно оглаживает подлокотники и мечтательно вдыхает оставшийся после гостии аромат.

– Как жаль, что ваша наивная вера в лучшее так быстро угасла. - Блондин закатил глаза в притворном сожалении. - Но опустим это. Времени отмечать сие событие у нас все равно нет. Леди Калиори, должно быть, уже мчится в город, а оттуда, уверен, направится прямым порталом в столицу. Даже ей очевидно, что поддержку местной власти она не получит.

– А в столице...

– В столице возможны варианты. - Блондин поморщился. - Даже если леди Кондида сегодня же поговорит с племянником и тот проявит заинтересованность в вашей судьбе, на вынесение официального решения и доведения его до всех судей столицы понадобится время. В среднем процесс занимает от пары дней до нескольких недель. Учитывая заинтересовать его величества, полагаю, говорить стоит о днях. Но в это время вы весьма уязвимы, леди Рин.

– Почему? Я же вышла замуж и...

– И сделали это против воли своего опекуна. Разумеется, если дело попадет в справедливый суд, вы будете полностью оправданы, и ваш брак будет признан. С другой стороны, – господин Эльтран закинул ногу на ногу, - если суд будет предвзят к нам – ваши слова даже во внимание не станут принимать, уж извините. То есть небольшая вероятность, что право опеки вернут леди Калиори. Как попечительнице, показавшей себя с положительной, - Эльтран усмехнулся, – стороны.

– Но ведь это неправда. И почему вы считаете, что мое мнение...

– Потому что леди Калиори не знает о существовании вашего с Мартином контракта, а значит, чтобы вернуть доступ к вашему наследству, ей необходимо признать ваш брак недействительным. Хотя бы на пару часов, чтобы выехать вместе с вами в другую страну. В ту же Таласку. - Меня передернуло: худшего государства на континенте для любой образованной и желающей самостоятельности женщины не было.

– Не пугай мою жену. - Грозный голос Мартина вмешался в рисовавшее мне возможные ужасы повествование. – Даже в Таласке, если не сказать особенно в Таласке, право мужа первостепенно.

– Разумеется, – легко согласился Эльтран и с издевательской усмешкой заметил: – Если ты сможешь отыскать свою жену в чужом гареме. Туда, порой, как мы оба знаем, берут не только невинных девиц. – От столь грубого напоминания о прошлой ночи, я подавилась воздухом. - Прошу меня извинить, леди Рин, но сам факт проведенной вами вместе ночи, не играет никакой роли, когда дело касается перешедших вам капиталов.

– Вы так много об этом знаете, - неожиданно зло протянула я. Видимо, мое смущение и желание сохранить хоть немного достоинства вылились в агрессию, благо повод был подходящий.

– Разумеется, ведь я помогал леди Шарлотте с его оформлением. – Блондин отсалютовал мне тростью. – Не нужно так бурно реагировать. Пожар в поместье ничем вам не поможет, - заверил меня господин Морган, и я только сейчас поняла, что вся горю. В прямом смысле слова. И еще немного – пламя с меня перекинется не только на уже испорченную одежду, но и на кресло, а там, того и гляди, действительно может заняться и дом.

– Ринталь, - позвал Мартин, и его голос странным образом меня успокаивал, – ты в безопасности. А ему, - мужчина бросил быстрый взгляд на демонстративно изучавшего свои ногти гостя, - мы позже отомстить. Не портя свой дом, не пугая слуг, и без свидетелей.

– Не выйдет, - фыркнул юрист, но от иных комментариев воздержался, зато громко позвал: – Дженни, госпоже нужно привести себя в порядок.

Служанка появилась стремительно, словно только того и ждала. Протянула мне руку, и, хочешь не хочешь, но мне пришлось возвращать контроль над силой, чтобы случайно ее не опалить.

– Ни о чем не думай, - прошептал Мартин, подходя ближе и заключая меня в объятия. Дженни почтительно отступила назад, ожидая. - Я сам с ним поговорю. Обещаю, мы со всем справимся.

Он говорил, и я не могла ему не верить. Словно что-то внутри вторило его словам, давая понять – мужчина искренен и понимает цену своих слов.

– Я... верю.

Мягкая улыбка скользнула по его губам и, словно не удержавшись, он наклонился ближе, запечатлев быстрый поцелуй на моей щеке.

– Позже намилуетесь, - отрезал господин Морган, руша тонкую ниточку связи, протянувшейся между нами.

– Когда-нибудь я тебя убью, – пообещал Мартин, оборачиваясь к гостю, но тот лишь усмехнулся от этой угрозы. Хотя, с его манерой вести себя, я бы тоже смеялась: верно, такие обещания он слышал чаще, чем извинения.

– Будешь двести семнадцатым, – хмыкнул блондин. – Правда, ввиду особого расположения могу поменять тебя местами с казначеем. Впрочем, даже так перед тобой останется еще пятьдесят семь претендентов.

– Идемте. - Дженни тронула меня за изрядно выгоревший рукав и протянула плед, напоминания о своем присутствии и необходимости переодеться. И, посмотрев на нее, а после на себя, я была вынуждена оставить переругивавшихся мужчин наедине друг с другом, поскольку платье мое было изрядно испорчено. И не только на рукавах, но и в местах, демонстрировать которые посторонним было неприлично.

Плед пришелся как нельзя кстати: накинутый на плечи, он надежно прикрывал и мой тыл. И все то время, что мы поднимались по лестнице и торопливо шли до моих покоев, я пусть и чувствовала себя не в своей тарелке, не сгорала от смущения. Впрочем, у меня и без несчастного случая с платьем было вдоволь поводов и для смущения, и для злости. Вот только сил не осталось.

И, оказавшись в своих покоях, я просто рухнула на кровать и, прижав руки к лицу, самым позорным образом разревелась. Сколько длилась моя истерика, я не представляла. Но когда слезы наконец иссякли, оставляя после себя чувство полного опустошения, я увидела Дженни, сидевшую на стульчике рядом, и почувствовала, что она гладит мою ладонь.

– Я ужасна? - Горькая улыбка коснулась губ.

– Вы просто устали, - спокойно откликнулась Дженни. Я глубоко вдохнула, пытаюсь успокоиться. Едва ощутимый аромат коснулся носа. Такой знакомый и... Додумать мысль я не успела. Голос Дженни стал доноситься, как сквозь подушку, все тише и тише. Последним, что я

успела разобрать, были ее слова: – Отдохните. Завтрашний день вернет все на круги своя.

ГЛАВА 25. О цене родственных чувств

Размеренный стук колес убаюкивал не хуже колыбельной. Но еще лучше с этим справлялся запах, которым пропитался накиннутый мне на лицо платок. Я попыталась было избавиться от навязчивого подарка, но пальцы отказывались повиноваться. Моргнула, кое-как справляясь с одолевавшим меня сном, и тут же закрыла глаза. Прикушенная губа отозвалась острой болью, но это было в самый раз. Боль немного прояснила затуманенный рассудок.

Ошибки быть не могло. Дорогая «тетушка» сидела напротив и торопливо листала подшивку каких-то бумаг, хмуря тонкие брови и сжимая пальцы так, что они белели больше обычного. Будь у меня выбор, я бы ни за что не хотела оказаться с леди Шарлоттой рядом в тот момент, когда та изволила гневаться. Но это уже произошло, и моего желания никто не стал спрашивать.

Дженни... Наверное, мне не стоило ей доверять. Хотя кому тогда стоило? И Мартин, и господин Морган, если он, конечно, на нашей стороне – увы, теперь я не была в этом уверена, не подозревали слуг, да и сама девушка... Мне не хотелось верить в ее предательство, но тонкий аромат дурмана исходил именно от нее.

– Дура малолетняя, – проскрипела зубами «тетушка», и я услышала, как с шорохом рассыпаются по полу более не нужные блистательной леди бумаги. – Сколько проблем от этих своевольных подростков. Но ничего, и с таким справлялись, – пробормотала она себе под нос и больно стукнула меня тростью по плечу.

Я не была готова к внезапной боли, а потому инстинктивно дернулась, когда дерево встретилось с чистой кожей.

– Не притворяйся. Я заметила, что ты очнулась, – усмехнулась леди Калиори, стягивая с моего лица высохший платок. – Хорошо погуляла? – издевательски-участливо осведомилась женщина, подаваясь вперед и откидывая острым носком туфли попавшие под ноги документы. Мне, уложенной на сидение, было сложно прочитать, что там написано, но свою подпись я узнала мгновенно. Холодный пот прошел тело.

На полу, изорванный в клочья, лежал наш с Мартином брачный контракт. И мне хотелось думать, что это был третий экземпляр, предназначенный для регистрации в столице. Впрочем, и с этой мыслью я поторопилась, ведь если наш контракт остался незаверенным, моя ценность для зло прищурившейся тетушки резко падала вниз.

– Молчишь? – От голоса леди Шарлотты, казалось, в воздухе появились кристаллики льда. – Нечего сказать? Заставила ты меня побегать. Еще и Марианна не сразу сообщила, знала, что с ней за недосмотр будет... Чего так смотришь удивленно? Думала, я оставлю свой золотой билет без присмотра? Вот уж нет. - Она рассмеялась. - Больше я такой ошибки не допущу. И глазами не зыркай... Хотя – смотри, привыкай видеть все и помалкивать.

– Я не стану...

– Станешь, – отмахнулась собеседница. - Еще как станешь. - Она говорила нежно, почти с любовью, но у меня все волоски на теле стали дыбом, будто знали, что на самом деле скрывается за ласковым тоном этой женщины. - Что скажу – то и сделаешь.

– Нет, - зло выдохнула. Говорить в той позе, в которой я лежала, было не слишком удобно, но леди Калиори вопрос моего комфорта явно не заботил.

– Ну нет так нет, - рассмеялась женщина, хотя я ждала всего – от пощечины до шантажа. - Все-таки удобно иметь в любовниках главного архивариуса казначейства. А уж поверенного в делах наследства – еще лучше. - Леди потянулась, по-кошачьи выгибая спину и вскидывая подбородок. - Ты, девочка моя, совершила ошибку. Как и твой благородный, но глупый муженек. Даже странно, что выкормыш Агдора позволил себе такой недосмотр.

– О чем вы говорите?.. – С трудом, но мне удалось сесть, напрягшись всем телом. – И не называйте Мартина...

– Какая злость. - Леди Шарлотта зааплодировала. – Не думала, что мой беззубый котенок хоть когда-то решится на подобное. Но, девочка моя, как бы ты ни злилась, но вы сами оставили для меня лазейку. Да, не сумей я вовремя получить это, – она пренебрежительно, каблуком, указала на разорванные листы, – у вас был бы шанс меня провести. Но, желая сохранить твою самостоятельность, вы сделали мне огромный подарок. Мне даже не

нужно обеспечивать тебе развод, хотя и с этим едва ли возникнут проблемы. Неконсумированный брак в наше время так легко расторгнуть.

Я прикусила губу, чтобы щеки случайно не покраснели, выдавая меня с головой.

Она не знала. Все-таки она не знала! Значит ли это, что Дженни не успела или не стала сообщать своей – а кому собственно? - о том, что знали все слуги дома.

– Вы – чудовище, - выдохнула я, желая перевести тему.

– Я? – Леди Калиори вздернула брови в притворном удивлении. – С чего бы это? Я денно и нощно заботилась о несчастной сироте, света белого не видела, и теперь терпеливо сношу удары судьбы, слушая гадости от неблагодарной девчонки.

Она так умело расставляли голосом акценты, что я на мгновение действительно почувствовала себя виноватой. Даже зная, что меня попросту использовали, я не могла не сочувствовать этой женщине!

– Как у вас это получается?

– Что именно? - усмехнулась собеседница.

– Воздействовать на людей. Дженни ведь не по доброй воле стала вам помогать...

– Ах, это... – Леди белозубо улыбнулась. - Проблема бездарных, хотя их принято жалеть и называть неодаренными, в том, что они крайне легко поддаются воздействию.

– Но вы ведь...

– Девочка моя, если ты ни разу не видела, как я применяю силу, это не значит, что ее у меня нет.

– Но вы поселились у Такоя, - вспомнила я слова Мали. – А там...

– Индариум, - легко закончила за меня леди. - Но он не для всех одаренных опасен. Магия крови и так не всеми учеными признается магией. При должном старании и отсутствии моральных терзаний, любой бездарь может разжиться силой и так же легко от нее избавиться. Жаль только после этого выпитый одаренный превращается в недееспособного глупца. - Леди Шарлотта сочувственно похлопала меня по плечу. – Так жаль, когда такие юные создания теряют разум из-за собственной глупости. И даже уроком это не станет...

Я промолчала. Просить сидящую напротив женщину передумать было бесполезно: она и так зашла слишком далеко. И та легкость, с которой она говорила о делах, караемых смертной казнью, лишний раз подтверждала: она уже делала подобное. Не раз и не два, а потому ей самой терять уже было нечего. Молить такую о пощаде, надеясь на помощь богов? Наверное, если бы слезы могли что-то решить, я бы не пожалела себя, но все чаяния разжалобить убийцу были обречены в зародыше. И я не стала. Молча сжала зубы и с незнакомой мне ранее ненавистью посмотрела на тетушку.

– Характер появился? - не слишком довольна заметила леди Калиори. – Этот ведьминский городишко плохо на тебя повлиял.

– Лучше, чем вы, - все же не удержалась я. Отчего-то пренебрежение Грастином и оккупировавшее все его сферы жизни сестринство требовало в моей душе возмездия. - Они спасли мне жизнь и рассудок.

– Ненадолго, - отмахнулась леди Калиори.

– И когда?..

– О нет, моя дорогая. - Женщина погрозила мне пальцем. - Незачем тебе знать такие ответы. Жди своего наказания каждую минуту, знай, что оно неотвратимо, изматывай себя сама. Так мне будет спокойнее и легче.

– Тогда я не ста...

– Мы не властны над своими страхами, - оборвала меня на полуслове леди. - Какими бы громкими словами мы не бросались, страх найдет дорожку к каждому сердцу. - Она аккуратно отодвинула шторку и довольно улыбнулась. - На силу свою не надейся. Отвара перкиса ты выпила достаточно – на неделю хватит, но столько тебе мучиться на придется, - заверили меня.

Карета, качнувшись, остановилась.

– Пилир, отведи ее в комнату для гостей, - приказала женщина, покидая салон. Под ее ногами шуршала изорванная бумага. Несколько мелких фрагментов были подхвачены юбкой и благополучно упали на поросшую травой плитку перед полуразвалившимся крыльцом старого, даже на первый взгляд, сырого дома.

Впрочем, внутренняя отделка дома не оправдала моих ожиданий. Ни плесени по углам, ни паутины, ни даже многоножек или голодной крысы, следящей за незваными гостями из укрытия – ничего этого не

было. Самым большим испытанием для моих босых ног стало крыльцо, на котором лежала рухнувшая колонна. Специально лежала, судя по контрасту между фасадом и внутренним убранством.

Комната «для гостей», увы, оказалась под стать именно фасаду. Вот уж где имелись и пауки со множеством глаз и толстыми пушистыми ножками, и многоножки, и жужжащая муха, чудом не влетевшая ни в одну из укрывавших углы паутин. Не хватало только летучих мышей, но, кажется, они нашли для себя место поприятнее. Теперь в компанию обитателей гостевой комнаты добавилась еще и я в грязном, местами выжженом платье. Горько усмехнулась: видимо, судьба решила сэкономить мне на нарядах, ибо любое самое нарядное платье здесь оказалось бы в миг испорченным. Другое дело, что я готова была пожертвовать платьем, лишь бы не чувствовать, как по коже карабкается, задевая усиками, незнакомое мне насекомое. С трудом сдув его – руки мне никто не стал освобождать, я замерла посреди комнаты и, посчитав до пяти, огляделась. Не время было паниковать: тех, кто смог бы мне помочь, рядом просто не было, как и способа с ними связаться. Я не чувствовала амулета, созданного Мали, не было в волосах и ни одной из подаренных заколок. А потому, прикусив губу – не удивлюсь, если заживать она будет долго, – и набравшись храбрости, я снова осмотрелась. На сей раз не отпрыгивая от каждого местного жителя.

Нехорошая пустота, поселившаяся внутри, не давала забыть о недоступности силы, но я все равно попыталась дозваться до своего огня. Увы, он был слишком далеко, хоть и рвался мне навстречу. Наверное, потерявшие силу маги оттого и сходили с ума: сроднившись с силой, пропустив ее через себя, они больше не могли жить без ее поддержки.

Тряхнула головой, скидывая на пол многоножку, и резко выдохнула. Не время отчаиваться и бояться насекомых. Не сейчас – потом, если удастся выбрать, обязательно. Но не сейчас.

Поминутно напоминая себе, что столь мелкие твари не могут меня убить – по крайней мере мгновенно, я аккуратно обогнула полуистлевшее кресло, ногой подтащила вселявшую доверие табуретку к стене и, встав на нее, достала до небольшого, давно не мытого окна. Увы, даже так оно было слишком высоким для связанной

меня, потому ни трещины на нем, ни одинокая дыра не могли стать для меня спасением.

Передернула плечами, пытаясь хоть немного размяться, но сделать это со связанными сзади руками было не слишком легко. Кожа под веревками зудела, но это было меньшей из моих проблем, а потому старательно игнорировалась. Хотя...

Совсем не-аристократически почесав спину, насколько это было возможно, я задумчиво осмотрелась. Пол был покрыт грязью и экскрементами, но альтернативы мне никто не собирался предлагать. Отчего-то разом вспомнились истории из библиотеки Вальеха и, решив рискнуть, я опустила на пол, радуясь, что не успела как следует отъестся, а гибкости боги мне отсыпали с лихвой, вероятно, зная, в какую передрыгу мне суждено попасть.

Едва ли после всех экзерсисов на полу, даже служанка приняла бы мое платье в качестве половой тряпки, но цель была достигнута. Попа пролезла через кольцо связанных сзади рук, и теперь я могла в полной мере насладиться зрелищем своих расцарапанных конечностей. И не только расцарапанных.

Захотелось вымыться, но пришлось напомнить себе о делах более насущных. Например, о веревке, стягивающей запястья. Прищурившись, я изучала погруженную в полумрак комнату, но ничего подходящего – острого или зазубренного не нашла.

Горько усмехнулась, вспомнив, что в любой ситуации у человека есть естественные резцы, но даже на глаз толщина веревки явно выигрывала у моих зубов. Пришлось думать над другим вариантом. Табуретка, так хорошо мне послужившая для выглядывания на свободу, была поднята (не так высоко как хотелось: для полноценного замаха мне позорно не хватало сил) и опущена. И я вновь посмотрела на окно: если подтащить кресло, на нем устроить табурет, на табурет взгромоздить еще что-нибудь, а после вишенкой на торте – себя, то, как мне показалось, был неплохой шанс покинуть комнату для гостей и, если боги будут милосердны, ничего себе не сломать при падении. Сказано – сделано.

Увы, только соорудив импровизированную лестницу и вынимая по одному осколки стекла, я поняла, что именно этим стеклом можно было и порезать веревку. Поняла – и реализовала, благо леди Шарлотта то ли не успела прикупить что-то понадежнее, то ли и не собиралась, не

ожидая от меня самоубийственных порывов. Как бы то ни было, вылезая в окно, я готова была принять любую причину, лишь бы мой побег был удачным. Кусок стекла, так меня выручивший, я забрала с собой: пока это было единственное доступное мне оружие, так к чему им разбрасываться, если можно применить.

Лес встретил меня мрачными тенями. Еловый, о котором в народе ходили не самые лучшие поверья: именно здесь по легендам следовало заключать сделки с демонами, обещая душу и вечное служение. И, прихрамывая подальше от поместья, я, грешным делом, думала о варианте со сделкой, благо подробности ритуала, который успела провести сестра Мали, легко всплывали в памяти. И сейчас я даже была благодарна человеческой природе, запоминающей всякие ужасы и охотно подсовывающие их в неподходящее время. У меня же, судя по ситуации, время было самое подходящее.

Нет, где-то в глубине души я надеялась, что меня найдут и спасут, но до этого момента еще следовало дожить. И здесь мне не на кого было положиться кроме самой себя, а потому – обмотали ноги тряпками и в лес. Уехать далеко от Грастина леди Шарлотта не могла. Портал бы для нее никто открывать не стал: ведьмы бы не допустили, особенно с бессознательной мной в компании. Значит, уехать мы могли только каретой, и даже если предположить, что мою пропажу обнаружат лишь утром... Я подняла голову, чтобы разглядеть среди еловых веток небо, но потерпела фиаско: ни одного голубого, или хотя бы серого, клочка не виднелось через еловую крышу.

Сглотнув, я торопливо продолжила свой путь в неизвестность. Лучше уж волки, чем то будущее, что так охотно мне расписали. Конечно, было бы интересно увидеть, как леди Калиори сообщают, что наш брак с Мартином успел перерасти в нечто большее, чем платонические отношения, и я, особенно сейчас, об этом ни капли не жалела, но... Рисковать сознанием ради одной лишь вероятности, что мне доведется увидеть выражение крайнего раздражения на лице той, что приготовила мне незавидную участь... Лучше я быстрее шагать начну: едва ли у меня много времени в запасе.

Пронесшийся по лесу гул заставил меня вздрогнуть. Тело прошила чужая сила, явно намекая, что поиски меня увенчались успехом. И кто это был, судя по придавившей меня к земле силе, я прекрасно знала.

«Решайся», – пронеслось в моем сознании. То ли добрый совет, а то ли толчок к бездне, но ритуал оставлял для меня шанс. Шанс снова увидеть теплую улыбку Мартина, ощутить объятия Мали, поесть пирожков, а после искупаться в пруду леди Марлы, и сурово сдвигающую брови леди Кондиду я была бы рада увидеть вновь. Но пока, если решимости не хватит, единственная, кого я увижу, будет приговорившая меня леди Калиори.

И я решилась. Круг вышел кривой, но без разрывов, руны – я старалась не думать про ошибки, кровь – она и так стекала прямо на землю, пока я прорезала осколком переплетения корней. Еще целых два раза меня прижимало к земле волной чужой силы, и оба раза я зарывалась носом в землю, так больно это было. Леди Шарлотта была не жалея, и мне не хотелось думать, кому пришлось поступить своей силой, чтобы она так развернулась.

– ... приди, - последнее слово призыва выпило все мои силы. Голова закружилась, но, теряя сознание, я почувствовала, как меня подхватывают чьи-то руки. К счастью, это была не женщина.

ГЛАВА 26. Старые новые знакомые

Я лежала на мягком. Это было первое, что я почувствовала, придя в сознание. Вторым впечатлением был яркий солнечный свет, немилосердно щекотавший мои смеженные веки. Тепло нежно касалось кожи и, если бы ни память, заставившая промелькнуть перед глазами обстоятельства, предшествовавшие моему путешествию в забытье, я бы может и смогла насладиться покоем и теплом. Но вместо этого резко села и, в последний момент подхватив укрывавший меня плед, открыла глаза, встречаясь взглядом со смутно знакомым мне человеком.

Он был почти таким же, как на заказанном Мали портрете. Лукавые глаза не сводили с меня внимательного взгляда из-под челки, светлые волосы, заплетенные в свободную косу, уходили вниз, под пространство стола, напротив которого, на кушетке, я и лежала. Изогнутые в насмешливой усмешке губы дрогнули, начиная разговор:

– Моя неожиданная гостья наконец-то пришла в себя? – риторически спросил мужчина, поднимаясь из-за стола и обходя его.

– Спасибо, – было первым, что я ему сказала, занимая вертикальное положение. Мужчина кивнул, принимая благодарность, и вздернул левую бровь, намекая на продолжение. – Что я должна вам за свое... спасение? – предположила я.

– Ничего, – легко отмахнулся незнакомец, опираясь на край стола. – Увы, ваш долг, леди, уже оплачен.

– Кем? – вырвалось у меня прежде, чем я успела осознать свое счастье. Не нужно было быть большого ума человеком, чтобы сложить проведенный мной ритуал и пробуждение здесь на кушетке.

– Одним упорным молодым человеком, – хмыкнул мужчина. – Он мог бы выбрать что-то иное, но потратил свой шанс, выкупая вашу свободу от долга.

– Но я не могу...

– Тс. – Незнакомец приложил палец к своим губам. – Не обесцениваете чужой порыв. Мой дорогой друг считал, что поступить иначе не может. Пусть так, я не стал его разубеждать. Вот только, – мужчина быстро сократил разделявшее нас расстояние и шепнул мне

на ухо, - ваш долг был оплачен заранее. А потому у вас есть право обратиться ко мне ещё раз. В счет заслуг моего юного друга. Разумеется, если не станете говорить ему о глупости его поступка.

– Ваш юный друг... – проговорила я, складывая в уме подсказки. – Мартин?!

– Как удачно, что вы столь догадливы, - похвалил меня блондин, но поморщился от громкости моего удивления. – Не будьте столь эмоциональны, – попросил он, демонстративно хватаясь за голову. - Пощадите мои уши.

– Да, хорошо, – пробормотала я, пытаюсь переварить все, сказанное собеседником. – Значит, Мартин взял на себя мой долг?..

– О, он практически не оставил мне иного выхода, кроме как переложить всю ответственность за ваш поступок на него, - усмехнулся блондин, закатывая глаза, словно вспоминал особенно приятные моменты. - Никогда не думал, что внешне спокойные люди могут быть такими несдержанными. Еще никогда прежде он не позволял себе так врывать в этот дом, но стоило какой-то ведьме отыскать вас у меня в гостях, он явился незамедлительно. Правда, ненадолго... И, на будущее, леди, - мужчина вновь повернулся ко мне, - прежде чем вызывать демона, стоит хоть немного изучить правила построения кругов. Вам чудом повезло самой не угодить в западню.

– Я в ней и была, - тяжело вздохнула. - Демон был лучшей альтернативой.

– Альтернативой чему? - заинтересовался мужчина, словно все его участие заключалось в переносе меня сюда, а леди Калиори так и осталась жаждать возмездия. От мысли, что «тетушка» может снова попытаться повторить свой замысел, у меня перед глазами поплыло, а сердце сорвалось на бег. – Не пугаемся. Уже поздно. – Блондин схватил мое запястье, и по телу прошла волна умиротворения. - Итак, так что же побудило юную леди рискнуть и призвать демона?

– Умирать не хотелось, - призналась я.

– Тогда вы неудачно выбрали место для прогулок, - заметил мужчина, не отпуская мою руку.

– Это было место побега, - заторможенно, словно и не совсем самостоятельно мне давалась откровенность, ответила я. - Тетушка... Леди Шарлотта хотела забрать мой дар вместе с сознанием. И я

предпочла лес... Там хотя бы был шанс на спасение... А потом я вспомнила о Мали и ее сестре.

– О Мали?

– О Малиаре, леди Астельгейт и... темной ведьме. В отличие от рассказов прочих, ей демон помог. И я решила рискнуть... И вы мне помогли... Забрали оттуда...

– Я был обязан, - отмахнулся собеседник, отворачиваясь, но мне показалось, что в его глазах успело мелькнуть узнавание. Вот только досада, сменившая удивление, была слишком красноречива. - Калиори, значит. - Он взял себя в руки и в голосе остался лишь холодный интерес профессионала. - Поведайте же мне, что именно она вам обещала.

И я рассказала. Как на исповеди. Даже более откровенно, чем требовали священники, потому что таким было охватившее меня желание: поведать все, без утайки. А мужчина слушал. Задумчиво. Порой задавая наводящие вопросы. И хмурясь. Его лоб прочертили неожиданные для такого молодого лица морщинки, которые становились глубже с каждым словом.

– Я понял, – наконец он остановил меня, а я почувствовала, что безгранично устала. - Мы пересмотрим ее договор.

– Договор? - Я отказывалась верить своим ушам. - То есть...

– Не нужно так злиться, – хмыкнул мужчина, отходя дальше и поднимая руки, словно в защитном жесте. - Не все ищут у нас спасения, большинство хочет чего-то более приземленного: денег, редкого дара, приворожить кого-то особенного. Сколько людей – столько и желаний, а право обратиться есть у каждого. Ни вы, ни леди Калиори не исключение.

– Но она нарушила столько законов!..

– И это весьма прискорбно, - пожал плечами мужчина. – Но, договор был заключен и исполнялся, пока это было возможно.

– Но вы сказали, что пересмотрите его, – напомнила я.

– Верно. Если покушаются на нашу собственность, либо исполнение договора способно навлечь беду на нас на самом высоком уровне, то проще его пересмотреть. Благо, люди редко думают, обуреваемые страстями, о четкой формулировке своего желания.

– Но я...

– И слишком часто думают о себе, – укоризненно заметил собеседник, не давая мне продолжить.

– Какой подарок для менталиста... – протянул другой голос, но его обладатель был мне очень хорошо знаком.

– Эльтран. – Демон обернулся к забывшему постучать гостю. Тот кивнул, приветствуя.

– Леди Калиори, как и Мартин, ожидает суда. Наш общий друг отделается штрафом за превышение самообороны: все же бить леди при свидетелях удовольствие крайне дорогое, пусть она и заслуживает большего. По делу Шарлотты прогноз не такой хороший. В саду за старым поместьем Лирвоев обнаружено полдюжины тел. И хоть доказательства вины леди Калиори косвенные, учитывая вмешательство Георга, я предполагаю гильотину, – отчитался, а больше всего это походило именно на отчет вышестоящему, господин Морган.

– И на него никак нельзя повлиять? – осведомился демон, вызвав в моей душе целый шквал эмоций. Вмешаться? Спасать убийцу? Ту, что едва не отправила меня на тот свет? И была бы рада, останься я до конца своих дней овощем?

– Увы, вы сами некогда снабдили династию защитными артефактами, теперь простым внушением дело не обойдется. К тому же, – Эльтран подмигнул мне, – Георг помирился с тетушкой, и так быстро ругаться с этой ведьмой не намерен. У него свадьба на носу, народ не поймет, если вся семья не соберется на торжество.

– Знаю, – недовольно поджал губы демон. А я переводила взгляд с одного мужчины на другого и не могла не заметить явного сходства. Родственники? Хотя вернее было бы предложить, что просто представители одной расы. Той, к услугам которой, оказывается, любили прибегать не только ведьмы. – Но хоть одна хорошая новость имеется?

– В Грастине приступили к строительству железнодорожной станции, – разулыбался Эльтран и кивнул мне: – Можете поблагодарить за помощь нашу теперь уже общую знакомую.

Демон тонко улыбнулся, насмешливо вздернул брови и уточнил:

– Неужели мне удалось встретиться со столь известной в наших узких кругах леди Рин? Очарован. – Мужчина поклонился, но вышло это как-то нарочито насмешливо. Впрочем, и я не сомневалась, что ему прекрасно было известно и мое имя, и обстоятельства, связывавшие

меня с его подчиненным. К чему только это притворное удивление? - Впрочем, ждать от Верманов меньшего не стоило. Удача всегда на вашей стороне.

– Ждать от кого?.. – Я зацепилась за оговорку собеседника и требовательно на него посмотрела. Даже расправила плечи и подбородок вздернула, как учили в пансионе, раз уж ко мне изволили обратиться как к леди.

– Она ещё не знает, – укоризненно покачал головой Эльтран и добавил для меня, порождая своими словами больше вопросов, чем ответов: – Хотя долго тайной ваше происхождение уже не останется.

– Вы мне расскажете?

– Не я. – По лицу блондина прошла судорога недовольства. - Ваша чересчур пронырливая подруга. Впрочем, учитывая, кто вызвался ей в добровольные помощники, шансов утаить хоть что-то уже не оставалось. Разгадка была лишь вопросом времени. – Словно вторя его словам в раскрытое окно скользнул вестник, сделал круг под потолком и спланировал ровно в руки чересчур осведомленного господина Моргана. - Позвольте? - Вопрос адресовался демону, и тот величественно кивнул.

Быстро пробежав глазами по написанному, господин Морган хмыкнул и, щелкнув пальцами, избавился от письма. На пол опустились лишь хлопья пепла.

– Оплатишь чистку ковра, - приказал демон, ничем не выдавая своего любопытства, хотя у меня все дрожало от нетерпения. Что бы ни писали Эльтрану, едва ли там не найдется ничего, что мне бы следовало узнать.

– Разумеется, - не стал спорить подчиненный. И удовлетворил мое любопытство: – Оливер сообщает, что суд над леди Калиори переносят на сегодня. Там же будет слушаться и дело нашего юного друга. Заседание пройдет в закрытом режиме, но госпожа Клейн может присутствовать. И как неудавшаяся жертва, и как супруга обвиняемого. Правда, оба процесса будут проходить параллельно, потому придется выбрать...

– Мартин, - я сказала быстрее, чем успела подумать. Сжала кулаки, напоминая себе, что имею полное право переживать о законном супруге, и уже четко, глядя прямо в насмешливые глаза господина Моргана, заявила: – Я хочу поддержать мужа.

– И откажетесь от удовольствия видеть лицо той, что испортила вам всю жизнь? - искушал юрист, словно проверял, что во мне сильнее: жажда крови или благодарность. Хотя, говоря откровенно, благодарности в той гамме чувств, что я испытывала сейчас, думая о муже, было не так много. Зато тревоги – хоть отбавляй. Теперь, когда мои проблемы оказались почти решены, я больше всего волновалась за цену, которую пришлось уплатить моему... любимому?

Мои щеки залила краска смущения. Еще никогда прежде, я не позволяла себе признать, что фиктивный муж стал чем-то большим для меня, чем просто партнером.

– Не всю. - Я покачала головой, отвечая заинтересованно наблюдавшим за мной мужчинам. – И я надеюсь, что вы не станете нам мешать. Мое желание, - я посмотрела прямо в синие глаза демона, - освободите Мартина от своих притязаний. Он больше вам ничего не должен.

– Вы уверены, леди?

– Я не леди. – Я улыбнулась широко и искренне. - Я – госпожа Клейн. И собираюсь ею оставаться все то время, что отвела нам судьба.

– И вы не боитесь, госпожа Клейн, что едва ваш супруг увидит кого-то более... подходящего на роль своей жены, он уйдет? Я бы мог помочь вам удержать его рядом навсегда, - искушая, предложил демон.

– Я не верю в навсегда. Оно бывает только в сказках с плохим концом. Я же хочу прожить обычную жизнь.

– Хоть обычной она не будет. Но я вас понял. - Демон учтиво кивнул, и теперь я чувствовала в его словах и действиях не притворное уважение. - Если Мартин пожелает уйти со службы, я предоставлю ему такую возможность. Но ни вы, ни он не сможете никому поведать о маленьком нюансе наших отношений.

– О том, что вы демон?

– Верно, - подтвердил мужчина, кивая Эльтрану. - Составь договор...

– Это излишне, - усмехнулся блондин. - Леди Рин и так уже подписала контракт. Брачный, но, поверьте мне, я учел в нем наши интересы.

Я недовольно прищурилась, но вынуждена была согласиться. Теперь я понимала, почему в нем было столько пунктов, требовавших

держат в тайне всю информацию, что я могла ненароком услышать от мужа о его работе и работодателе.

– Даже не сомневаюсь, – усмехнулся демон и добавил: – Иной раз мне кажется, что с тобой даже о погоде говорить опасно – и это вывернешь себе на пользу.

– Отчего нет? – фыркнул господин Морган. – Исходя из данных о погоде, можно понять, насколько богатым будет урожай, а это в свою очередь определяет...

– Достаточно, – оборвал начавшего занудствовать поверенного его начальник.

Начальник! Эта мысль пронеслась в моей голове так стремительно, что волосы, наверное, поднялись от запоздалой догадки.

– А вы случайно не?..

– Виктор Агдор к вашим услугам, – серьезно кивнул демон. – Сейчас меня зовут именно так.

– А на самом деле? – позволила себе проявить любопытство.

– Вы хотите присягнуть мне на верность, леди Верман? – серьезно уточнил тот, кто медленно, но неотвратимо опутывал все королевство цепью. Пока железнодорожной.

– Нет. – Голос враз охрип, из него испарилось все веселье. – Я была бы рада быть подальше от всего этого.

– И будете, – кивнул мужчина, – раз уж у меня долг перед вашей семьей. Но постарайтесь и сами не совать голову в петлю.

– Если скажете, зачем вам этот проект, – потребовала я, сама себе удивляясь. Но не думать о Грастине и своей ответственности за жизни населявших его людей не могла. – О демонах ходят не самые лучшие слухи и...

– И я им полностью соответствую, – усмехнулся господин Агдор. – Короли сменяются, а золото никогда не утрачивает свою ценность. Запомните это, моя дорогая. Пригодится. Мне ни к чему разрушать города, если я могу там заработать. А я могу. Но, – он бросил быстрый взгляд на висевшие за моей спиной часы, – вам следует поторопиться, если хотите успеть в суд.

– Все верно, – охотно подтвердил господин Морган, хотя он не озвучивал точного времени начала заседания. – Идемте, я провожу вас. Едва ли вы рискнете появляться на людях в таком виде, а примерка дело долгое.

Я кивнула, понимая, что меня просто выпроваживают из кабинета. Для чего? Вариантов было много: от договора леди Калиори, который требовал «пересмотра», до банальной встречи с партнерами. Теперь, когда долг демона был полностью погашен, ему больше не было необходимости уделять мне ни секунды своего времени.

– А Дженни? - Я вспомнила о служанке, когда мы быстро шли по светлому коридору с широкими окнами по одной из стен. Увы, они выходили на внутренний дворик, а потому я даже примерно не могла сказать, в какой части столицы мы находимся. Правда, была вероятность, что мое предположение о столице ошибочно, но все же я надеялась, что король упоминался не просто так.

– Дженни? – Эльтран остановился и внимательно на меня посмотрел. – Она в порядке. Насколько это возможно после топорной работы необученного менталиста. Зачем было окуривать бедняжку дурманом – не знаю, можно было и без этого обойтись.

– Что с ней? – не отставала я, не давая отвлечь себя на пространные размышления об особенностях работы менталистов.

– Ничего, что мы не могли бы скорректировать. Но не требуйте предъявить вам девушку, ей нужно время, чтобы восстановить некоторые функции мозга. Пока она не готова общаться. И не вините себя, – поморщившись, добавил господин Морган, заметив, как я старательно отворачиваюсь, пытаюсь скрыть выступившие на глазах слезы. - Все слуги знают, чем они рискуют. Но, уж поверьте, лучше служить тому господину, что может спасти твою жизнь, чем тому, кто ведет тихую жизнь в провинции и полностью бесполезен.

– Потому вы работаете на господина Агдора? - вздохнула я, беря себя в руки и прямо глядя в глаза собеседнику.

– Вовсе нет, - усмехнулся господин Морган, но пояснять не стал. Вместо этого кивнул в сторону лестницы, напоминая, что мы спешим.

ГЛАВА 27. Хорошо забытое старое

Дело заключившей сделку с демонами, лишившей королевство двух дюжин потенциальных магов и одной десятки состоявшихся, отравившей своего супруга, виновной в похищении ребенка и присвоении наследства леди Шарлотты Калиори завершилось королевской площадью справедливости. Той самой, на которой приводили в исполнение смертные приговоры за особо тяжкие преступления. Публично, чтобы замыслившие пойти по стопам некогда везучей аферистки, лишний раз задумались, следует ли поддаваться темным устремлениям своей души.

Мы с Мартином на казнь не пошли. Несмотря на все случившееся, мне не хотелось видеть, как сгорает в пламени очистительного огня та, что провела со мной годы. Пусть не самые радостные, пусть из корыстных побуждений, но вычеркнуть их из своей памяти я не могла. Увы, но я была обречена помнить Шарлотту Калиори не только убийцей.

– Ты не пожалеешь? – тихо спросил такой знакомый голос, вырывая меня из задумчивости. Я смотрела на заросший без присмотра сад, где сквозь сорную траву проглядывали головки маргариток. Мой дом. Один из трех, что, как оказалось, принадлежал когда-то моей семье. Самый скромный из всех, потому сохранивший себя в первозданном, каким он пребывал еще во времена моих родителей, виде.

Я обернулась и отрицательно покачала головой. Мартин подошел ко мне, обнимая сзади. Он уже оправился после пребывания в королевской тюрьме – судья оказался из старой аристократии и, вопреки предположению господина Моргана, не ограничился штрафом, назначив мужчине две недели исправительных работ. Поцеловал в висок, а после в подставленную под его ласку щеку.

– О чем же я должна жалеть? – спросила твердо, хотя и сама сомневалась, правильно ли поступаю.

Мартин на удивление спокойно воспринял новость о моем знакомстве со своим начальником, стоически вынес вопросы о его, Мартина, личной осведомленности о расовой принадлежности оного,

и лишь мое предложение сменить работодателя заставило его аккуратно уточнить, действительно ли я так хочу избавиться от мужа.

Пришлось признаться, что нет, не хочу, и, если он сам того пожелает, Агдор отпустит его без необходимости оплачивать взятый на себя долг.

– Как тебя это удалось? - он говорил нарочито спокойно, но я видела, как темнеют его глаза. А потому не стала заставлять мужа ревновать. Ни к чему нам обоим это. Ни ему, ни мне.

– А зачем ты взял на себя мой долг? – вместо ответа серьезно спросила я, и Мартин не стал юлить.

– Я обещал защищать тебя.

– И только? – Пришлось капризно надуть губки, как делали просватанные девочки из пансиона, когда рассказывали, как добиться желаемого от женихов. Мартин устало закатил глаза.

– И страшное психическое заболевание заставляет меня терять голову и здравый смысл, когда тебе что-то угрожает, - добавил мужчина.

– Ты так серьезно болен? - Я прикрыла рот ладошкой в притворном изумлении.

– Очень, - признался Мартин, нежно касаясь моих губ. – И это не лечится.

– И пусть, - выдохнула в ответ я, чувствуя, как руки мужа обнимают меня, прижимая к крепкой груди. А губы... губы прокладывают уже знакомую дорожку, целуя шею, ямку ключицы, спускаясь ниже... И я теряю связь с реальным миром, полностью отдаваясь во власть уже такого знакомого, желанного предвкушения.

– Мартин... – выдыхаю ему прямо в губы, и он ловит мой стон, заставляя прогнуться назад. И я даже не успеваю заметить, как платье оказывается на поясе, а Мартин... – Слуги увидят, - предпринимаю напрасную попытку достучаться до нас обоих.

– Я дал им выходной, - оторвавшись на мгновение, довольный, словно дорвавшийся до сметаны кот, сообщает мне муж, подхватывая под бедра и усаживая прямо на подоконник. - Но, - пальцы Мартина скользят по моей обнаженной щиколотке, - если, – он подается вперед, откидывая пышную юбку, отчего она встречается с лифом, уже смявшимся на поясе, – моя, - это слово он выдыхает с особым чувством, впиваясь в мои губы уже вовсе не нежным – скорее

собственническим, клеймящим поцелуем, – любимая жена, – дыхание мужа опалает разгоряченную кожу на груди, пока руки ласкают мои колени, подбираясь все выше, - настаивает, – я выгибаюсь, не в силах противостать слаженной работе его губ и наглых пальцев, добравшихся туда, где их уже ждали,и заставляющих меня неприлично стонать, пытаюсь,то отстраниться,то, сдаваясь на волю супругу, податься вперед. И в миг, когда я уже и думать забыла о слугах, холодном стекле за спиной и сквозняках, которым ныне была доступна я вся, этот возмутительный во всех отношениях мужчина, отстранился, поправляя манжеты,и невозмутимо предложил: – Если ты желаешь, я могу их вернуть.

– Лучше верни себя...

Обходиться без слуг оказалось даже в чем-то удобнее. Не нужно было думать о смене платья, о том, что губы слишком припухли от поцелуев, а расчесать волосы едва ли выйдет без специального зелья. Не нужно было думать и том, что кто-то узнает, как громко я могу кричать имя мужа, когда этот злой маг, в совершенстве освоивший искусство кукловода, заставляет меня играть по его правилам, слишком быстро разобравшись в устройстве моего удовольствия.

Вот и снова, стоило ему провести костяшками пальцев по моей спине вдоль позвоночника, нежно прикусить кончик уха, а после спуститься дразнящими поцелуями вниз по шее, я поняла, почему супруг так горячо поддержал мое желание отказаться от платьев с корсетом, воротником-стойкой и кринолинами. Впрочем, открывая под его чутким руководством мир доступного супругам наслаждения, я и сама была готова отказаться от чего угодно, чем господин Клейн умело пользовался.

Лишь к вечеру, когда потери со стороны дома составили три бокала, а кухне начала требоваться генеральная уборка, наш пыл слегка утих. Настолько, что мне даже помогли надеть платье и чулки, правда, остальные предметы гардероба куда-то резко исчезли,и я подозревала, что без участия мужа их пропажа не обошлась.

– Кажется, я люблю тебя, - тихо призналась, вставая на носочки и целуя Мартина в щеку. И тут же почувствовала, как сжались его руки у меня на бедрах, поднимая вверх,и заставляя обвить его шею руками.

– Все лишь кажется? - притворно обиделся мужчина. - А я в себе уверен.

– Вот как? - не сдержала смешка, отчего глаза Мартина опасно потемнели. Но я больше этого не боялась.

– Отшлепаю, - пригрозил муж, ставя меня на ноги, но не выпуская из кольца рук. – Я разум от тебя теряю, – признался тихо, зарываясь носом в мои волосы.

– И как только раньше справлялся? - Кокетство, кажется, вошло в мою жизнь одновременно с изменением социального статуса. Но если раньше, оно было скорее случайным, то теперь я наслаждалась, глядя на реакцию мужа.

– С трудом, – признался Мартин и, насмешливо сверкнув белозубой улыбкой, принялся расстегивать пуговички на рубашке. – А когда Эльтран принес мне контракт, я готов был его убить.

– Так хотелось получить приданное невесты? - понимая, к чему все идет, я приспустила рукав платья. Домашнего, но из тех, в которых нельзя показываться даже слугам.

– Скорее – невесту, - усмехнулся мужчина и пристально, чтобы не оставалось сомнений, как именно он хотел эту самую невесту получить, прошелся по мне взглядом. А я не стала задавать опасный, в первую очередь для моих чувств, вопрос: что было бы, если бы для пользы дела ему пришлось жениться не на мне, а на ком-нибудь другом?

Кажется, Мартин тоже понял причину, повисшего в воздухе молчания. Но врать, убеждая меня, что пренебрег бы долгом, не стал. Вместо этого прижал к себе и, обнимая за талию, прошептал на самое ушко:

– Зачем думать о том, что могло бы быть, если оно не случилось? Лучше, - от тона, каким это было сказано, по коже пробежали мурашки, - вернуться в настоящее.

Утром я чувствовала себя, будто прошла все расстояние от Билена до Грастина пешком, таща за собой «набор первой необходимости каждой леди». Увы, сменить статус леди на госпожу мне так и не удалось, а потому условности света вновь легли на мои плечи, так и не успев их покинуть.

Письмо от Ларин попало в мои руки на следующий день после суда. Его принес избегающий смотреть на меня Шарен. Работая в столичном архиве, он не мог не знать, что теперь я не могла ответить на его чувства взаимностью. Входить он отказался, отдал письмо

прямо на пороге и ушел, не оборачиваясь и ничего мне так и не сказав. А я смотрела на его удаляющуюся спину и просила всех богов, чтобы в следующий раз ему повезло встретить ту, что его полюбит.

«Моя дорогая подруга, – писала Ларин, уверенно загибая буквы. - Прежде чем читать дальше, сядь, пожалуйста, а лучше прими успокоительное. По-настоящему прими, а не как мы делали, оказавшись в лазарете! – Я улыбнулась, припоминая бедный фикус, дегустировавший, казалось, все выдаваемые в Вальехе зелья, и послушно откупорила наполовину пустой бутылек. Как бы я ни храбрилась, последние дни стали для меня испытанием. – Выпила? – вопрошала подруга. - Тогда читай дальше.

После того, как я показала вверху АльТерни твой портрет, он надолго задумался. Я видела, что он колебался, словно не зная, какое решение ему лучше принять, и так и ушел, ничего мне не сказав и забрав с собой рисунок. Я была так зла на него за это! – В этом месте лист был порван, и я не сомневалась, что простым «зла» дело не ограничилось. - Даже пригрозила, что пожалуюсь отцу и больше не буду сопровождать его на прогулках, – продолжала писать Ларин. - И, не знаю почему, но он сдался. Позволил мне присутствовать при разговоре с его помощником. Тому было поручено собирать информацию о похищенных детях, но тебя среди них не оказалось. Но, если вьер думал, что этим успокоит мое любопытство, то он глубоко заблуждался. Я же не слепая!

Я помнила, как он вздрогнул при виде портрета. И начала сама искать, раз уж положиться на этих мужланов ни в чем нельзя. Позже мне, конечно, объяснили, что я неправильно все поняла и утаивать от меня информацию никто не собирался, только они хотели все проверить, прежде чем сообщать мне. Но так я им и поверила. Сама облазила местный архив и все отсмотрела. Как же отличается настоящий марголинский от преподаваемого нам!

Несколько дней я провела в архиве, в поисках любых упоминаний о похищениях, но, тут помощник Эркота не соврал, громких случаев не случилось. Как и убийств. Ты же осталась сиротой – иначе бы леди не смогла распоряжаться деньгами, потому я решила искать и в этом направлении. Но снова меня постигла неудача. И если бы не случайно увиденная мною подшивка... Ты очень похожа на мать!

Чета Верман – можешь привыкать к своей настоящей фамилии – просто не вернулась из путешествия. Ни их тел, ни других свидетельств смерти не удалось найти. Тебя в то путешествие не взяли: слишком далекое для маленького ребенка, - и ты ждала их возвращения в поместье, окруженная заботой слуг и своей няни, незадолго до того вступившей в должность. Иностранки, с прекрасными рекомендациями – кто только дал их этой... – на этом месте Ларин определенно не смогла сдержать гнева, а потому неподобающие воспитанной девушке слова были вымараны чернилами. - Законно стать твоим постоянным опекуном она не могла – в таких случаях первостепенное право имеют родственники. Но, твой дед, не урожденный Верман, а потому не имевший права на управление семейным делом прежде, с исчезновением сына и невестки получил это право, став твоим опекуном. Вот только видеть тебя рядом и растить в атмосфере, когда все вокруг знают, кто унаследует торговую империю, он не собирался: слишком много желающих было бы помочь молодой наследнице избавиться от деспотичного деда. И тут уж, кто кого окрутил, история умалчивает, но спустя две недели после вступления в силу опекуинства твоего деда, он женился на Шарлотте, а ещё спустя неделю вы обе покинули Марголин. Впрочем, счастье дорвавшегося до семейного состояния старика долгим не было: не прошло и года, как он скончался, а право на опеку и доступ к состоянию Верманов, не слишком пострадавшего даже от действий твоего деда, перешло к его новоявленной вдове, но лишь до твоего совершеннолетия. Либо замужества.

Полагаю, Шарлотта собиралась выдать тебя замуж за кого-то из своих знакомых, договорившись поделить капиталы. Так ей бы осталась хоть часть, но... Ты молодец, что ее опередила, хоть мы потеряли шанс породниться. И, жаль, что я не смогла стоять рядом с тобой, когда ей выносили приговор. Когда Эркот показал мне ваши газеты, я хотела тут же бежать на корабль, но, увы, билетов не осталось. Все внезапно оказались распроданы. Вот уж совпадение?!

Надеюсь, ты сможешь простить мне мое отсутствие, как я прощаю тебе, что ты вышла замуж без моего благословения. Дарю его тебе сейчас и желаю всего лучшего.

Твоя Лари.

P.S. Виер АльТерни, читать чужие письма неприлично. Что моя подруга о вас подумает?»

Указанная в письме подруга, то есть я, ничего не подумала. По крайней мере, того, что следовало говорить в слух, а потому никто этого так и не узнал. Разве что могли догадаться по моей блуждающей, когда я только закончила читать, улыбке, что в письме было что-то хорошее. Увы, это было правдой лишь для его части – последней. Все остальное содержимое письма, заставило меня уйти в свою комнату и, приказав себя не беспокоить, дать волю чувствам.

Увы, письмо стало не единственной причиной моего волнения. Следом пришел и ответ на запрос Мартина. Скорость, с какой нас уведомили о перешедшем в мое распоряжение наследстве, не удивляла. Запрос был спущен с самого верха, и игнорировать высочайшее начальство ни один из сотрудников канцелярии не смел. А потому, ожидая возвращения супруга, я перечитывала скупые строчки, уведомлявшие новоиспеченную госпожу Клейн, точнее леди Верман, поскольку титул был наследственный и не мог исчезнуть даже от произошедшего мезальянса, и ее супруга о владении торговым домом Эрман, чья прибыль ежегодно составляла...

От цифр у меня глаза на лоб полезли, но позже Мартин пояснил, что такие доходы связаны не с одной лишь торговлей, но и с тем, что Верманам принадлежал и порт, в котором проходила разгрузка, и верфи, исправно спускавшие на воды новые суда торговой флотилии, и сниженная торговая пошлина, пожалованная ещё моему деду (не тому, кто женился на Шарлотте) за заслуги перед правившим тогда лиером, как в Марголине назвали бы нашего короля, Эртом Третьим. Была еще и золотая шахта, но претендовать на доходы с нее я не могла, пока не вернусь на родину и не поселюсь там. О чем очень жалела леди Калиори, не имея возможности покуситься на весьма солидные суммы.

– О чем ты думаешь? - Мартин перекатился на бок и подпер рукой голову, внимательно глядя на меня.

По привычке подтянула одеяло повыше, вызвав смех супруга. Еще бы ему не смеяться: все, что я так старательно прикрывала, он уже не один раз успел изучить, а что-то и попробовать. От воспоминаний о событиях минувшего дня, по телу разлилась сладкая истома, дыхание сделалось глубже, а кожа чувствительнее.

– Мне страшно ехать в Марголин, - призналась я, отпуская края одеяла и чувствуя, как свободной рукой Мартин нежно проводит пальцами по моему плечу, спускаясь к запястью.

– Я буду с тобой, - пообещал муж, перекатываясь и оказываясь так близко, что я чувствовала жар его тела.

– Я знаю, - тихо ответила, отворачиваясь. Но если я думала, что так сумею сохранить здравость рассудка, - очень зря. Рука Мартина скользнула под моей, находя безотказное средство заставить меня отвлечься от любых страхов. - Пстой.

Я накрыла его пальцы своими, останавливая поползновения. Мартин послушно замер.

– Мне... нужна другая твоя помощь.

Мужчина легко отстранился, вмиг став серьезным и заняв вертикально положение, отчего одеяло сползло и теперь прикрывало лишь нижнюю его часть, давая мне в полной мере насладиться зрелищем его поцарапанного – а я и не заметила, как это случилось, – торса.

– Все к услугам моей любимой жены, – усмехнулся Мартин. В отличие от меня он попыток прикрыться не делал.

– Я не хочу уезжать из Балиара. Более того – мне хорошо в Грастине. Не в Билене или Вистале, а в маленьком Грастине, где все друг друга знают и ведьмы...

– ... летают на шабаш, - подсказал мне муж.

– Да, – я кивнула. - Но твоя работа... Даже теперь, когда Агдор тебя отпустил...

– Может прекрасно выполняться и из Грастина, – усмехнулся Мартин, лишая меня возможности озвучить новые причины своей тревоги. - Особенно теперь, когда скоро там появится железнодорожная станция и, если моя супруга рискнет доверить мне часть свалившихся на нее обязанностей, - я быстро кивнула, прекрасно понимая, что одна не справлюсь, а Мартин... ради дела готов на все, – то я бы открыл там представительство торгового дома Эрман. Думаю, администрация города пойдет нам навстречу.

И я не знала, как администрация Грастина, но я навстречу Мартину пошла. И так охотно, что спустились мы лишь к обеду. Благо, супруг больше не был связан обязательствами являться пред синие очи светловолосого демона каждый день своего пребывания в столице.

ЭПИЛОГ

Мы были одними из первых, кто поспешил воспользоваться связавшей столицу и Грастин железной дорогой. Причин тому было несколько. Первая и самая очевидная заключалась в том, что Мартин, как человек, буквально на собственных руках втащивший новое веяние в город, должен был гордо его представить, получив заслуженную славу. Вторая – очевидная экономия в пути и комфорт, с каким до этого ещё не удавалось путешествовать. В небольших, но уютных купе, недавно выпущенных по личному проекту Виктора Агдора, коим, впрочем, был и весь паровоз, можно было даже выспаться по мерный шум колес. И третья, пожалуй, самая весомая, которая едва не оставила меня дожидаться мужа в столице, была пока не очень очевидна, но требовала дополнительной осторожности с моей стороны и абсолютного отказа от использования порталов на весь срок беременности.

Да уж, медовый месяц, который мы провели в столице и который пришелся на последовавшее за разбирательствами время, когда мы в полной мере осознали себя супругами и оценили счастье просто быть вместе, принес свои плоды. Точнее плод – один, маленький, но очень требовательный и своенравный, заставлявший меня то бегать в уборную, то отправлять Мартина среди ночи на поиски квашенной капусты, острого виксальского соуса и карамели на палочки. Стоит ли говорить, что к концу третьего месяца в доме имелись все виды деликатесов, которые только можно было купить, а бочку с маринованными огурцами и вовсе поставили на самое видное место. Впрочем, огурцы были не только там. Воспользовавшись связями, Мартин добился добавления этого пункта в качестве обязательного и для меню железной дороги. Потому все наше путешествие я ни в чем себе не отказывала: ни в соленой селедке, ни в маринованных огурцах, ни в нежнейшем торте, куски которого бесплатно раздавали всем пассажирам в первый месяц после открытия.

– Не устала? - заботливо осведомился Мартин, подавая мне руку, чтобы помочь подняться.

– Нет, - улыбнулась я, растроганная его заботой. Несмотря на мои опасения, новость и прибавлении в нашем семействе не заставила мужа рвать на себе волосы, как я втайне опасалась. Все же это обстоятельство в корне меняло дело, превращая наш брак из фиктивного в самый настоящий. Но я не жалела, особенно, когда увидела, как меняется лицо супруга, превращаясь из настороженного, ожидавшего, верно, худшего, в счастливое, а после – снова тревожное. На сей раз из-за меня, поскольку тот раз был первым, когда ребенок высказал свое фи по поводу моей диеты, а после уверенно внес в нее свои коррективы.

И пусть он еще не родился, но я была уверена, что его ждет долгая и счастливая жизнь. Ведь иначе и не может быть, когда стать крестной изъявила желание темная ведьма, а крестным – связавший нас контрактом по рукам и ногам – господин Морган. Последний заявился на следующий же день после объявления о скором прибавлении в семействе и предложил свои услуги, чтобы у еще нерожденного представителя семейства Верман-Клейн не повторились проблемы матушки. И, серьезно поговорив и чуть не поссорившись в первый раз, мы с Мартином решили согласиться.

Поезд прибыл ровно по расписанию, обдав клубами пара собравшихся на перроне встречающих. Здесь были все: от неуверенно теребившей носовой платок Дарай, рискнувшей выйти в люди, художника Жана, выбравшего место с лучшим обзором и желавшего увековечить исторический момент, злорадно щурившихся представительниц Локона, возлагавших на новый вид транспорта огромные надежды, как то поездка на море или на променад в столицу, до мэра, приложившего к глазу монокль, в сопровождении довольной – она уже была осведомлена о скором прибавлении в устроенном ею семействе – супруги.

Рядом, прикрывая глаза от яркого солнца, стояла Мали, тревожно кусающая губы. Интуиция ведьма буквально кричала, что она должна прийти встретить поезд, не только ради возможности встретить подругу, но и по другой причине, понять которую ведьмочка пока не могла. И только выслушав речь господина Клейна, обняв подругу, и уже готовая разочарованно покинуть платформу, Мали остановилась прямо посреди толпы, как замороженная, глядя на покинувшего поезд

последним, спустя четверть часа после того, как это сделали остальные, светловолосого мужчину.

Виктор Агдор прибыл в Грастин лично.

Конец

***

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Дорогие читатели, огромное спасибо всем, кто был со мной во время написания этой истории и кто прочтет ее после. Я рада, что она вас заинтересовала и вы дочитали ее до конца, пройдя весь непростой путь с ее героями. И Ринталь, и Мартин открыли для себя новые чувства, и мне, кажется, они заслужили хороший конец.

Но... это не совсем конец. Я надеюсь (и планирую), что мы ещё вернемся и в Грастин, где Мали наконец встретила того, кого так искала, и в Билен, где Георг пытается решить типичную для его положения проблему, и заморский Марголин навестим – очень уж ждет свою собственную историю Ларин. Но это будет чуть позже. Пока же я возвращаюсь к истории Ани и Морьена. Она закончилась на печальной ноте и требует скорейшего продолжения, к которому ваш автор уже совсем скоро приступит.

Мазуркевич Наташа